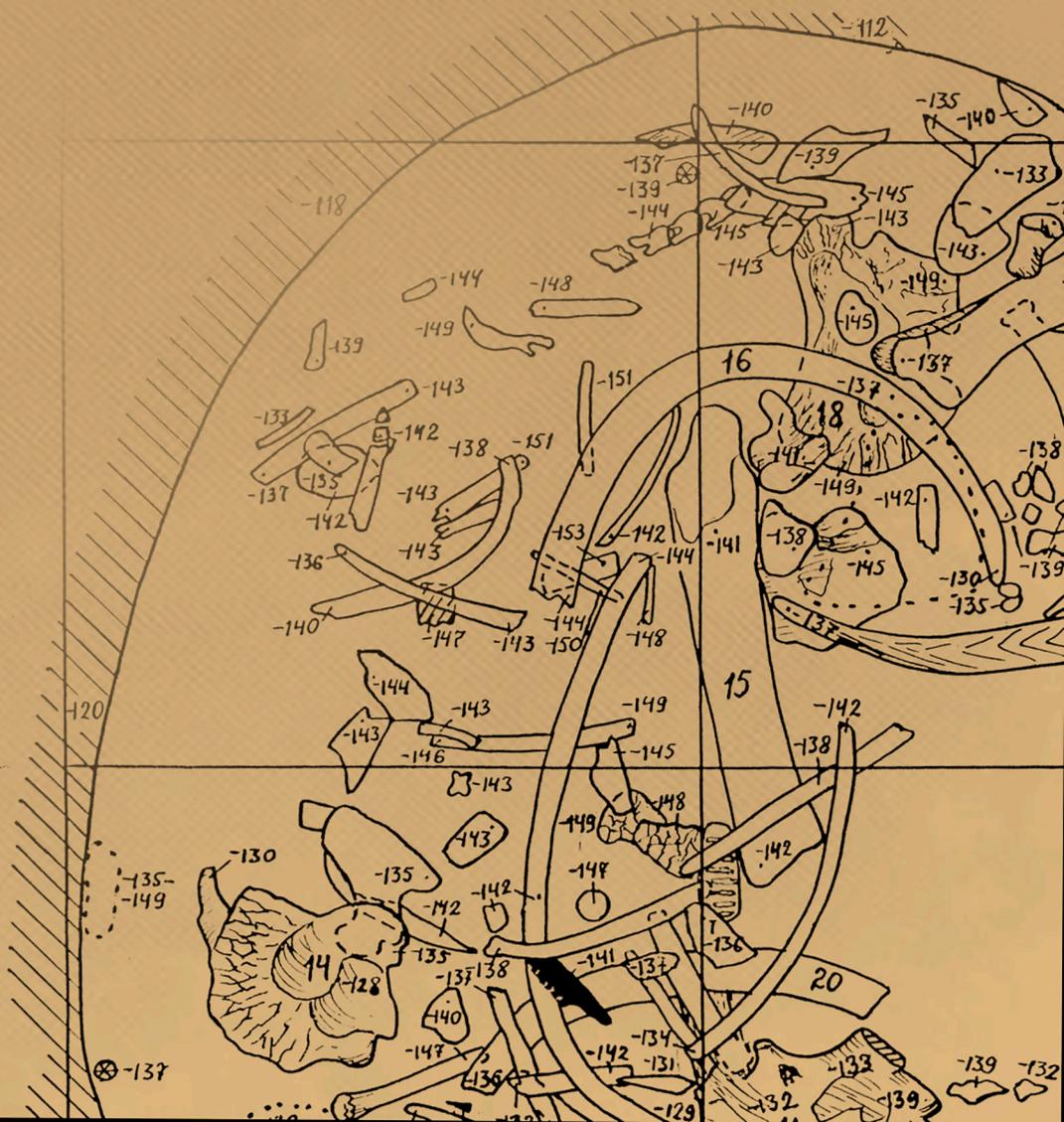

В. Я. СЕРГИН

ОНЦОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. Я. СЕРГИН

 ГОНЦОВСКОЕ **ПОСЕЛЕНИЕ**

К 150-летию открытия палеолита в Восточной Европе

Москва, 2024

УДК 902/904
ББК 63.4
С32

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
кандидат исторических наук К. Н. Гаврилов

Рецензенты:
доктор исторических наук М. Г. Жилин
кандидат исторических наук С. Ю. Лев

С32

Сергин В. Я. Гонцовское поселение. – М.: ИА РАН, 2024. – 164 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-441-8

В книге рассмотрены сведения о раскопках верхнепалеолитической стоянки Гонцы со времени ее обнаружения до раскопок 1914–1916 гг., а также полевых работ 1935 г. и 1970-х гг. Они дают основание предполагать, что выше по склону от изученного жилищно-хозяйственного комплекса имелись еще три комплекса. В связи с этим предложено новое понимание памятника, в котором учитываются и старые раскопки, и исследования, проводившиеся начиная с 1993 г. Л. А. Яковлевой и Ф. Джинджаном.

Книга предназначена для археологов и историков, занимающихся изучением культуры населения Восточной Европы каменного века.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-441-8
DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-441-8

© В. Я. Сергин, 2024
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2024

Содержание

Введение	4
<i>Глава 1</i>	
История изучения, местоположение, стратиграфия и возраст Гонцовского поселения	6
<i>Глава 2</i>	
Кости мамонта в остатках конструкции жилища	18
<i>Глава 3</i>	
Жилое пространство	48
<i>Глава 4</i>	
Хозяйственные ямы	66
<i>Глава 5</i>	
Объекты вокруг жилища и ям	105
<i>Глава 6</i>	
Изделия из камня, кости, бивня и рога, костные остатки животных.....	124
<i>Глава 7</i>	
Другие жилищно-хозяйственные комплексы, деятельность человека в окрестностях поселения	141
Заключение	155
Приложение	160

ВВЕДЕНИЕ

Гонцовское поселение входит в группу культурно близких памятников конца позднего палеолита бассейна Десны – Среднего Днепра, замыкая их ареал с юго-востока (рис. 1).

Обследование Ф. И. Каминским местонахождения костей мамонта в с. Гонцы Лубенского р-на Полтавской обл. в 1873 г. положило начало изучению древнекаменного века Восточной Европы. В раскопках 1914–1916 гг., проведенных в Гонцах В. М. Щербаковским при участии В. А. Городцова были обнаружены остатки жилища и хозяйственных ям. Как непосредственно перед этим в Мезине, они не были правильно определены, но опубликованный план позволил сделать это П. П. Ефименко и И. Ф. Левицкому. После исследований памятника в 1935 г., затронувших и край раскопа В. М. Щербаковского, И. Ф. Левицкий смог точно установить наличие в Гонцах хозяйственных ям и их общие особенности. Но, основываясь на публикации В. М. Щербаковского, он считал жилище полуземлянкой с обкладкой по верху из костей мамонта.

В последующее время в свете раскопок в Юдиново, Добраничевке, Мезине, Костенках 11 общий характер объектов, открытых в Гонцах, стал более определенным. Вместе с тем, оставалась возможность выяснить многие детали раскопанной части памятника благодаря тому, что после расчистки в 1915, 1916 гг. основная часть объектов была засыпана землей. Раскопки 1977 г. и последующих лет, проводившиеся под руководством автора, позволили установить точную планиграфию костей мамонта, слагавших ограждение жилища и часть его перекрытия. Были выявлены детали очажной конструкции из черепов и крупных костей конечностей мамонта. Неразобранный участок культурного слоя под завалом костей на полу дал возможность судить о характере накопления остатков внутри жилища. Были изучены ямки в полу и основная часть хозяйственных ям. Полученные сведения позволили определить вероятный объем каменного инвентаря, накопившегося в период использования жилищно-хозяйственного комплекса.

В книге рассмотрены также сведения о земляных работах на памятнике со времени его обнаружения до раскопок 1914–1916 гг. Они дают основание предполагать, что выше по склону от изученного жилищно-хозяйственного комплекса имелись еще три комплекса. В связи с этим предложено новое понимание памятника, в котором учитываются как старые раскопки, так и новейшие исследования, проводившиеся с 1993 г. под руководством Л. А. Яковлевой и Ф. Джинджаном.

Ход раскопок памятника, проводившихся экспедицией Института археологии АН СССР, неоднократно обсуждался с коллегами в Отделе неолита и бронзы. Данная работа выполнена в Отделе археологии каменного века Института археологии РАН. Я благодарен сотрудникам за вопросы и замечания, высказанные при детальном рассмотрении ее разделов, и помощь в подготовке публикации. Благодарю за активное участие в раскопках археолога А. Л. Кунгурова и журналиста В. В. Никулина.

Рис. 1. Карта памятников

Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, СТРАТИГРАФИЯ И ВОЗРАСТ ГОНЦОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Гонцовское поселение расположено на границе ныне сомкнувшихся сел Гонцы и Духовое, за их южной окраиной. Села относятся к Лубенскому району Полтавской обл. и удалены от г. Лубны на 23 км. к северо-западу. В 1,2 км к северу от памятника течет река Удай, приток Сулы, впадающей в Днепр. Река мелководна и меандрирует по широкой, заболоченной и поросшей камышом и кустарником пойме (рис. 2).

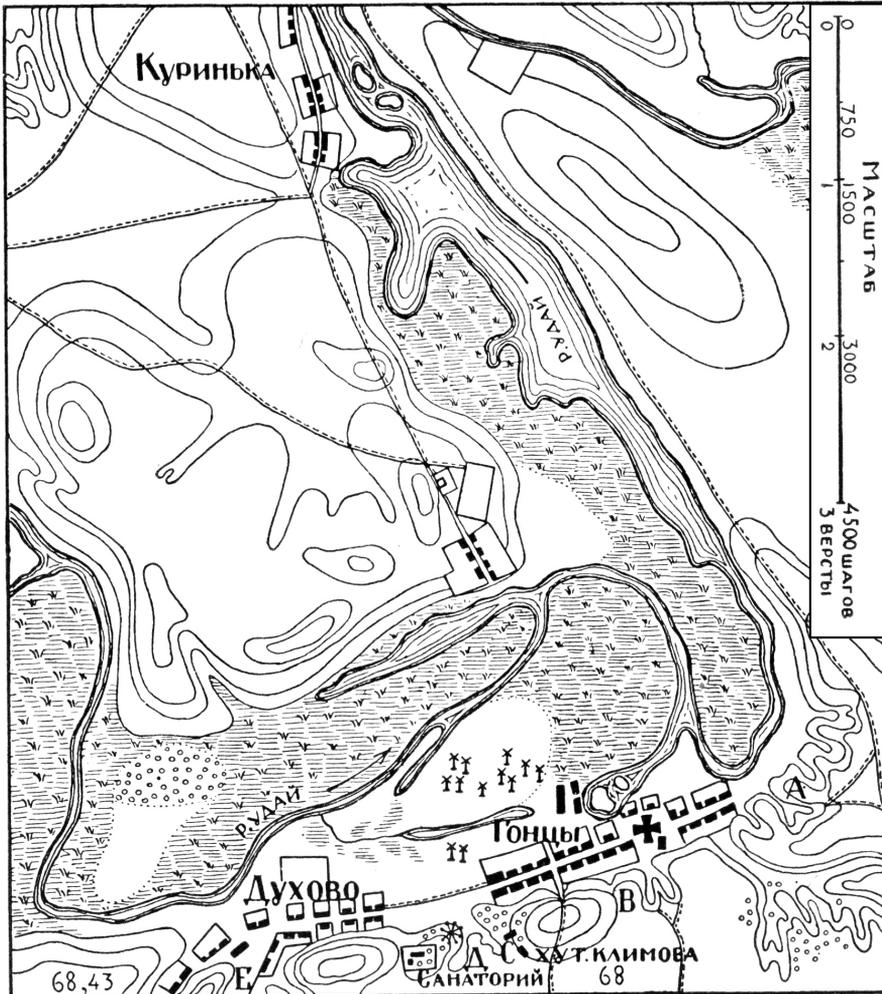

Рис. 2. Местоположение поселения (по: Городцов, 1926, рис. 1)

Изучение Гонцовского поселения с момента открытия до конца XX в.

В 1871 г. на месте поселения владелец села, краевед, член РГО Г. С. Кирьяков обнаружил при хозяйственных работах кости мамонта и других четвертичных животных. Два года спустя он передал их в учебный музей при Лубенской гимназии. Находки были приняты Ф. И. Каминским, основным собирателем коллекций музея. Приехав в Гонцы для ознакомления с обстоятельствами обнаружения костей, он выяснил, что вместе с костями имелись изделия из кремня. Яму уже засыпали, но рядом была выкопана другая, также содержащая культурные остатки. Не ограничившись полученными сведениями, Ф. И. Каминский произвел расчистку культурных остатков в ее стенке и проследил положение кремневых изделий, костей животных и следов разведения огня. Было точно установлено залегание костей мамонта и других животных вместе с костным углем, кремневыми отщепами и орудиями. Так выяснилось, что в четвертичное время человек жил не только в Западной и Центральной, но и в Восточной Европе.

Следующий эпизод изучения культурного слоя памятника относится к весне 1891 г. Под наблюдением К. М. Скаржинской, наследницы Г. С. Кирьякова, копали яму для погребца, в которой встретились культурные остатки. К. М. Скаржинская являлась создателем частного музея — основы будущего Лубенского музея ее имени. Долгое время работая вместе с Ф. И. Каминским, служившим основным сотрудником музея, она смогла провести важные наблюдения.

Позднее памятник оказался в полузаброшенном состоянии и был доступен для всех, кого могли заинтересовать кости ископаемых животных. Наибольший урон нанесли действия приват-доцента медицинского факультета Киевского университета Р. И. Гельвига. Он, несомненно, знал и об открытии Ф. И. Каминского в Гонцах, и о многолетних раскопках В. В. Хвойко на Кирилловской ул. в Киеве, которые консультировались профессорами того же университета В. Б. Антоновичем и П. Я. Армашевским. Но, обнаруживая множество культурных остатков в землекопных работах перед строительством университетских дач, Р. И. Гельvig со студентами лишь накапливал массу костей мамонта, впоследствии розданную им и разобранную случайными людьми.

По предложению Л. П. Климова, нового хозяина места древнего поселения и члена Полтавской губернской земской управы, было решено провести раскопки памятника. Их подготовкой, а затем и самими работами руководил В. М. Щербаковский, заведующий Археологическим

отделом Естественно-исторического музея Полтавского губернского земства. Он заложил на памятнике ряд траншей (рис. 3). Широкая траншея прошла через плотное скопление костей мамонта и других культурных остатков, которые были сняты. На этом месте по сторонам и к югу от траншеи были проведены раскопки 1915 г. Для участия в них пригласили В. А. Городцова. Землекопами были взяты три рабочих из группы постоянных сотрудников В. В. Хвойко. Раскоп площадью 6х10 м., затем расширенный, охватил основное скопление костей мамонта и других остатков, разделенное траншеей 1914 г., и несколько меньших по размеру. Они представляли собой развал костей на месте жилища и заполнение хозяйственных ям, как стало понятно со временем. Изучением разных аспектов памятника занимались посетившие его В. И. Вернадский, А. П. и М. В. Павловы. С его геологией знакомились Г. Ф. Мирчинк и Н. И. Криштофович. Наблюдая за текущей ситуацией, несколько раз приезжал Л. Е. Чикаленко.

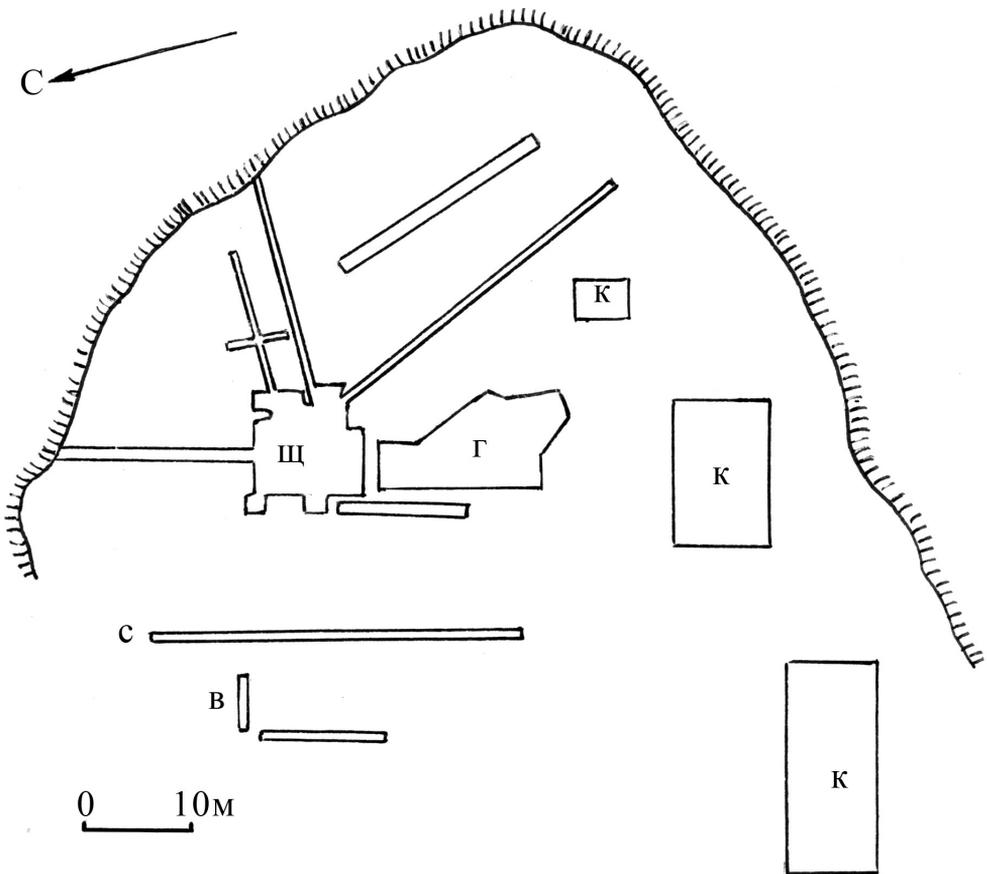

Рис. 3. План раскопов и ям (Архив ИА НАНУ. Фонд И. Ф. Левицкого)

В 1914–1916 гг. В. М. Щербаковским были обнаружены семь скоплений костей животных и других культурных остатков. Все они были приняты за однородные объекты – «кучи» остатков. В 1919 г. В. М. Щербаковский опубликовал сведения о раскопках пяти «куч» культурных остатков (Щербаковский, 1919; рис. 4). Шестую «кучу» он описал позднее (Scherbakivski, 1926). Была выявлена и вскрыта также и седьмая «куча», не упомянутая им в печати. Сведения о ней содержатся в работе И. Ф. Левицкого, который обследовал ее вместе с предыдущей «кучей». (Левицкий, 1949, с. 228–230).

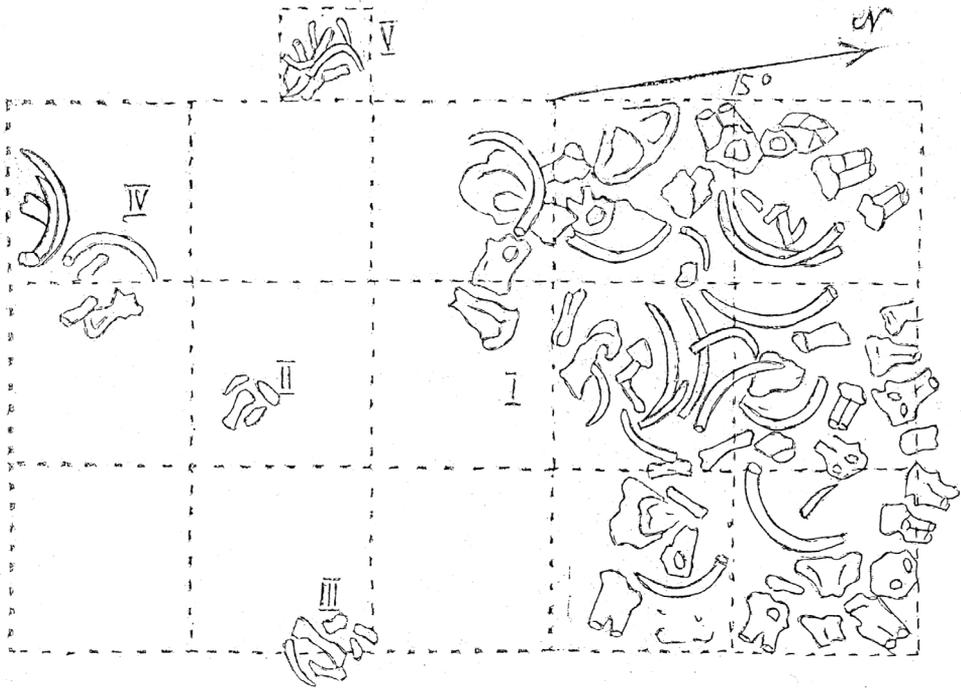

Рис. 4. Раскопки 1915 г. (по: Щербаковський, 1919, рис. 4)

Номера давались «кучам» в порядке их обнаружения и расчистки. Первыми встретились остатки жилища и, несмотря на резкое отличие этой «кучи» от остатков других «куч» по размерам и строению, все скопления были приняты за однородные объекты. В. М. Щербаковский писал, что вид отдельных «куч» производит впечатление сложенных «с определенной старательностью». Причем середину каждой кучи занимал бросовый материал: мелкие обломки костей, угли, зола и т.п., которые были обложены крупными костями: тазовыми, лопатками, бивнями мамонта и др. Такими же костями кучи были прикрыты. Казалось, что люди стремились сохранить мелкий перепад или мусор, прикрыв его крупными костями (Щербаковський, 1919, с. 68).

В обширной «куче» 1 перепал и мусор ограждало широкое кольцо из черепов и лопаток мамонта, а сверху его прикрывали бивни. В. М. Щербаковский задавался вопросом, не является ли этот объект тем, что в то время определялось понятием «очаг»? Это понятие представлялось ему слишком неясным и растяжимым. Если имелось в виду место разжигания огня, то к данному случаю, как он думал, оно не подходило ввиду того, что под скоплением перепала провал поверхности отсутствовал. Больше всего «куча» 1 напоминала В. М. Щербаковскому сельскую мусорку. Он указал на присутствие среди перепала необожженного костяного шила и обломков других шил. Состояние этих вещей заставляло его считать «кучу» 1 реальной свалкой, в которую вместе с костным перепалом и другим мусором попадали также целые нужные вещи (Щербаковський, 1919, с. 69).

В. А. Городцов присутствовал на раскопках в то время, когда были расчищены четыре «кучи», включая остатки жилища. Эти объекты были изображены им (рис. 5). По его наблюдениям, «огромнейшие» скопления кухонных отбросов сопровождали обширное кострище. Между «кучами», которые В. А. Городцов называл группами скоплений или скоплениями, по его словам, оставались узкие проходы. С костями животных на них сваливали различные мелкие и рыхлые органические вещества, может быть мусор, удаляемый из жилищ. В этом мусоре застревали кремни, осколки костей, угольки и т.п. Чтобы мусор не расплзался, некоторые его груды обкладывались крупными костями мамонтов. В одном случае ряд лопаток был поставлен наподобие щитов (Городцов, 1925, с. 286, 287). Расхождения В. А. Городцова с В. М. Щербаковским в определении объектов носили второстепенный характер.

Касаясь устройства быта древних обитателей долины реки Удай, В. А. Городцов отметил: «От жилищ не сохранилось никаких остатков: очевидно, они не были монументальными сооружениями. В конце палеолитической эпохи человек жил обыкновенно или в естественных пещерах, или в шалашах. Естественных пещер по причине геологических условий во всех окрестностях с. Гонцов не могло быть; поэтому остаются возможными одни шалаша, а это такие хрупкие сооружения, от которых могло не сохраниться и, по-видимому, не сохранилось никаких следов» (Городцов, 1926, с. 33).

В 1915 г. заполнение двух ям в южной части раскопа было разобрано. То же должно было произойти и с костями, оставшимися от конструкции жилища. Но, по совету В. А. Городцова, их и частично расчищенные ямы по окончании раскопок засыпали до уровня поверхности. В годы войны, лишавшие какой-либо возможности продолжения раскопок, это было единственным средством сохранить ценные объекты. При

возвращении благоприятных условий предполагалось открыть древнее сооружение и, доставив кости в Полтаву, уложить в музее в исходном порядке. Однако В. М. Щербаковскому пришлось эмигрировать в Германию, откуда он не вернулся, а для экспонирования в музеях со временем появились более эффектные образцы древних построек.

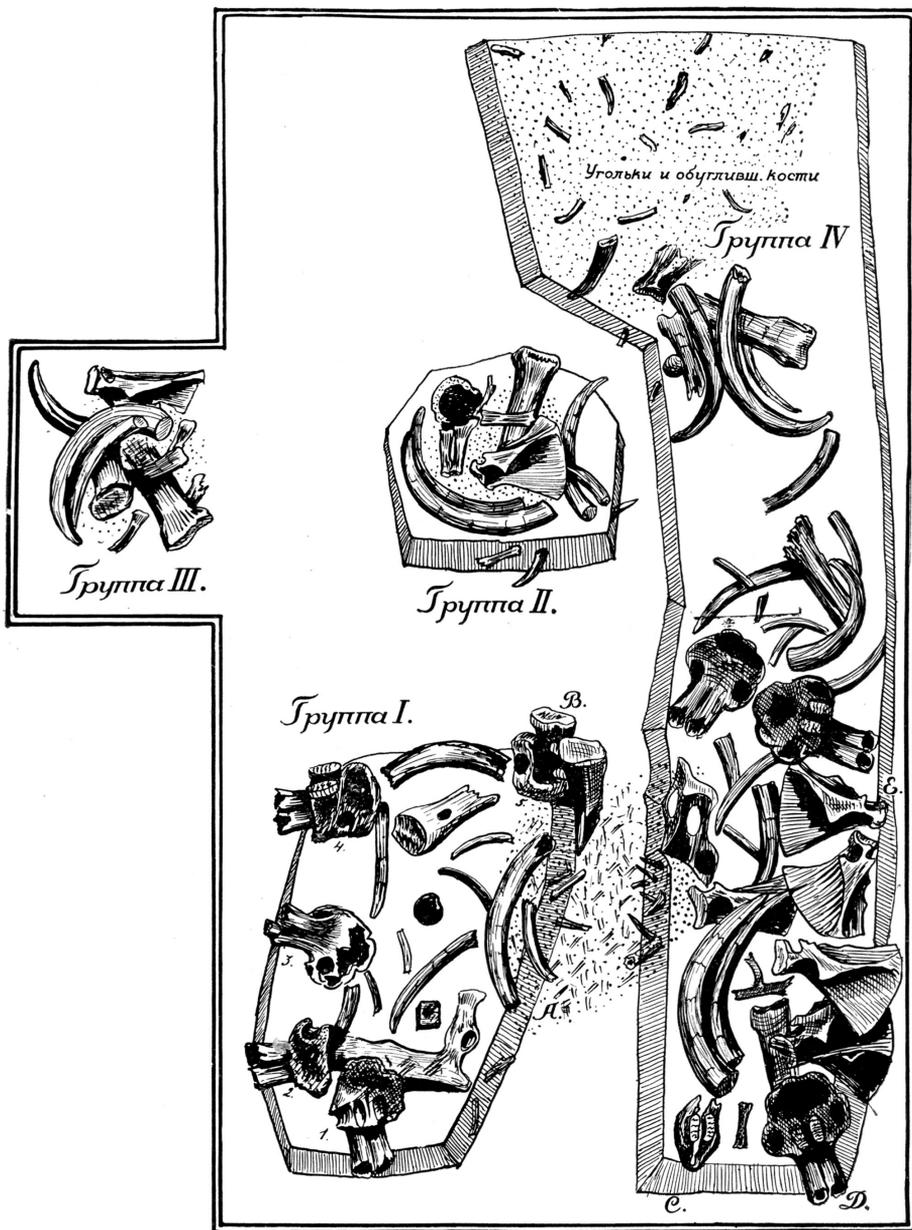

Рис. 5. Раскопки 1915 г. (по: Городцов, 1926. Табл. III)

Раскопки 1935 г. под руководством И. Ф. Левицкого и при участии А. Я. Брюсова, М. Е. Фосс и И. Г. Пидопличко проходили на значительно более высоком научном уровне. Выявлялись границы памятника, изучалась стратиграфия разных его частей, были исследованы большие площади. В пределы работ был включен и небольшой участок с тремя хозяйственными ямами, вскрытыми В. М. Щербаковским в 1915, 1916 гг. Это позволило И. Ф. Левицкому дать правильное определение объектов, обнаруженных ранее.

Смену представлений о характере памятника можно проследить по разным изданиям основного труда П. П. Ефименко. В 1934 г. он писал: «Как сообщает В. Щербаковский, кости мамонта не были разбросаны в беспорядке. По его рисунку видно, что они очерчивали довольно правильную овальной формы площадку длиной в 14 м и шириной в 8-9 м, по периферии которой были расположены в одну линию крупные кости – верхние и нижние челюсти мамонта, лопатки и т.д. Середину ее занимали культурные отбросы, вместе с костями разных животных, ребрами и рогами оленей, причем поверх всего этого лежали главным образом бивни мамонта, представлявшие очевидно, запас материала для изделий, который должен был первоначально находиться на осевой, вероятно, земляной кровле жилища... Недалеко от главного были разбросаны меньшие скопления таких же костей. Под грудями костей и около них сохранились остатки кострищ из костного мусора и перепала, расщепленного кремня и т.д.» (Ефименко, 1934, с. 441, 442).

В данном описании скопления культурных остатков в Гонцах рассматриваются по образцу Костенок 1 как части жилой площадки, связанные единым планом. И одновременно те же скопления (других не было) отмечаются как отдельные груды костей. Через несколько лет после раскопок И. Ф. Левицкого, определившего строение памятника, о том же объекте говорится: «Кости мамонта... очерчивали довольно правильной овальной формы площадку длиной 6 м. и шириной 4 м, по периферии которой находились 27 черепов мамонта... за исключением трех, все остальные черепа были поставлены в естественном положении, окружая это скопление с трех сторон – северной, восточной и западной. Лопатки мамонта в числе 30 штук, также были расставлены преимущественно по краям скопления, по большей части сохраняя первоначальное вертикальное положение. В центре находились бивни мамонта (>30), нижние челюсти (6), тазы... Таким образом, в подборе и расположении костей в этом скоплении наблюдается определенная преднамеренность, которая становится понятна в том случае, если рассматривать эту находку как прямую аналогию тем землянкам, которые сопровождают наземные жилища в Костенках I, Лангманнерсдорфе, Елисеевичах и ряде других

стоянок ориньяко-солютрейского и более позднего, мадленского времени» (Ефименко, 1938, с. 557, 558).

В этой книге после исследований И. Ф. Левицкого остатки жилища и хозяйственные ямы рассматривались уже как самостоятельные объекты с установленными размерами. Но вместе с тем было принято и ошибочное определение И. Ф. Левицким жилища как углубленного объекта. Причем более вероятной представлялась значительная углубленность. Тем не менее, появилась возможность говорить об открытии жилого объекта не известного ранее типа. Однако П. П. Ефименко представлялось, что наблюдавшиеся подбор и расположение костей находят объяснение, если рассматривать гонцовский объект как прямую аналогию землянкам Костенок I, Лангманнерсдорфа, Елисеевичей и др. стоянок (Ефименко, 1938, с. 558). С таким заключением соглашался и П. И. Борисковский (Борисковский, 1953, с. 310).

В 1953 г. П. П. Ефименко определял гонцовское жилище как несколько углубленное в землю, но не исключал и земляночный вариант. Черепа мамонта укрепляли основание, а бивни должны были составлять основу конструкции земляной кровли. Эти детали, опиравшиеся на заключения И. Ф. Левицкого, могли бы служить основанием для изменения взгляда на памятник. Но хозяйственные ямы напоминали П. П. Ефименко краевые ямы Костенок I и Авдеева, а в целом представлялось, что сходство памятников могло быть более полным, вплоть до наличия в Гонцах больших наземных жилищ (Ефименко, 1953, с. 552, 553).

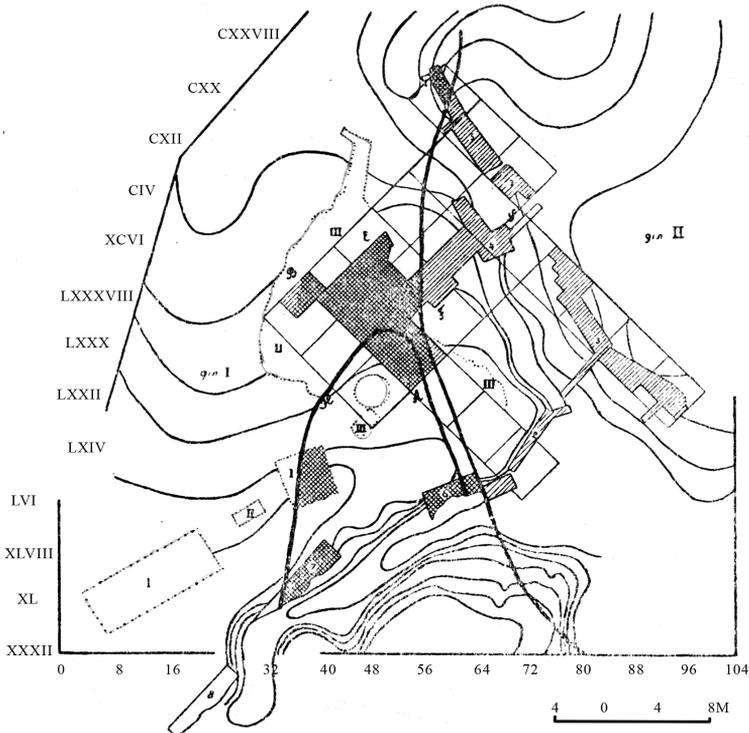
Обращение к одним и тем же скорее путающим, чем разъясняющим аналогиям обуславливалось крайне узким кругом источников по устройству древних поселений и стремлением увязать разнородные материалы для получения обобщающих характеристик прошлого. После исследования жилищ на памятниках, близких в культурном отношении Гонцовскому поселению (Добраничевка, Мезин), значение объектов, раскопанных В. М. Щербаковским, стало понятным. В связи с этим при вскрытии в Гонцах старого раскопа основная задача сводилась к возможно более полному установлению деталей, характерных для данной части поселения.

Возобновленные Институтом археологии АН СССР в 1977 г. работы на памятнике планировалось не ограничивать исследованием засыпанных остатков жилища и хозяйственных ям. Важно было полнее раскрыть один из комплексов, слагавших поселение. Раскопки проводились силами отряда студентов и школьников до 5-6 человек. Несколько раз участие в них принимали группы студентов Полтавского пединститута. Специалисты Института зоологии АН УССР под руководством Н. Л. Корниец отбирали материал для своих исследований. Однако полностью изучить жилищ-

но-хозяйственный комплекс не удалось. Сложности финансирования значительно сузили и затянули работы, а с середины 80-х гг. надвинувшиеся внешние обстоятельства сделали их продолжение невозможным.

Топография, стратиграфия отложений, радиоуглеродный возраст памятника

Река Удай в районе памятника течет, меандрируя по широкой долине. В районе сел Духовое и Гонцы долина с северной стороны ограничена высоким уступом, представляющим собой край плато. Денудация сгладила уступ, превратив его в относительно крутой склон. К северу он становится более пологим, переходя во вторую надпойменную террасу реки. Палеолитическое поселение занимало участок террасы, ограниченный двумя оврагами. Культурные остатки встречались на нем практически во всех шурфах, зачистках, раскопах и ямах разного происхождения. Но объекты и материалы, связанные с жилой зоной поселения, сосредоточивались на повышенном участке террасы. Он простирается с юго-запада на северо-восток в полосе, включающей крупные ямы и западную часть раскопов (рис. 6).

**Рис. 6. План
памятника
(по:
Левицкий,
1949, рис. 1)**

Участок древней поверхности, на котором размещался жилищно-хозяйственный комплекс (рис. 7), был более уплотненным по сравнению с непосредственно граничившими с ним частями склона. Восточнее комплекса, в разрезе 1935 г. вдоль кв. XII-X, наблюдались довольно значительные просадки грунта (Левицкий, 1935, рис. 3). В раскопках комплекса они встретились только на самом западном его краю, нарушив залегание имевшейся там очажной массы.

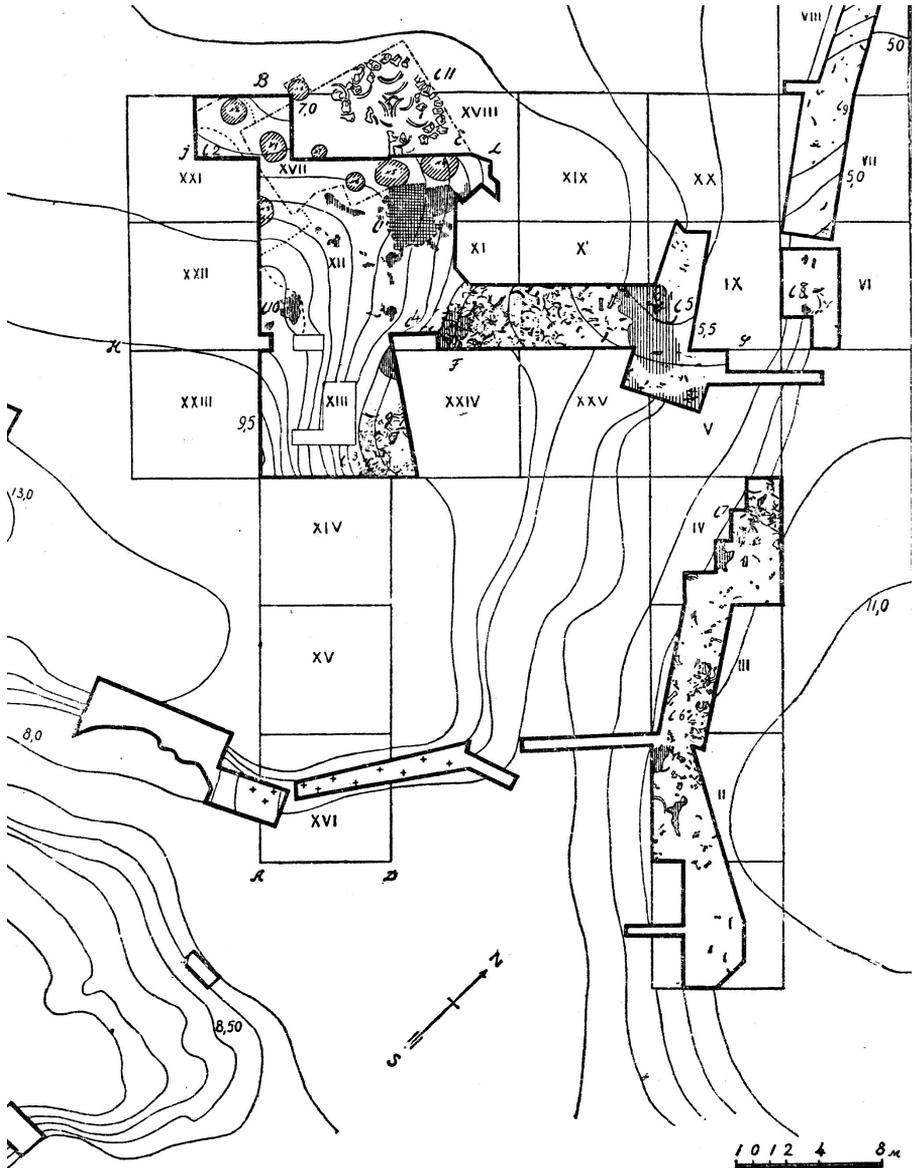

Рис. 7. Раскопы 1914-1916, 1935 гг. (по: Левицкий, 1949, рис. 9)

Стратиграфические наблюдения были проведены по восточной стенке раскопа в месте, где имелся участок более полно сохранившихся естественных отложений (рис. 8).

1. Насыпная земля, по краям разреза заполнявшая углубления, оставшиеся от траншей В. М. Щербаковского. В траншеях грунт сверху равномерно темно-серый, у дна чередовались чернозем и суглинок.

2. Почвенный горизонт серого цвета.

3. Темно-бурый слой, нижние горизонты почвы.

4. Желтовато-бурый суглинок с включением белоглазки и с множеством кротовин, заполненных сильно перемешанным черноземом и суглинком, местами почти сливающимся с вмещающей породой. Не резко переходит в слой 5.

5. Желтовато-серый суглинок, также с множеством кротовин с бурым, черным и слабо выделяющимся заполнением. Внизу наблюдались песчаные прослойки, между которыми залегал тонкий культурный слой. На границе линий кв. 21 и 22 он был прерван.

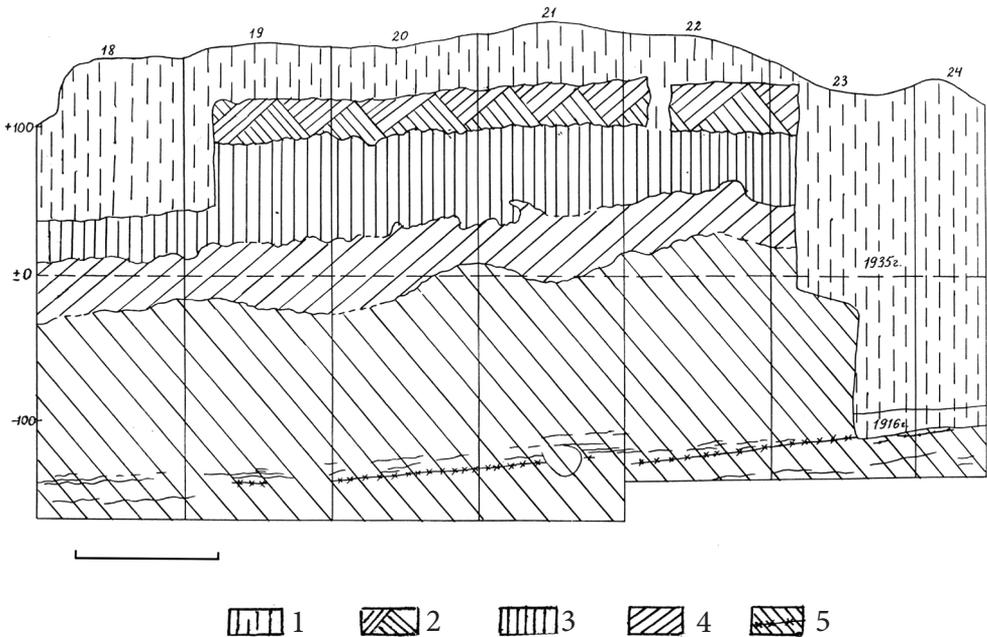

Рис. 8. Стратиграфия по восточной стенке раскопа

1 – насыпная земля; 2 – почвенный горизонт; 3 – темно-бурый слой;
4 – желтовато-бурый суглинок; 5 – желтовато-серый суглинок, вмещающий культурный слой

Л. А. Яковлевой и Ф. Джинджаном получены радиоуглеродные даты двух объектов комплекса. По костному углю из ямы к северо-западу от остатков жилища, обозначенной ими номером 9:

13200 ± 270 BP, ISGS-1740

13400 ± 180 BP, QC-898

13700 ± 100 BP, GIN-8410

По материалам из очажной массы на кв. У-21:

Костный уголь, 14350 ± 190 BP, ISGS-1739

Зуб мамонта, 14600 ± 200 BP, ОхА-717

Последние две даты очень близки к еще четырем определениям, полученным по костям и зубу мамонта из ямы, обозначенной номером 10, и материалам из других объектов (Iakovleva, Djindjian, 2005. Tab. 1). Даты из ямы 9, по-видимому, омоложены.

Глава 2

КОСТИ МАМОНТА В ОСТАТКАХ КОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩА

Западный край

В разной степени засыпанные раскопы Р. И. Гельвига, В. М. Щербаковского и И. Ф. Левицкого были достаточно заметны на поверхности террасы. В контуре осевшей задернованной земли на месте раскопа В. М. Щербаковского можно было определить участок над остатками жилища. С помощью бульдозера была снята верхняя часть засыпки. Под ней обнаружались крупные деревянные брусья, напоминающие железнодорожные шпалы. Они были разложены в 1915 г., чтобы обезопасить законсервированный участок (рис. 9). Несколько наиболее возвышавшихся костей, как выяснилось после удаления брусьев, находились непосредственно под ними. Под юго-восточной частью прикрытия культурный слой был полностью разобран, но засыпка, как и над остатками конструкций, содержала многочисленные мелкие обломки бивней, зубов мамонта и других костей, кремневые обломки и изделия, местами золу и угли.

Рис. 9. Брусья, уложенные поверх засыпанного раскопа 1914–1916 гг.

На месте жилища в первоначальном положении сохранились около 2/3 костей, использованных при его сооружении. Остальные кости были сняты при разборке культурных остатков в траншее 1914 г. На нее пришлось значительная часть костей ограждения жилища и костей, находившихся внутри него. Значительная часть этих костей не были перевезены в музей и в виде груды лежали у северо-восточного края жилища (рис. 10). Многие кости в остатках жилища представлены основной или массивной своей частью. При покрытии делювием развалин брошенного людьми жилища верхние части костей, дольше других остававшиеся наружи, эродировались. В особенности это сказывалось на черепаках, часто возвышавшихся над другими костями и к тому же имевших тонкое ячеистое строение верхней части.

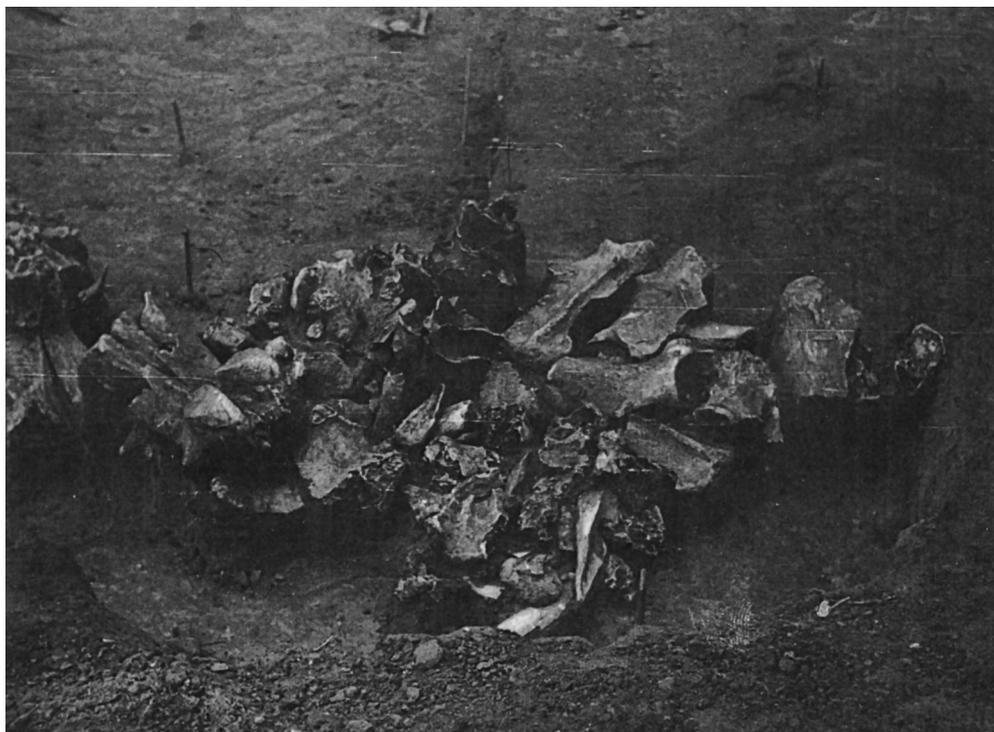

Рис. 10. Кости северного края ограждения жилища, снятые и оставленные после раскопок 1914 г. Крайний слева – оставшийся нетронутым череп 88

Скопление оставленных на месте костей простиралось на 5,7 м по линии запад – восток и несколько более 5 м в поперечном направлении (рис. 11). Мощность массы костей составляла в среднем 0,6 м. Вследствие общего склона участка, уровень скопления снижался к северо-западу приблизительно на 0,5 м. Все кости, кроме врытых, находи-

лись на останцах (рис. 12). В целях сбора изделий для коллекции музея в 1915 г. останцы под костями во многих случаях предельно подкапывались. В особенности это касалось нижней челюсти 6, лопаток 27 и 28, черепов 64 и 67. Под черепами 29, 79 и некоторыми другими костями невозможно было полностью убрать насыпную землю, иначе они не удержались бы на месте.

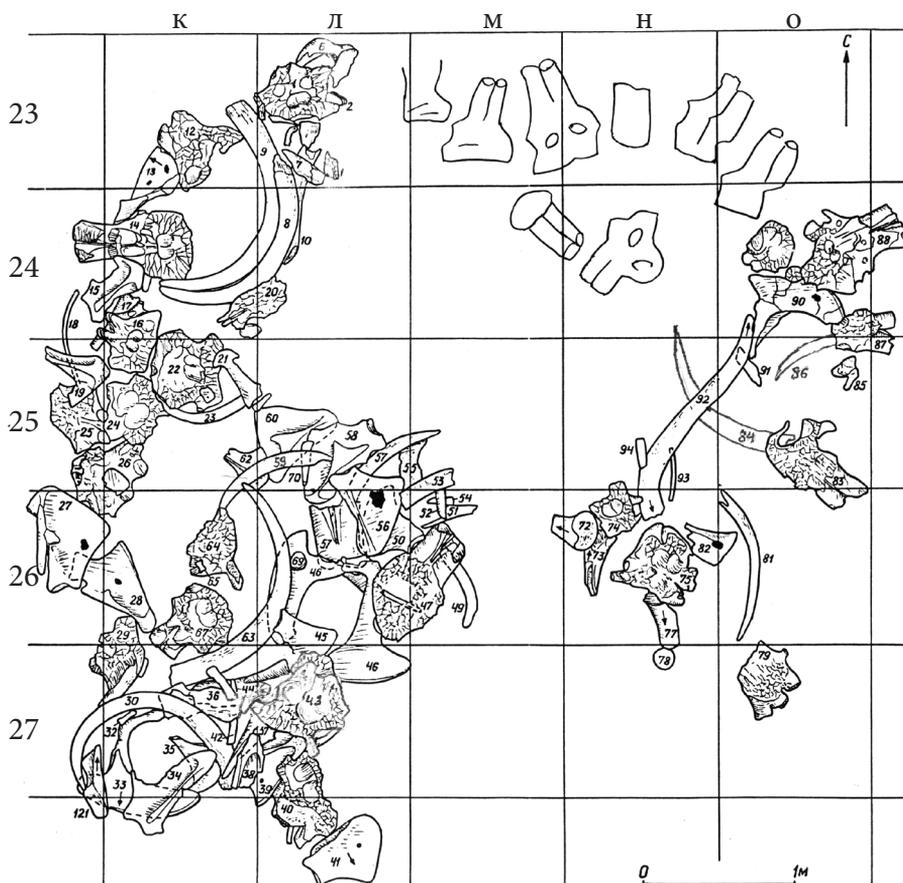

Рис. 11. Крупные кости мамонта на месте жилища. Контуром изображены черепа и лопатки (?) снятые в траншее 1914 г.

В западной части остатков жилища крайней с севера была поставлена на подбородочный выступ нижняя челюсть 6 с сохранившимися зубами (рис. 11; 13). Ее верхняя отметка: -1,15 м, нижняя: -1,5 м. Поверхность зубов была обращена к черепу 1 и находилась в вертикальной плоскости, конец левой ветви касался черепа. Череп был обращен передней стороной к юго-востоку и наклонен туда же под 60° – 70° . Бивневые альвеолы уходили в нетронутый грунт не менее чем на 15 см. Верхняя часть

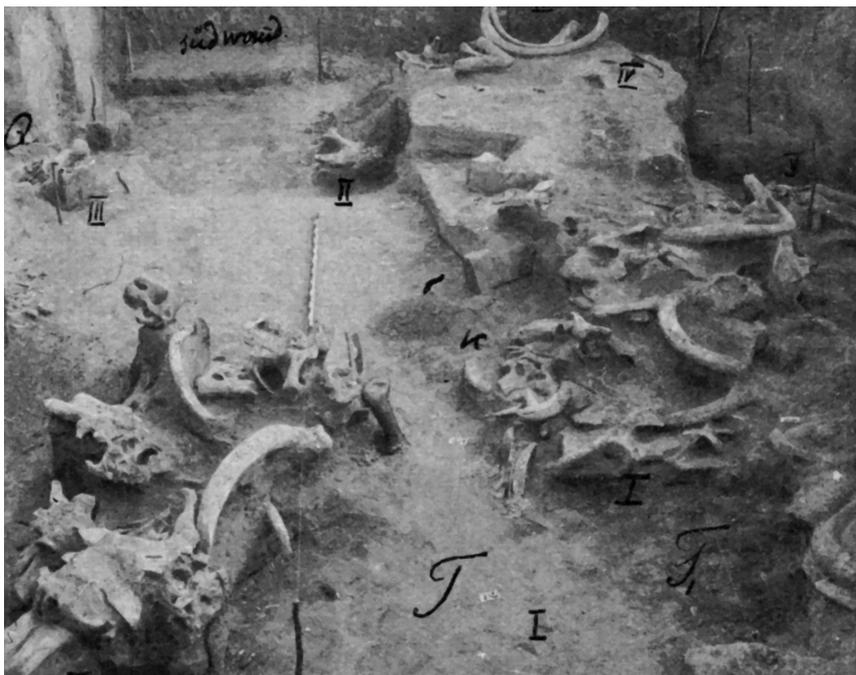

Рис. 12. Раскоп 1915 г. На переднем плане южная часть траншеи 1914 г., на заднем обозначены ямы (по: Scherbakivski, 1926, Abb. 6)

Рис. 13. Кости на кв. К, Л – 23: нижняя челюсть 6, череп 1, бивень 1, череп 12. Обломки костей

по середину мозговой полости отсутствовала. Подобное же состояние черепной коробки было характерно и для других вкопанных передней частью черепов. Зубы отсутствовали. В височную впадину на глубине -1,17 м входил обломок зуба мамонта.

К югу от черепа 1 на глубине от -1,34 м до -1,46 м лежали крупные обломки, по-видимому, этого же черепа. В самом южном краю кв. Л-23 на глубине -1,15 м находился в горизонтальном положении обломок трубчатой кости 7. Несколько небольших костей: два обломка ребер и неопределенный обломок западали вдоль западной стороны черепа с глубины -1,2 м. К бивневым альвеолам спереди на глубине -1,4/-1,43 м примыкали 2 кусочка кости, 5 углей и кремневая пластинка. Ниже имелись 2 мелких уголька, черепная крошка, а на глубине 1,51–1,53 м вплотную к передней части альвеол прилежали обломок пластины зуба мамонта 5х5,5 см, осколок кремня, 3 уголька и крошка охры.

Череп 12 (рис. 14–16) был обращен передней стороной к юго-востоку с наклоном около 80°. Левая бивневая альвеола была выломана по самое основание. Верх черепа находился на глубине -1,19 м, в передней части он был эродирован до низа мозговой камеры на глубине -1,27 м. Правая бивневая альвеола погружалась в суглинок до -1,78 м. С тыльной стороны она была закрыта костными перегородками. С дистального конца на протяжении 10 см ее заполнял песок, в котором наискось лежал осколок ребра длиной 12 см. На 5 см далее альвеолу заполнял плотный суглинок. В обоих слоях имелось много черепной крошки – обломков тонких костных перегородок. В 22 см от конца в альвеоле встретился клык, вероятно, медведя и вблизи него пластинка зуба мамонта длиной 9 см.

Под левой скуловой костью черепа имелась прослойка из угольков и золы, она опускалась до глубины -1,51 м. С глубины -1,73 м у передней части черепа появился голубоватый темно-серый суглинок.

Между черепами 1 и 12 находились основания крупных бивней 8 и 9, сильно изогнутых к северо-западу и вниз (рис. 16). Бивни имели одинаковые размеры и изгиб, благодаря чему плотно прилежали друг к другу. Вероятно, они принадлежали одному животному. Сомкнутые концы бивней находились в южной части кв. К-24, примыкая к черепу 14. Полнее сохранившийся проксимальный конец бивня 9 занимал наиболее низкое положение. Бивень 8 налегал на крупную часть бивня 10, дистальный конец которого имел четкие следы отрубания тяжелым острым орудием. Проксимальный его конец, судя по архивной фотографии, был значительно длиннее, но, видимо, частично разрушился при консервации остатков жилища.

**Рис. 14. Западный край ограждения к югу от черепа 12.
Вид с северо-запада**

**Рис. 15. Северо-западный край ограждения от черепа 1 до черепа 14.
Вид сверху с запада**

На всем протяжении налегания бивня 8 на бивень 10 имелась прослойка мелкого светло-серого песка толщиной 3–4 см. Она наблюдалась и вдоль бивня 9 с западной стороны. Прослойка продолжалась к югу, сходя на нет в 10 см от конца бивня 10. Вершина дуги бивня 8 находилась на глубине -1,22 м, обломанный проксимальный конец снижался до -1,32 м, дистальный – до -1,01 м. Средняя часть бивня 9 находилась на той же глубине, проксимальная часть погружалась до -1,32 м, дистальная – до -1,0 м.

Череп 14 (рис. 14, 16, 17) лежал в перевернутом положении на кв. И, К – 24. Бивневые альвеолы располагались горизонтально к западу. Направленные вверх зубы хорошо сохранились. Вскрытая эрозией мозговая капсула лишь немного была повреждена в своей базальной части. Верхняя отметка черепа с восточной стороны и жевательная поверхность зубов совпадали: -1,15 м. Уровень анатомически верхнего края бивневых альвеол, разрушенных при выламывании бивней: -1,43 м и -1,44 м. На передней части правой скуловой дуги с глубины -1,34 м имелся темный марганцовистый налет. Им были покрыты и бивневые альвеолы ниже, на -1,4 м. Суглинок под черепом не содержал культурных остатков. Правой стороной свода череп касался бивня 9. С южной стороны он отчасти налегал на орудие из ребра мамонта длиной около 40 см. Приостренный его конец был направлен к юго-западу. В 5–6 см глубже орудия имелась зольная прослойка. Она была заметна и под дистальной частью бедра 17 с южной стороны.

К черепам 12 и 14 (рис. 14–16) с северо-запада была плотно приложена крупная массивная лопатка 13, обращенная суставом вверх. Угол ее наклона составлял около 70–75°. С черепом 12 она плотно смыкалась на протяжении до 30 см. Ее гребень был почти полностью сбит. Оставшаяся часть возвышалась над плоскостью не более чем на 4–7 см. Отсутствовала и основная часть сочленения лопатки. В 14 и 39 см от проксимального конца в лопатке были пробиты два отверстия. Первое имело неправильно-овальные очертания и размеры 8 x 6,5 см. Второе было округлым, его диаметр: 4,5–4,7 см. Верхняя отметка лопатки: -0,9 м, нижняя, у северного края: -1,46 м, у южного: -1,57 м. С глубины -1,37 м на плоскости лопатки, обращенной к северо-западу, наблюдался темный налет солей марганца.

С южной стороны к черепу 14 прилегала дистальным концом лопатка 15 (рис. 16). Края ее были обломаны. Проксимальный конец находился на глубине -1,12 м, дистальный повышался до -0,95 м. Вблизи черепа под лопаткой, на глубине -1,41 м, встретился кусочек гематита, а возле сочленения – мелкие черепные обломки. К юго-западу от лопатки 15, на глубине от -1,36 м до -1,39 м, лежало почти целое ребро мамонта, уходившее под лопатку 19.

Рис. 16. Общий вид западного края ограждения с северо-запада

Далее к югу располагалась группа из пяти сомкнутых черепов (рис. 11, 17, 18). Череп 16 занимал западный край кв. К – 24, 25, слегка заходя на линию кв. И. Передней стороной череп был наклонен под углом 70–75° к востоку. Сохранились зубы и нижняя треть мозговой капсулы. Заполнение бивневых альвеол – суглинок без примесей и находок. Верхняя отметка черепа: -1,15 м. Передняя часть жевательной поверхности зубов и левая скуловая дуга черепа налегали на бедренную кость 17 с отломанным верхним суставом. К верху межчелюстной впадины был прижат нуклеус. У задней части черепа находилось сочленение лопатки 15, дистальный конец которой прилегал к черепу 14. Ее сохранившийся гребень обращен наружу, плоская часть в основном отбита. В 15 см от проксимального конца и в 8 см от гребня, судя по форме сохранившегося края, в ней могло быть отверстие. Глубина верха лопатки: -1,12 м, низа: -1,46 м. Глубина ребра 18, отходившего от ее края под лопатку 19, составляла, соответственно, -1,36 м и -1,39 м.

Череп 22 занимал середину северной части кв. К-25 и был ориентирован передней стороной к востоку (рис. 11, 17, 18). Верх черепа разрушен вместе с основаниями бивневых альвеол. Мозговая полость сохранилась наполовину. Альвеолы бивней направлены вертикально вниз. Конец правой альвеолы отбит, зубы выломаны. Верх черепа находился на глубине -1,16 м, левая бивневая альвеола углублялась до -1,7 м, правая – до -1,55 м. Во впадине мозговой полости имелось незначительное количество черепных клеточек в виде крошек, частично скрепленных карбонатами. В средней ее части лежали кремневый отщеп и неопреде-

Рис. 17. Кости на кв. И, К – 24, 25. Вид сверху с запада

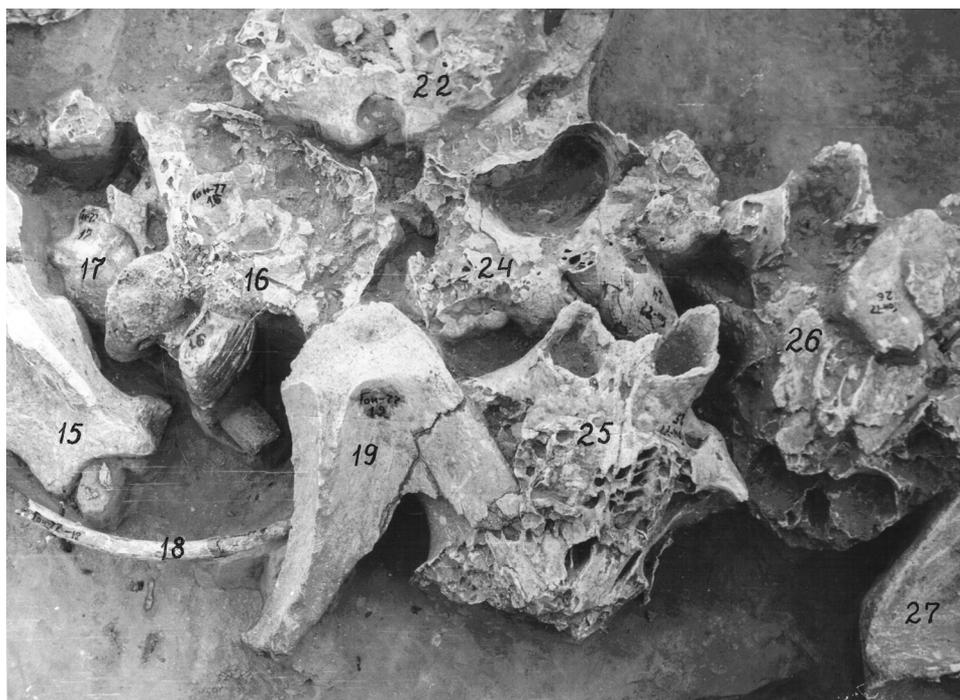

Рис. 18. Группа черепов: 16, 25, 22 и 24 на кв. И, К – 24, 25

ленное костное образование, по виду и плотности напоминающее пластинку зуба мамонта. Во впадине основания черепа на ее центральной оси при дальнейшей расчистке найден осколок кости небольшого животного с заглаженной кромкой – возможно, шило. Изделие могло быть просунуто в полость через затылочное отверстие или боковую пробоину. Недалеко от этой кости на том же уровне встретился кусочек распавшегося янтаря толщиной 6–7 мм.

В 2 см от стенки правой височной впадины в губчатой черепной крошке обнаружены кремневая пластинка с желвачной коркой, кремневый резец, обломок пластинки и три прозрачных отщепа опала. Они находились на глубине 1,3 м. Пленка суглинка под ними, покрывавшая черепную губку, была окрашена в красный цвет. До того, как губка, разрушаясь, просела, в ней со стороны височной кости могла быть проделана выемка для помещения указанных вещей. Правая бивневая альвеола не содержала находок. В довольно рыхлом заполнении левой альвеолы в 10-15 см от ее конца встречен обломок скребка (рабочая часть), пластина, пластинка кремня и осколок кости мелкого животного с поперечной бороздкой. Две кремневые пластины находились под основанием правой альвеолы, в месте ее резкого изгиба в 22 см от конца.

К смежной части задней стороны альвеол плотно прилегал кремневый резец, в 5 см выше – шиловидный фрагмент корня зуба мамонта. Такие же фрагменты зуба находились у правого виска черепа. Под основанием черепа позади бивневых альвеол имелась прослойка из множества мелких угольков с золой мощностью 1 см. Она охватывала и левую скуловую дугу. Отдельные угольки и мелкие обломки косточек встречались и выше нее. Подходя к бивневым альвеолам, прослойка опускалась вдоль них. За затылочным отверстием черепа она находилась на глубине -1,39 м, слева, перед скуловой дугой – на глубине -1,42 м. К задней части правой височной впадины был прижат проксимальный осколок ребра длиной 11 см. Его отметки: -1,27 м и -1,34 м. В той же впадине, непосредственно перед бивневой альвеолой, на глубине -1,16 м найдена кремневая пластина. Слева под черепом, на глубине -1,34 м, также имелась кремневая пластина и еще две – на глубине -1,52 м, у середины бивневой альвеолы.

К востоку от черепа в том же квадрате имелась лопатка 21 (рис. 11). Она лежала отбитым по основанию гребнем вниз, дистальным концом к северо-западу. Судя по линии излома, в ней могли иметься 1-2 отверстия. Сочленение лопатки находилось на глубине -1,15 м, противоположный конец – на глубине -1,20 м. Сочленение лежало на основании отбитой передней половины бивня 23, находившейся в средней части кв. К-25. Глубина проксимального конца бивня: -1,23 м, дистального: -1,18 м. По-

следний был зажат между черепами 22 и 24, где накладывался на обломок плоской кости.

Юго-западнее черепа 22, в том же кв. К-25, находился череп 24 (рис. 18). Его передняя сторона была обращена к северу-востоку с наклоном около 55° . Сверху он был эродирован в той же степени, что и череп 22. Зубы сохранились. Верхняя отметка черепа: -1,01 м. В основании правой бивневой альвеолы, в 26 см от ее конца справа спереди (с востока) было пробито отверстие 13 x 6 см. В конце этой альвеолы суглинок песчанистый, без находок. Левая альвеола содержала в нижней трети два уголька. В верхней части череп 24 касался только черепа 16. Их обломанные скуловые дуги находились вплотную друг к другу. На уровне средней части зубов и низа левой скуловой дуги черепа 24 имела горизонтальная прослойка из мелких угольков и обломков косточек. Далее она не распространялась.

С запада к черепу 24 был приложен сводом и основанием обломанных бивневых альвеол череп 25. Его бивневые альвеолы были направлены вверх к юго-востоку под углом $60-65^\circ$. Затылочная часть вместе с зубами и их альвеолами отсутствовали (рис. 18). Верхняя отметка черепа: -1,03 м. На этом уровне правая альвеола была сильно разрушена эрозией, кость расслоилась, превратившись в труху. Поставленная под углом около 45° к востоку от черепа лопатка 19 внедрялась дистальной стороной под основание альвеолы, у правого верхнего зуба черепа. Лопатка располагалась в северо-восточном углу кв. И-25, ее уровни: -1,06 м и -1,51 м. С глубины -1,4 м ее наружная сторона была покрыта темным налетом. С внутренней стороны он опускался с глубины -1,41 м. Вблизи подходившего к нему ребра 18 низ черепа 25 достигал максимальной глубины: -1,5 м. Вся поверхность ребра была покрыта темным налетом.

Состояние черепа 26, помещенного непосредственно к юго-востоку от черепа 25, вполне сходно с ним (рис. 11 и 19). Он также находился в перевернутом положении, бивневые альвеолы отсутствовали по основанию. Не сохранилась и его задняя часть с мышцелком. Передней частью череп был направлен к юго-востоку.левой стороной он прилегал к черепу 25 и касался черепа 24. Мозговая капсула, как и у черепа 25, с задней западной стороны была открыта. Зубы отсутствовали, сохранились лишь участки основания их альвеол. Верхняя отметка черепа у юго-восточного края: -1,01 м, концы бивневых альвеол находились на глубине -1,04 м и -1,07 м, нижняя отметка черепа: -1,43 м.

Сверху на юго-восточном краю черепа 26 найден полукруглый кусочек песчаника темно-красного цвета диаметром 3 см и несколько очень мелких его обломков. С северо-восточного края на черепе лежал фрагмент черепной кости с отметкой -1,01 м и непосредственно под

ним – крупный кусок плоской кости. На уровне нижней отметки под череп заходила углистая прослойка, спускавшаяся к западу и скрытая с этой стороны в 1915 г., как и другие остатки возле полосы костей.

С юга, перекрывая часть черепа 26, в кв. И-26 располагалась лопатка 27 (рис. 20). Ее дистальный конец был направлен к северу, надломленный, но полностью сохранившийся гребень обращен вверх. Она лежала с наклоном к востоку под 30° . Северный край лопатки находился на глубине -1,09 м, южный – на -1,38 м, верх сустава – на глубине -1,25 м, низ – на -1,38 м. В плоскости имелись два отверстия. Более крупное, размерами 10х5,6 см с рваными краями, имело искусственное происхождение. В самой нижней части на лопатке имелся темный налет солей марганца. Он имелся и на плоскости возле отверстия на отметках от -1,16 м до -1,25 м, а также на сочленении. На внешней поверхности наблюдались известковые потеки.

Анатомически нижним краем лопатка 27 лежала поверх сочленения лопатки 28. В этом месте лопатки отделяли 2–3 см суглинка. Лопатка 28 занимала середину смежной части кв. И, К – 26 и имела небольшой наклон к западу. Сохранившийся гребень был обращен вверх. В средней части лопатки имелось округлое отверстие 4,7 х 3,8 см и в ближайшей части гребня отверстие с рваными краями 5,7 х 3,7 см. На

Рис. 19. Черепа 16 и 25. За ними, соответственно, черепа 22 и 24

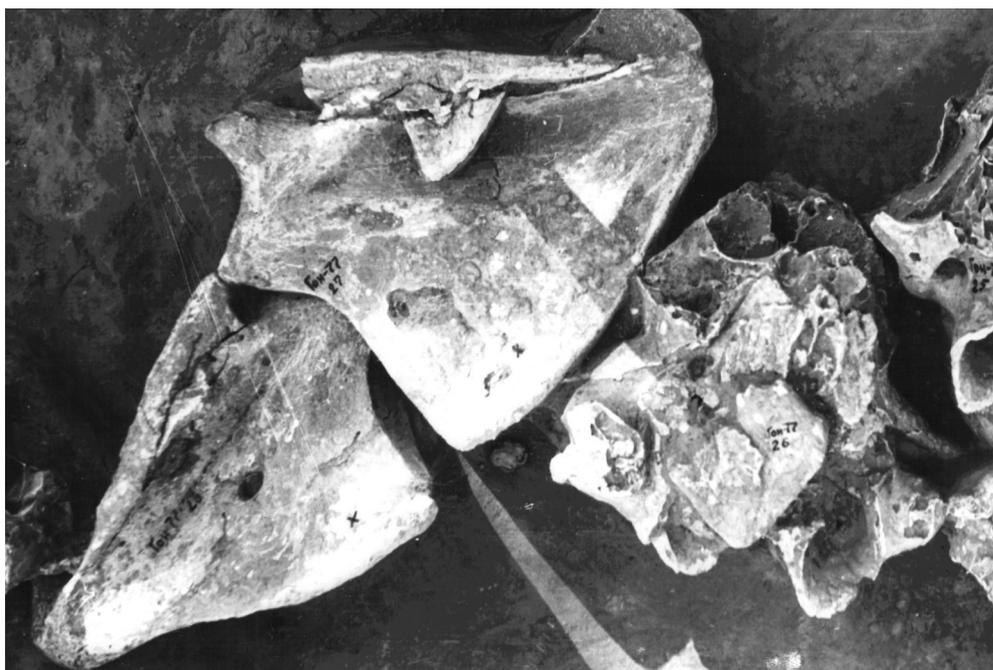

Рис. 20. Черепа и лопатки на кв. И, К – 25, 26

Рис. 21. Кости на кв. К – 26, 27. Вид с запада сверху

глубине -1,27 м она погружалась под лопатку 27, ее низ имел в этом месте отметку около -1,4 м.

Череп 29 занимал пересечение кв. К – 26, 27, слегка заходя западнее (рис. 11, 21). Он был ориентирован бивневыми альвеолами к юго-юго-западу с наклоном около 30°. Отсутствовали 2/3 верхней части черепа и мозговой капсулы. С левой стороны, на которой лежал череп, сохранилась бивневая альвеола, с правой – основание бивневой альвеолы и часть зуба. Верхняя отметка черепа на правой бивневой альвеоле: -0,88 м, на нижней, с противоположной стороны черепа: -1,34 м. Здесь, с глубины -1,21 м на поверхности черепа имелся темный налет. Верхней частью остаток правой бивневой альвеолы касался бивня 30. На участке между несохранившимися зубами при расчистке костной поверхности было обнаружено шило с обломанным кончиком. Оно могло попасть на это место, как представлялось, только с северо-северо-восточной стороны. Видимо, шило было положено на это место. Левую бивневую альвеолу заполнял плотный суглинок. В верхней ее части имелись уголек и ноздреватое карбонатное стяжение, в нижней – уголек. В останце под черепом, составлявшем до 20 x 20 см, с южной стороны встретилась кремневая пластинка и обломок пластины зуба мамонта.

В южной части кв. К-26 и частично в кв. К-27 сводом к северо-востоку и с наклоном в ту же сторону под 40° лежал череп 67 (рис. 11, 21). Его мозговая капсула сохранилась на глубину 16 см. Около 10 см составлял в ней слой изломанных костных клеточек. Сохранились зубы, скуловые дуги обломаны. Бивневые альвеолы имели лишь небольшие повреждения. Полости альвеол были заполнены суглинком с редкими мелкими угольками и несколькими черепными клеточками. В левой альвеоле в 10 см от конца имелась кремневая пластинка. Верхняя отметка черепа: -0,88 м, нижняя: -1,44 м. С северного края останца, на котором был оставлен череп в 1915 г., встретилось немного костной трухи от тонких клеточных перегородок и кусочек распавшегося янтаря.

В северо-восточной части того же кв. К-26 находился череп 64, обращенный передней стороной к востоку (рис. 11). Его верхняя часть и половина правой бивневой альвеолы не сохранились. Вместе с частями альвеол были выломаны зубы. Остались лишь фрагменты зубов предыдущей смены. Верхняя отметка черепа: -1,01 м, нижняя: около -1,6 м. В правой альвеоле в суглинке встречены 2 костных угля и обломок черепной кости. Под альвеолами зубов правой стороны на глубине -1,29 м залегала прослойка костного угля толщиной 1 см. В ней были заметны мелкие обломки косточек, включая кусочек бивня размером в 1,5 см. Под задней частью зубов, слегка заходя левее, находилась угольно-золевая прослойка с очень мелкими обломками костей – костной трухой.

Вдоль правой бивневой альвеолы, местами касаясь ее, опускались отдельные угольки и кремневые отщепы. В 5 см от конца альвеолы они уже не попадались.

При расчистке черепа в его затылочной части найдена кремневая пластина, а в левой бивневой альвеоле, в 30 см от ее конца – скребковидный кусок кремня. В верхней части этой альвеолы черепные крошки опускались на 4–5 см вниз. В сохранившемся отрезке правой альвеолы черепные крошки, мелкие обломки косточек и несколько углей опускались почти до самого низа. К левой альвеоле с востока, в 18 см от ее конца, была прижата кремневая пластинка. Во впадине между левым зубом и краем бивневой альвеолы имелась кость стопы длиной 5 см. Череп был вкопан на глубину 28–30 см. Под ним и черепом 67 с глубины -1,48 м залегал голубовато-серый, более плотный суглинок.

Окаймляя черепа 64 и 67 с восточной стороны, в кв. К, Л – 26, 27 залегал бивень 63 (рис. 11, 21). Он был обращен вершиной дуги к востоку, проксимальным концом к западу и вниз, дистальным к северо-западу. Отметка его основания: -1,34 м, наиболее высокой точки: -0,98 м, дистального конца: -1,04 м. Внутренним изогнутым краем возле своего основания бивень плотно прилегал к нижней части скуловой дуги черепа 67. К основанию бивня 63 своим сочленением примыкала лопатка 36. Она залегала в средней части кв. К-27. Анатомически нижняя ее часть отсутствовала. Сустав лопатки находился на глубине -0,93 м, дистальный и восточный конец повышались до уровня -0,82 м.

К югу от бивня 63, в северной смежной части кв. К, Л – 27 находился череп 44 (рис. 11, 22). Он лежал на левой стороне, бивневыми альвеолами к востоку, лбом к северу. Его наклон к востоку составлял несколько меньше 45°. Мозговая камера с правой стороны отсутствовала. Передняя часть бивневых альвеол с глубины -1,10 м имела темный налет. Он появился по мере расчистки и на левой скуловой дуге с глубины -1,07 м. Верхняя точка черепа на его затылочной части: -0,9 м., нижняя, на конце правой бивневой альвеолы: -1,32 м. В останце под черепом у западного края встретились два обломка кремня и 4 фрагмента кости.

Череп 43 занимал северо-восточную четверть кв. Л-27 (рис. 11, 22). Его передняя сторона была обращена к юго-западу, бивневые альвеолы опущены вертикально вниз. Свод отсутствовал. Сохранилась нижняя треть или четверть мозговой капсулы, которую лишь обрамляли остатки ее стенок. Верхняя отметка черепа на западном краю: -0,86 м, на восточном: -0,96 м, на северном: -1,03 м. Отсутствовала правая скуловая дуга и зубы. Левая бивневая альвеола был частично отбита, правая – надломлена. Их нижние отметки: -1,32 м и -1,37 м.

В сохранившемся конце левой альвеолы в суглинистом, а по краям песчанистом заполнении встретилась реберчатая пластина. В нижней части правой альвеолы заполнение также было песчанистым, находки отсутствовали. На левой скуловой дуге с глубины -1,07 м был замечен темный налет. Он имелся и с юго-западной стороны черепа, а на левой бивневой альвеоле наблюдался с глубины -1,23 м. С восточной стороны в останце под черепом вертикально стоял игольник, вырезанный из кости крупной птицы. Он находился в 20–25 см выше культурного слоя в жилище.

В юго-восточном углу кв. К-27 имелись отбитый гребень лопатки 37 и дистальный фрагмент лопатки 38 (рис. 11). Отметка гребня у южного конца лопатки -0,96 м. Гребень касался бивня 30 и лопатки 38. Он лежал на гребне лопатки 39 и бивне 30, спаявшись с ними известковым веществом. У лопатки 38 были отбиты проксимальная часть и гребень, которым она была обращена вверх. Лопатка была направлена своим концом к северо-востоку, к черепу 43, и туда же наклонена. Ее дистальный конец находился на глубине -0,75 м, проксимальной –

Рис. 22. Кости на кв. Л-27 и северо-восточнее

на -0,94 м. Лопатка 38 входила в группу фрагментов лопаток, которые под наклоном плотно прилегали к черепам 43 и 40 на кв. К, Л – 27. В юго-восточном углу кв. К-27 лежал отбитый гребень лопатки 37. Он находился у юго-западного края черепа 43. Его нижняя отметка: -0,94 м.

Лопатка 38 восточным краем налегала на гребень лопатки 39. Это правая лопатка, располагавшаяся в основном на кв. Л-27. Она была наклонена к востоку-северо-востоку под углом около 30°. Сохранился обращенный вверх ее гребень. В плоскости лопатки, в 34 см от дистального конца и в 14 см от гребня, имелось отверстие почти правильной округлой формы 3,6 x 4,3 см (второе измерение вдоль оси лопатки). Уровень дистального конца лопатки: -0,83, проксимального: ниже -1,0 м.

В западной части кв. Л – 27, 28 находился сильно подкопанный с северо-востока череп 40 (рис. 11, 22). Он лежал на левой стороне передней частью к юго-востоку и с небольшим наклоном туда же. Мозговая капсула уцелела на треть или четверть. Разрушенность свода не горизонтальная, а соответствующая наклону черепа. Правая бивневая альвеола отбита в 4 см от скуловой дуги. В ней встретились два уголька. В верхней части левой альвеолы имелся кремневый отщеп и чешуйка кремня. В средней части суглинистое заполнение было золистым с несколькими угольками. В нем имелась кремневая чешуйка и фрагмент пластинки бивня длиной 5,5 см. В нижней трети альвеолы встретились несколько крошек черепных клеточек, уголек и обломок кремневой пластинки. Между зубами посередине имелось шило с обломанным кончиком (рис. 23). Оно было заглублено в череп и при зафиксированном его положении могло попасть на свое место только с северо-востока. На обеих альвеолах имелся темный налет, более выраженный на левой альвеоле.

Лопатка 41, находившаяся в кв. Л-28, замыкала с юга западную часть скопления костей мамонта (рис. 11). Она лежала сочленением к юго-западу, гребнем вниз, горизонтально, слегка прикладываясь к краю черепа 40. Отметка верхней части ее сочленения: -0,93 м. Поверхность лопатки выветрена, более выражено – в дистальной части. Ближе к ней в плоскости лопатки имелось округлое отверстие диаметром около 2 см. Под сочленением лопатки на глубине -0,97 м встретились реберчатая кремневая пластинка и сменяющийся бивень мамонта, имевшего возраст до года. На 2 см ниже имелись два обломка пластинок зуба мамонта. Напротив сочленения, на глубине -0,91 м, были обнаружены кусочек трубчатой кости и уголек.

К западу от черепов 44, 43 и 40 лежали плоские кости, образовавшие выступ в овальных очертаниях краев постройки. Его охватывал бивень 30. Проксимальная часть бивня находилась в кв. К-27, дистальная – в кв. И-27, изгиб обращен к северу и вверх. Верхняя часть горизон-

тально, до половины диаметра разрушена выветриванием, основание с глубины -1,06 м было покрыто темным налетом, к низу более интенсивным. Отметка проксимального конца бивня: -1,14 м, середины: -0,78 м, дистального конца: -0,83 м. Дугообразный изгиб бивня отгораживал две лопатки и две тазовые кости. При этом конец тазовой кости 33 касался верха бивня и также был выветрен. С северо-запада бивень лежал на передней части черепа 29, а лопатка 36 отделялась от него 2–3 см суглинка. В восточном углу кв. И – 27, 28 сочленением к югу и вниз была круто поставлена лопатка 121. Ее плоские поверхности, гребень и дистальный конец были отбиты. Сочленение находилось на глубине -1,07 м, конец лопатки – на -0,71 м.

Восточнее, по середине кв. К – 27, 28, сочленением к юго-западу, гребнем вверх лежала правая лопатка 34. Основная часть гребня была отбита. Его сохранившаяся часть возвышалась над плоскостью на 3–4 см, а местами на месте гребня осталась выемка. Плоскость лопатки также была на половину отбита. Глубина сочленения: -0,96 м, дистального конца: -0,8 м. Тазовые кости находились под лопатками. Кость 33 представляла собой левую половину таза. Основная ее часть залегала на кв. К-37. Отметка ее южного края: -1,08 м, северного, прижатого к бивню 30: -0,77 м. В 16 см от юго-восточного конца в кости было проделано

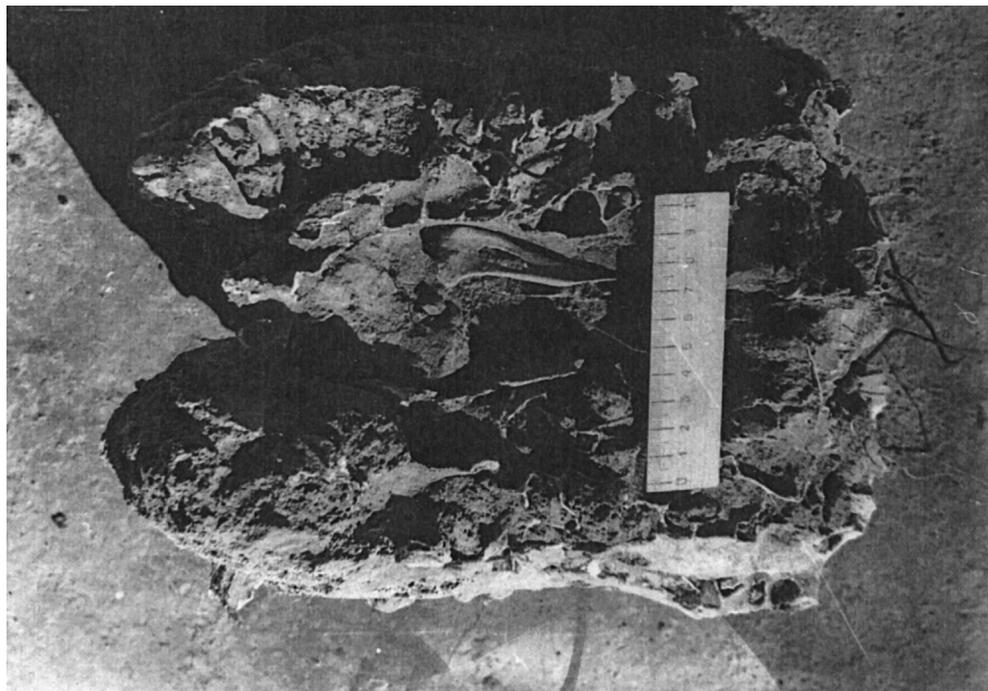

Рис. 23. Шило, заглубленное между зубами черепа 40

отверстие правильных овальных очертаний 6 х 4 см. На поверхности кости имелись пятнышки негустого темного налета, более интенсивные на южном краю. Плоскую часть кости пронизывали трещинки, в основном сквозные. На южном краю тазовой кости после снятия лопатки 34 обнаружилась раковина перловицы (рис. 24). Под дистальным концом лопатки 34 лежал крупный фрагмент подвздошной части тазовой кости.

Описанная группа костей на кв. К-27 и частично смежных с запада, юга и юго-востока не являлась частью ограждения жилища. Она находилась вплотную за ним и, должно быть, была привалена к ограждению для его усиления. Непосредственно к ограждению, к черепам 43 и 44, плотно примыкали отбитые широкие плоские части лопаток. С юго-востока их укладка плотно замыкалась положенным на бок черепом 40. Юго-западнее, на кв. И, К – 27, 28 крупные плоские части тазовых костей и лопаток составляли еще один небольшой участок укладки костей. По-видимому, к западу от входа ограждение жилища потребовалось укрепить. Это могло быть связано с защитой от стока склоновых вод.

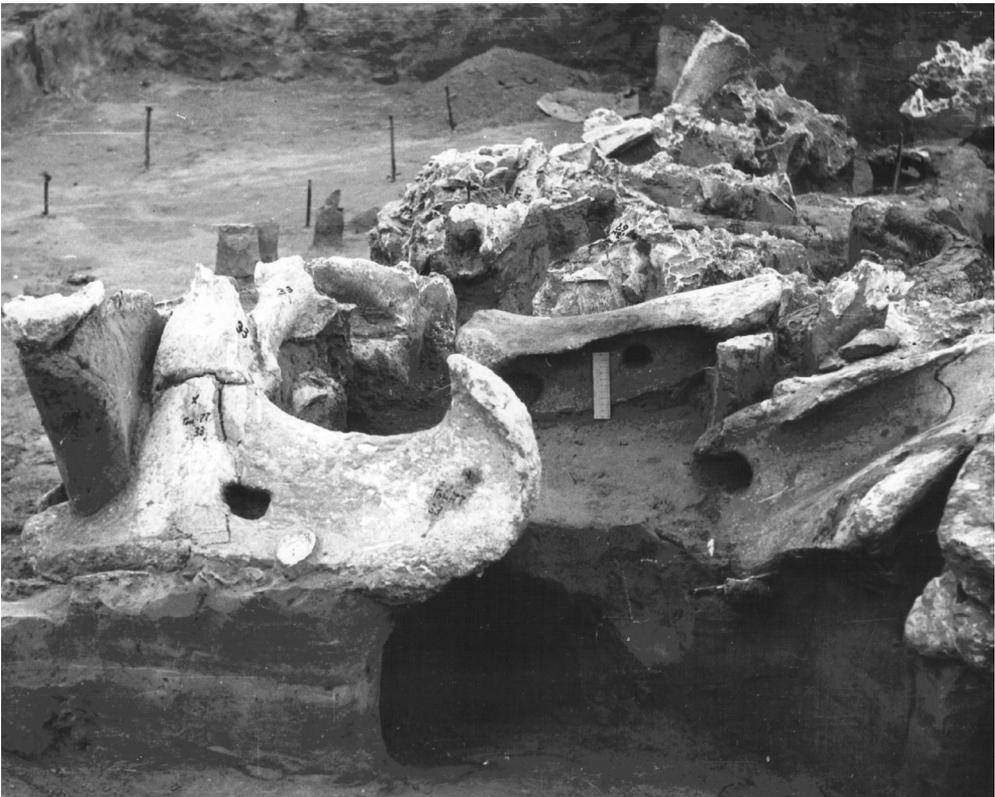

Рис. 24. Кости на кв. И, Л – 27, 28, лежавшие на культурном слое. Тазовая 33 с отверстием, возле которого лежит раковина перловицы

Восточный и северный края

С юга данная часть конструкции жилища начиналась от черепа 79, располагавшегося в северо-западной четверти кв. О-27 (рис. 11). На фотоснимках он возвышается на заднем плане слева (рис. 12, 25). Череп был обращен передней стороной к северо-западу и наклонен туда же под углом 30–35°. Наклон вбок, на правую сторону, составлял около 65°. Свод и мозговая камера черепа отсутствовали. Сохранились зубы и бивневые альвеолы. На конце последних сверху имелись полуовальные выемки длиной вдоль края 5 см, глубиной – 3 см. Поверхность их была выветренной. По-видимому, они были вырезаны после извлечения бивней. Ближайшая точка, отмечающая уровень древней поверхности, находилась у северного края ямы 4 и равнялась -0,80 м.

Наиболее высокая точка черепа на альвеоле левого зуба: -0,68 м, альвеола правого зуба была на глубине -0,72 м. Конец левой бивневой альвеолы имел отметку -1,04 м. С глубины -0,91 м на ней имелся темный налет. С близкого уровня он начинался и на правой альвеоле. В суглинке, заполнявшем левую альвеолу, встретилось несколько обломков черепных клеточек. В закрытой сверху костными перегородками правой альвеоле в нижнем конце отмечена одна крошка перегородки. Останец под черепом в 1915 г. был настолько подрыт, что при его расчистке зубы не держались в альвеолах.

Череп 83 занимал в основном юго-восточную четверть кв. О-25, заходя горизонтально лежавшими бивневыми альвеолами к юго-востоку, на кв. О-26. Значительная часть поверхности мозговой капсулы благодаря западанию ее внутрь жилища, хорошо сохранились (рис. 12, 25). Поверхность остальной части черепа была глубоко эродирована. В левой альвеоле имелся бивень, обломанный непосредственно в месте выхода из нее. Правая альвеола была заполнена суглинком без находок. Зубы полуразрушены, скуловые кости сохранились в виде выступов с задней стороны. На мозговой капсуле имелся темный налет, более насыщенный изнутри. Наиболее высокая точка черепа – конец левой бивневой альвеолы (-0,81 м). Мозговая капсула имела верхнюю отметку: -1,04 м, нижнюю: -1,16 м. Обломанный конец левой скуловой дуги находился на глубине -1,04 м, правой – на глубине -0,98 м. Под черепами 83, 87 и 88 сохранились участки культурного слоя. Они будут описаны далее.

На пересечении кв. О, П – 24, 25 находился небольшой череп 87 (рис. 11). Он лежал на лицевой стороне, сводом к западу и с наклоном в ту же сторону под 35°. Эрозией полностью разрушена его мозговая капсула и затылочная часть. Зубы отсутствовали. Глубина верха черепа: -0,86 м, низ концов бивневых альвеол находился на глубине -1,20 м

и -1,23 м. Благодаря сниженному положению они сохранились, но левая не на всю длину. Толщина стенок альвеол равнялась 0,5 см, их поверхность в дистальной части была выветренной. В черепной трухе юго-западной трети черепа встретилось много мелких угольков. Левая бивневая альвеола, открытая с тыльной стороны, имела в нижней части песчанистое заполнение, в котором попадались угольки. Основание правой альвеолы было закрыто костной губкой, находки в ней отсутствовали.

На всей поверхности черепа наблюдался слабый серый налет, наименьший на тонких костных клеточках. В северо-восточном углу кв. О-25, непосредственно возле черепа, не касаясь его, на глубине -1,16 м лежала отпавшая от черепа передняя часть скуловой дуги 85. На ней также имелся темный налет, но более выраженный. Он появился на кости, по-видимому, до того, как она отпала от черепа.

Крайний с севера череп 88 занимал восточную половину кв. О-24, заходя сохранившимися бивневыми альвеолами в кв. П-24. Как и другие черепа восточного края жилища, он лежал на лицевой стороне, но с наклоном к юго-западу, составлявшим 20–25°. Бивневые альвеолы сохранились вместе с частями выломанных бивней. После выламывания зубов остались только отдельные фрагменты корней (рис. 11, 25). От скуловых дуг сохранились передние части длиной до 15 см. Обращен-

Рис. 25. Восточная часть ограждения жилища. Вид с севера

ная вверх часть черепа сnivelирована эрозией до близких значений глубин залегания. На всей части за бивневыми альвеолами они колебались в пределах от -0,82 м до -0,88 м. Концы бивневых альвеол находились по верху на глубине -1,03 м и -1,09 м, а по низу – на глубине -1,14 м и -1,18 м. На близком уровне находилась часть свода черепа, обращенная вниз. Северо-западную сторону черепа с самого верха и восточную от основания скуловой дуги (-0,87 м) покрывала рябь темного налета. Она была интенсивнее на внешней стороне бивневых альвеол и на внутренней их поверхности ниже верха скуловых дуг.

К западу от черепа 88 лежали в перевернутом положении два его фрагмента: небольшой с отметкой -0,99 м, вплотную к черепу, и крупный – за ним. Последний фрагмент представлял собой заднюю часть черепной коробки с сохранившейся полостью мозговой камеры и затылочным отверстием. Анатомически передней стороной он был обращен к северо-востоку и имел наклон около 45° к юго-востоку. На юго-восточной стороне с глубины -0,92 м на нем имелся темный налет, все более густой к низу.

На северном краю жилища, разрушенном траншеей 1914 г., судя по плану раскопок 1915–1916 гг. (рис. 4), имелось 6 черепов мамонта. Четыре черепа находились в линии ограждения, а два – во внутреннем пространстве. Положение первых сходно с черепами восточной части конструкции: они лежат лицевой стороной к земле, бивневыми альвеолами наружу. Но также лежащими показаны на плане и черепа северо-западного края ограждения: 1 и 12, которые, как выяснилось в 1977 г., были врыты. Врытыми числились все черепа ограждения, кроме трех (Щербаковский, 1919, с. 69), хотя на самом деле не вкопанных черепов было значительно больше. Ситуацию, касающуюся северных черепов, разъяснило указание в отчете В. М. Щербаковского. О черепах, окружавших основное скопление культурных остатков, сказано, что все они, кроме трех, стояли по периферии в северной и западной части, «словно для того, чтобы образовать ограду» (Щербаковский, 1915. Л. 4).

Судя по опубликованному плану, в двух случаях пространство между черепами прикрывали какие-то крупные, вероятно, плоские кости. Имелись, должно быть, и другие кости. Кроме того, в ограждении числилось 6 нижних челюстей (Щербаковский, 1919, с. 69). На плане их нет, в отчете и публикации отсутствует указание на их местоположение. В раскопках 1977 г. встретилась одна нижняя челюсть, находившаяся с внешней стороны от черепа 1. Она, как указывалось, была приставлена к черепу в характерном положении подбородочным выступом вниз, зубами к черепу. Еще одна нижняя челюсть лежала справа в куче оставленных костей раскопок 1914 г. (рис. 10). Наиболее вероятно, что и дру-

гие нижние челюсти также находились в северной части ограждения, но были отобраны для музея. В той же куче, судя по фото, хорошо видны не менее 5 лопаток. Лучше сохранившиеся лопатки и другие крупные кости были увезены. Судя по большому количеству крупных костей, связанных с северной частью ограждения, на этом отрезке оно было не менее плотным, чем с западной.

Если положение крупных костей на северном отрезе ограждения не зафиксировано, то западная его сторона определенно была более плотной, чем восточная (рис. 11, 26). Основная часть черепов западной стороны была вкопана, некоторые вплотную друг к другу. Промежутки между ними по краю ограждения прикрывали приложенные к черепам лопатки. Возможно, кости ограждения в целом до какого-то уровня были засыпаны землей. Более плотная установка черепов и сомкнутость ограждения западной и, должно быть, северной сторон постройки были связаны с необходимостью усилить ее защиту от внешних воздействий. Положение поселения под крутым южным склоном обширной долины реки обеспечивало хороший обзор местности, но лишало естественного прикрытия от господствовавших западного и северного ветров.

Рис. 26. Остатки жилища в раскрытом раскопе 1915 г. Вид с юго-запада

Внутренний участок

На участке, находившемся внутри ограждения, по краям траншеи 1914 г. сохранилось значительное количество костей, относившихся к перекрытию жилища (рис. 11). К ним можно отнести и массивные умеренно изогнутые бивни 8, 9 и 63, основания которых находились на линии ограждения, благодаря чему одновременно способствовали его укреплению. На кв. К, Л – 24 к бивню 8 с юга примыкала продольная часть сильно выветренного черепа 20. Его северо-восточный конец находился на глубине -1,2 м, юго-западный – на глубине 1,18 м. Две кости находились с юго-восточной стороны от черепа 22. Лопатка 21 лежала отбитым по основанию гребнем вниз, дистальным концом к северу-западу. Судя по линии отбитых плоских частей, в ней могли иметься 1–2 отверстия. Глубина сочленения лопатки -1,15 м, дистального конца – 1,20 м. Лопатка налегала на основание отколотой вдоль передней части бивня 23, лежавшей в средней части кв. К-25. Глубина залегания проксимального конца бивня: -1,23 м. Дистальный конец на глубине -1,18 м был зажат между черепами 22 и 24 поверх обломка плоской кости.

На кв. Л, М – 25, 26 сохранился небольшой участок завала костей со стены и кровли постройки (рис 27, 28). С западной стороны в нем находился бивень 59. Он представлял собой отколотую вдоль половину бивня, лежавшую на плоскости раскола. Передний его конец касался черепа 64. Глубина проксимального конца: -1,21 м, дистального: -1,19 м. Под бивнем на кв. К, Л – 25, на глубине -1,22 м, лежала лопатка детеныша мамонта 62, с отбитыми гребнем и суставом. От южной части кв. Л-25 до северо-восточного угла кв. Л-26, накладываясь друг на друга, лежали четыре близкие по размерам лопатки. Две из них, №№ 60 и 58, были направлены сочленениями в разные стороны по оси юго-запад-северо-восток. Лопатка 60 была обращена хорошо сохранившимся гребнем вверх, сочленением к юго-востоку. Гребень находился на глубине -1,23 м, сочленение – на -1,31 м, латеральный угол – на -1,36 м. С запада край лопатки заходил под лопатку 62.

Обе эти лопатки перекрывал бивень 59. Его отметки в этом месте: -1,15 м. Тут же поверх бивня 59 накладывался кончик бивня 63, входившего в ограждение. Приведенная последовательность наложения костей показывает, в каком порядке могли падать кости с кровли разрушавшегося жилища. на северо-западном краю сохранившейся части завала. При этом бивень 63, входивший в ограждение жилища, лег последним. Лопатка 58, как и лопатка 60, залегала сохранившимся гребнем вверх. Размеры и очертания этих лопаток сходны. Возможно, они принадлежали одной особи. Гребень лопатки 58 находился на глу-

Рис. 27. Кости с перекрытия жилища на полу. Вид с севера

Рис. 28. Залегание костей мамонта на полу жилища. Вид с севера

бине -1,15 м, проксимальный конец – на глубине -1,22 м, дистальный – на -1,29 м, латеральный – на -1,27 м.

На дистальный конец лопатки 58 налегало сочленение лопатки 56. обращенной до основания обломанным гребнем вверх, сочленением к северо-западу. В ее плоскости пробито отверстие с рваными краями поперечником около 10 см. Сочленение лопатки находилось на глубине -1,19 м, противоположный конец – на глубине -1,2 м, латеральный – на -1,23 м. Четвертая крупная лопатка под номером 50 располагалась в северной части пересечения кв. Л, М – 26. Она была обращена гребнем вниз, сочленением к юго-востоку. Глубина сочленения: -1,11 м. Лопатка 50, обращенная гребнем вниз, была склонена к западу, погружаясь под лопатку 56.

С юга под лопатки частично заходил фрагмент черепа 57, представленный бивневыми альвеолами с коротким целым бивнем в левой альвеоле. Альвеолы занимали восточную часть кв. Л – 25, 26. Конец бивня заходил на кв. М-24. Глубина верха альвеол: -1,25 м, конца бивня: -1,32 м. Лопатки, часть черепа 57 и расположенные к востоку от них плоская кость 55, гребень лопатки 51 и кончик бивня 54 лежали непосредственно на культурных остатках, покрывавших пол жилища. Эти и другие кости завала кровли местами значительно подрыты. Небольшое пятно культурных остатков прикрывал череп 47, лежавший на кв. Л, М – 26 перевернутым на лоб и бивневые альвеолы (рис. 11). Свод черепа раздавлен, зубы отсутствовали, бивневые альвеолы заполнял суглинок. Сторона черепа, обращенная вверх, сильно эродирована. В таком виде череп умещался на уровнях от -1,23 м до -1,35 м. В кв. М-26 под альвеолы черепа на глубине -1,30 м заходил фрагмент крупного ребра с отметкой проксимального конца -1,23 м.

На кв. Л – 26, 27 имелась единственная на раскопе целая тазовая кость 46 (рис. 28). Передней стороной, обращенной к северо-востоку, она налегала на череп 47. В этом месте ее верх возвышался до -0,92 м. Края кости находились, соответственно, на глубинах -1,28 м и -1,17 м. Лежавший сверху бивень 63 отделяли от тазовой кости несколько сантиметров суглинка. На левый западный край тазовой кости и бивень 63 накладывалась своим сочленением лопатка 45. Обращенный вниз гребень лопатки отбит. Глубина ее сустава: -0,95 м, дистального конца: -1,07 м. Кроме относительно целых крупных костей в скоплении содержалось небольшое количество обломков крупных и более мелких костей. Юго-западный участок скопления позволяет удлинить намеченную в его северо-западной части последовательность обрушения костей со стены постройки. Последней упала лопатка 45, а ранее, соответственно, бивень 63, затем – бивень 23, а до него в определенном порядке – лопатки северного края

скопления. Момент попадания в завал части костей относительно других менее ясен.

В восточной части остатков жилища также имелось несколько костей, которые могли использоваться при сооружении перекрытия жилища. К северу от черепа 79, на западном краю кв. О-26, находился тонкий бивень 81 с отбитым и выкрошенным основанием. Средняя его часть имела отметку -0,79 м, проксимальный конец углублялся до -1,3 м, дистальный – до -0,89 м. Повышенный край бивня на протяжении 25 см был на треть срезан эрозией, под северо-западной половиной имелась песчаная линза толщиной до 5 см, опускавшаяся к его концу. В том же профиле наблюдалась углистая прослойка мощностью 3 см, более интенсивная в 18 см от конца бивня (-0,9 м) и исчезнувшая в 65 см от него на глубине -0,95 м. В суглинке останца были рассеяны угольки, чаще очень мелкие, и несколько кремневых отщепов. Находки фиксировались по всей 10-сантиметровой ширине останца.

Между бивнем и черепом 75 лежала отбитая проксимальная часть бедра 82. На сочленение бедра слегка налегала задняя часть правой скуловой дуги черепа 75. В бедренной кости было пробито овальное отверстие. Оно шло наискось в сторону сочленения. В суглинке под костью наблюдался очень густой черный налет, местами имевший вид сцементированной корочки толщиной 2 мм. Ниже залежали мелкие обломки костей и шесть кремневых отщепов и обломков.

Под мозговую камеру черепа 83 с запада проникала массивная часть основания бивня 84. Дистальный его конец касался границы кв. И – 24, 25. Его основание находилось на глубине -1,14 м. Ниже, на глубине -1,19 м, бивень проходил сквозь останец под бивнем 92, а его конец погружался до отметки -1,35 м. Средняя часть бивня была покрыта карбонатными сгустками, под которыми на его поверхности имелся темный налет марганца. Это сочетание указывает на первичность появления на костях погребенных развалин жилища налета солей марганца. Он был характерным для многих костей, а карбонатные натёки наблюдались значительно реже.

Как и в случае черепа 83, под затылочную сторону черепа 87 заходило основание бивня 86, где на нем лежала неопределенная кость с отметкой -0,97 м. Глубина бивня в этом месте: -1,03 м, дистальный конец имел отметку -1,08 м. На этом бивне, как и на бивне 84, имелись карбонатные сгустки, под которыми наблюдался темный налет. В останце под бивнем на разных уровнях попадались костные угольки. Повторное одинаковое сочетание налета марганца и карбонатов подтверждает отмеченную закономерность их появления.

Рядом с бивнем на череп 87 налегал край тазовой кости 90, представлявшей собой половину таза. Кость находилась в южной части кв. О-24, немного заходя в кв. О-25. Вертлужная впадина была обращена к западу. В нескольких местах кость насквозь растрескалась и почти на всей поверхности имела темные пятнышки налета. Густой темный налет покрывал ее нижнюю поверхность и суглинок под ней. Как и черепа, тазовая кость, видимо, нескоро была покрыта осадками. В плоскости кости имелось пробитое отверстие овальных очертаний 6х4 см. Восточный конец кости находился на глубине -0,86 м, западный – на -1,25 м, южный – на -0,92 м. Этим концом тазовая кость налегала на край бивня 92, а с северо-востока она плотно смыкалась с черепом 88, немного заходя под его край.

Черепя оградения были устойчиво установлены на своих местах. В процессе разложения от них отпадали отдельные части, как это наблюдалось в отношении черепов 87 и 88 и некоторых других. Но многие фрагменты черепов, по всей вероятности, были убраны в процессе расчистки костей оградения в 1915 г. План костей содержит почти только крупные кости. Обозначенные на нем небольшие фрагменты костей находились в останцах под крупными костями или в труднодоступных местах под ними и между ними. В 1915 г. их невозможно было снять, не нарушив положение крупных костей. Несколько черепов, судя по их местонахождению, были связаны с перекрытием жилища. К ним могут быть отнесены черепа 47, 57 на кв. Л, М – 25, 26, сильно поврежденный череп 20 на кв. К, Л – 24 и два черепа на кв. М, Н – 24 в завале костей внутри оградения. Положение этих черепов указывает на использование их на уровне стен, вероятно, для крепления покрытия.

Кости мамонта с отверстиями

На плане скопления крупных костей на месте жилища выделяются отдельные кости, в которых были проделаны сквозные отверстия. Они упоминались в общем описании скопления, теперь коснемся их в целом. Всего их найдено тринадцать.

1. Лопатка 13, кв. К – 23, 24, с двумя отверстиями в плоскости. Одно – неправильно-овальное 8 х 6 см, второе – округлое 4,5–4,7 см.

2. Лопатка 27, кв. И-26, с пробитым в плоскости отверстием с равными краями, 10 х 5,6 см.

3. Лопатка 28, кв. И, К – 26, с двумя отверстиями. Овальное отверстие 4,7 х 3,8 см было проделано в плоскости, другое отверстие 5,7 х 3,7 см – в ближайшей части гребня. Оно имело рваные края.

4. Тазовая кость 33, кв. И, К – 27, 28, с аккуратно проделанным овальным отверстием 6 x 4 см.

5. Лопатка 39, кв. К, Л – 27, также с аккуратным, ближе к округлому, отверстием в плоскости, 3,6 x 3 см.

6. Лопатка 41, кв. Л-28. В средней части плоскости округлое, «пулевое» отверстие с диаметром около 2 см.

7. Лопатка 56, кв. Л – 25, 26. Также в средней части плоскости отверстие с рваными краями поперечником около 10 см.

8. Лопатка 50, кв. Л, М – 26, лежавшая непосредственно на полу. Была переломлена на две равные проксимальную и дистальную половины в месте налегания дистального края лопатки 56. Разлом прошел по крупному треугольному отверстию.

9. Отбитая проксимальная часть бедренной кости 82, кв. Н, О – 26, с четко проделанным вдоль кости овальным отверстием 8 x 5,5 см.

10. Тазовая кость 90, кв. О-24, с подобным же отверстием 6x4 см.

11. Лопатка с отверстием подквадратной формы в плоскости, найдена в яме 1.

12. Отверстие имелось в лопатке 6 из ямы 5. Гребень лопатки был отбит до уровня 2–4 см над плоскостью. В 18 см от сочленения обломан и ближайший край плоскости. В анатомически нижней части лопатки имелось овальное отверстие 4,6 x 3,2 см с несколькими радиальными трещинами.

13. В проксимальной части бедренной кости из ямы 5 имелось глухое овальное отверстие 7 x 5 см. Оно было выбито в естественном углублении и открывало полость диафиза.

Из 13 костей с отверстиями девять оказались лопатками, две – тазовыми костями и две – бедренными. В двух лопатках имелось по два отверстия. В одной из них второе отверстие было проделано в гребне. Чаще проделывались аккуратные отверстия округлой или овальной формы. Отверстия имелись у всех относительно целых лопаток и плоских тазовых костей, кроме тазовых из завала костей с перекрытия (кв. Л, М – 25, 26). Остальные лопатки и тазовые кости, входившие в ограждение, сохранились в сильно поврежденном виде. Чаще они были без суставов и лишь с остатками плоских частей, в которых обычно пробивались отверстия. Первоначально многие из них тоже могли иметь отверстия.

Вероятно, кости с отверстиями использовались для укрепления покрытия жилища. Их могли связывать попарно на концах ремня, переброшенного через верх постройки. Со временем, возможно, при усилении крепления покрытия дополнительными костями, часть лопаток и других костей с отверстиями потеряла первоначальное назначение. Ими

укрепили по низу край ограждения. Отдельные кости с отверстиями (тазовая 33, лопатки 39 и 41) наряду с другими костями на кв. И, Л – 27, 28 составили группу костей, использованных, по-видимому, для усиления ограждения жилища с верхней по склону части. Некоторые кости с отверстиями были сброшены в ямы вместе с другими костями, не находившими применения.

Глава 3

ЖИЛОЕ ПРОСТРАНСТВО

Граница жилого пространства

В широкой траншее 1914 г. были сняты культурные остатки, занимавшие около половины площади внутри ограждения из черепов. На остальной площади пола, расчищенной в 1915 г., наличие нетронутых остатков обеспечивалась их положением под прикрытием плотно лежавших на полу крупных костей или в останцах под крупными костями, нависавшими над полом. Таких участков, очень ограниченных по площади, было немного (рис. 29). Это усложнило установление границы жилого пространства. Ее определение почти полностью основано на положении черепов в ограждении жилища.

Размещение черепов на плане остатков жилища представляет сложную картину (рис. 11). Четко проявляется внешний край, ограничивающий овал с длинной поперечной осью до 5,5 м. Длина продольной оси, от входа к задней части, где положение черепов менее определено, около 4 м. Но с внутренней стороны более десяти черепов, в большинстве вкопанных, местами сдваивают и даже утраивают ограждение. Как в таком случае могла пролегать граница жилого пространства? Первоначально представлялось, что с западной стороны ее могли обозначать черепа 1, 22, 64 и 47. С востока граница могла быть связана с черепами 75, 83, 87 и 88. По этому варианту жилое пространство имело бы овальную форму при ширине около 4 м и длине до 3 м. Ширина входа составляла бы около 1 м, что важно для сбережения тепла.

Но выяснилось, что черепа 74 и 75 являлись частью оборудования очага и должны были находиться на некотором расстоянии от стены жилища. Восточный край входа в жилище мог быть связан только с вкопанным черепом 79. Это значительно меняло возможную роль черепов восточной части скопления. Продление линии восточного края ограждения от черепа 83 к черепу 79, в силу общей конфигурации положения черепов, обусловило отнесение черепа 47 к костям перекрытия жилища. Череп 47 был поставлен в непосредственную связь с плотным слоем крупных костей, находившихся в завале конструкции стены и края крыши. Повернутый ровной передней стороной к стене, он вместе целой тазовой костью 46, бивнем 63 и другими крупными костями должен был прижимать покрытие жилища к каркасу. Западный край входа в жилище в предложенном общем построении был определенно связан с крупным черепом 43.

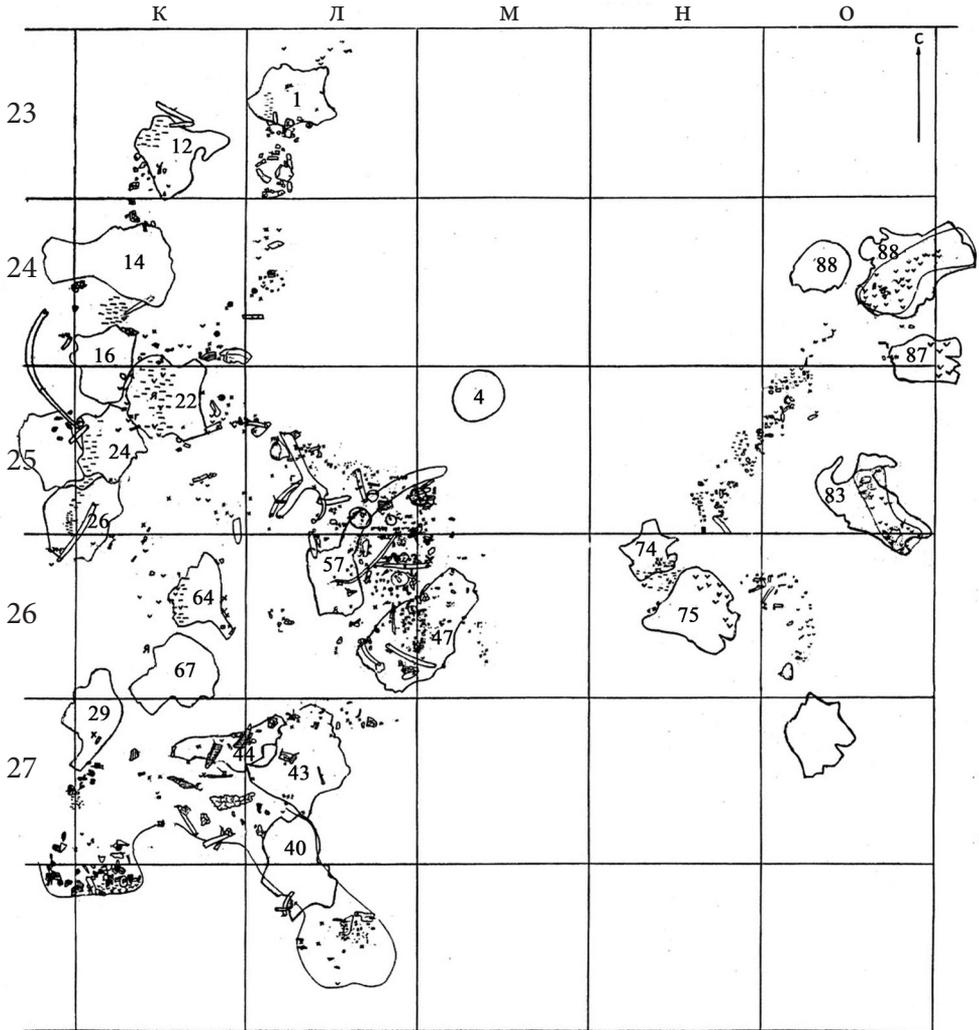

Рис. 29. Участки сохранившегося культурного слоя под завалом перекрытия и в останках под крупными костями

В центре ямка 4. Горизонтальными черточками обозначена зола, уголками – костные угли, крестиками – кремневые изделия, точками – чешуйки кремня

Если принять эти соображения, иной должна быть и граница жилого пространства с западной стороны. При прохождении ее по восточному краю черепов 22 и 64 она оставляла бы основания бивней 8, 9 и 63 далеко за этой границей и они не могли бы выполнять свою роль в укреплении покрытия, как бивни 8 и 9. Поскольку на северо-западном участке ограждения других черепов, кроме обозначенных номерами 1, 12 и 14, не было, они, видимо, могут указывать на край жилого пространства на своем участке. Такое положение края позволяло выполнять

свою функцию бивням 8 и 9. Далее внутренняя сторона ограждения могла проходить по восточной стороне черепов 16, 24 и 26, а затем по северо-восточному краю черепа 67 и северному краю черепа 43. Внутренний край постройки не мог быть извилистым, а положение этих черепов делает его максимально плотным и ровным.

В соответствии с данным вариантом, ограждение с западной стороны было нешироким и плотным и имело вид правильно округлой дуги, охватывающей максимальное пространство с культурными остатками. Черепа 22 и 64 оказывались внутри жилища вплотную к стенке. Отнимая в таком положении не более половины кв. м. жилой площади, они могли выполнять функции подставок, верстаков и простейшей мебели. Выше при описании этих черепов отмечена связь с ними особых находок.

Черепы по краю восточной стороны жилища, исключая череп 79, не были вкопаны. Они лежали лицевой стороной вниз, сводом к середине постройки. Под ними, исключая череп 79, сохранились небольшие участки культурного слоя (рис. 29). В 1915 г. эти черепа были значительно подрыты при поисках коллекционных материалов.

Под черепом 83 длина останца с культурными остатками составляла до 0,55 м, ширина – 0,12–0,17 см. На его поверхности имелось много костных углей, нередко крупных. По концам останца они залежали слоем толщиной до 3–4 см. Следы прокала отсутствовали. Среди углей найдены несколько мелких обломков плоских и трубчатых костей, бивней и зубов мамонта. В юго-восточной стороне останца, под альвеолами, глубина залегания находок составляла от -0,89 м до -0,97 м. В северо-западной стороне она была глубже: от -1,11 м до -1,19 м. Пониженный участок поперечником 5–10 см с севера, возле мозговой камеры черепа, был заполнен слоем золы и мелких углей толщиной 3–4 см. Его поверхность имела наклон к северо-западу, с глубиной от -1,32 м до -1,38 м. Зола и угли залежали, по-видимому, на краю пола. На этом месте с глубины -1,27 м залегал темно-серый, слегка голубоватый, суглинок. Положение черепа 83 показывает, что в процессе разрушения жилища он завалился передней частью вперед и вниз почти до пола, а бивневые альвеолы остались на поверхности.

Череп 87 был наклонен к западу под углом около 35°. Ниже сохранившейся части бивневых альвеол в слое до 5 см были рассеяны одиночные угли. В 10–15 см от конца альвеол имелась поперечная полоска из плотнее лежавших углей шириною 2–3 см. Под черепом 88 в западном конце останца на глубине -0,93 м лежали два коренных зуба оленя, один из них – с обломком челюсти, а к северу от них залегал обломок пластины зуба мамонта. В 10 см глубже западной и в 3–6 см глубже северо-вос-

точной части черепа встречались угли, часто относительно крупные, но без золы. От середины черепа к северо-востоку находки отмечены только во впадине между бивневыми альвеолами, исключая их концы.

Судя по положению черепов 87 и 88 и связи их с культурными остатками, они находились на краю углубленной части жилища. Череп 87, по-видимому, был приставлен к стене бивневыми альвеолами вниз и в таком положении его зафиксировал суглинок, заполнявший развалины оставленного жилища. Также наклонное положение мог занимать первоначально череп 88. Но после того, как смежный участок пола разрушенного жилища был покрыт слоем замытого суглинка, на него, перевернувшись, упала крышка этого черепа с сохранившимся мышелком. На основании отмеченных деталей положения черепов 83, 87 и 88 устанавливается край пола жилища с восточной стороны.

Уровень пола жилища

Несмотря на присутствие культурного слоя в жилище лишь в виде небольших пятен, некоторые материалы позволяют в общих чертах восстановить уровень пола и его соотношение с окружающей поверхностью. Важной деталью, которая зафиксировала уровень на своем месте, является горловина ямки 1. То же касается глубины залегания очажной массы на кв. О-25, в которую опустилась передняя часть черепа 83. В связи с этим имелась возможность провести профиль по полосе квадратов «25», в 20 см от его южного края, включающий ямку и черепа 26 и 83 (рис. 30).

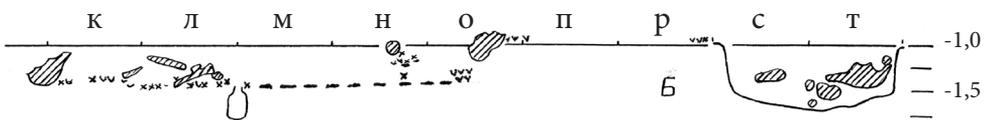

Рис. 30. Профиль в полосе кв. 25 через ямку 1 и череп 83

В пределах профиля на линиях кв. К, Л сохранившиеся культурные остатки находились, главным образом, на глубине от -1,36 м до -1,44 м. Близкий уровень, но с несколько большим диапазоном колебаний, имели культурные остатки с западной стороны, за пределами раскопа 1915 г. Это свидетельствовало о том, что на данном участке по линии профиля пол жилища соответствовал древней поверхности. Точный указатель уровня пола: горловина ямки 1, имела отметки -1,42 м и -1,44 м. Под передней частью черепа 83 зола и угли залегали до глубины -1,38 м. Таким образом, поверхность пола на данной линии была практически горизонтальной.

Однако бивневые альвеолы черепа 83 с костным углем под ними находились на том же уровне, что и мелкие культурные остатки у северо-западного края ямы 5: в основном, от 0,9 м до 1,0 м. Очевидно, положение черепов восточного края ограждения связано не со специальными подсыпками, а с существовавшим рельефом, и культурные остатки под черепами являлись частью культурного слоя, отложившегося между жилищем и ямами. Возле черепов 87 и 88 его уровень снижался приблизительно на 20 см. Соответственно, на столько же меньше требовалось углубить возле них пол жилища, чтобы обеспечить его горизонтальное положение.

Отдельные детали свидетельствуют, что уровень пола на северо-восточном краю действительно был близок к уровню, установленному на профиле через ямку 1. На кв. Н-24 конец бивня 84 погружался до глубины -1,35 м. Как и другие бивни, находившиеся в развале жилища в подобном положении, конец этого бивня, скорее всего, не касался пола. Вблизи него в останце под концом бивня 92 мелкие остатки встречались до глубины -1,3/-1,4 м.

У юго-западного края жилища имелся более крупный участок культурного слоя, примыкавшего со внешней стороны непосредственно к ограждению. Глубина залегания предметов колебалась в среднем в пределах 5–6 см, до -1,12 м. Но в северной трети кв. К-27 под черепом 29 и с севера кв. Л-27 под черепом 43 они опускались до -1,35 и несколько глубже, свидетельствуя о том, что в этом месте склон был подрезан. Далее к северу в полосе квадратов «К», уже в пределах жилища, культурные остатки сохраняли тот же уровень до начала линии квадратов «24», а на линии «23» под черепом 12 снижались до -1,52 м и несколько глубже. В полосе квадратов «Л», под северным краем черепов 44 и 43, находки залегали, в основном, на глубине от -1,35 м до -1,4 м. Севернее, на кв. Л, М – 25, 26, они опускались в основном до глубины -1,45 м. Резкое понижение поверхности от северной части кв. К, Л – 27 по древнему склону могло быть связано с небольшой его подрезкой.

Культурные остатки на полу и в ямках

Крупные кости со стен и кровли прикрыли в юго-западной части жилища на кв. Л, М – 25, 26 около 1,5 кв. м пола, сохранив имевшиеся на нем культурные остатки (рис. 11, 31-33). Мощность культурного слоя равнялась от 5–6 до 10 см. Обломки костей, угли, кремневые изделия лежали плотно. Находки отличались более выраженным разнообразием по сравнению с другими участками раскопа. В этом отношении к составу остатков на полу приближались только некоторые хозяйственные ямы и производственный участок.

**Рис. 31. Пятна культурных остатков в западной части жилища.
Вид с юго-востока**

Наиболее крупными предметами были целое ребро мамонта, обломки ребер животных, межпозвоночный диск мамонта и основание рога оленя с двумя отростками. Значительную часть культурных остатков составляли отщепы, обломки и изделия из кремня. В сравнении с пространством вне жилища было заметно более широкое использование качественного кремня. О составе и количестве изделий будет сказано далее. Кремневые чешуйки образовывали около 6 микроконцентраций – следов изготовления и подработки орудий. Окраска слоя определялась присутствием золы. Охра встречалась в виде крупинки и редко образовывала небольшое невыразительное пятно. Найдены несколько кусочков гематита, оформленных в виде пирамидки. Имелись обломанные изделия из кости, прежде всего, шилья из костей мелких животных. В рукояти двух из них были проделаны отверстия для тесемки. Одно шило и два тонких стержня выделаны из бивня мамонта. Из него же делались и другие предметы, сохранить обломки которых вследствие быстрого расслоения было почти невозможно.

На самом краю сохранившегося участка культурного слоя, у пересечения кв. Л, М – 25, 26, были обнаружены кости лапки зайца, сохранявшие естественное взаимоположение. Судя по тому, что кости остались

Рис. 32. Культурные остатки на полу жилища. Вид с юго-востока

Рис. 33. Культурные остатки на полу жилища. Вид с северо-востока

не поврежденными, лапка была отрезана по суставу. Непосредственно к северу от нее в полу была обнаружена ямка 1 (рис. 34: 1, рис. 35: 1). Она имела форму, близкую к современным 3-х или 5-литровым стеклянным банкам. Глубина ямки – 37 см, дно зафиксировано на отметке -1,79 м. Диаметр подтреугольно-округлой горловины равнялся 11–12,5 см, размеры сечений овального корпуса – около 16 и 20 см. Горловина была закрыта плотно вставленными в нее костями (рис. 35: 1). Среди них имелись два фрагмента ребер животных средней величины, вероятно, оленей, обрезанные с одного конца. У одного фрагмента ребра были обрезаны оба конца. При этом один конец был обрезан с образованием симметричных плечиков. Имелось миниатюрное острие из бивня.

Концы костей были погружены в зольную массу. Ниже заполнение было суглинистым, с крупными костными углями и золой. В нем найдены несколько необожженных обломков трубчатой кости мелкого животного и кремневых изделий. На глубине -1,68 м появилась прослойка чистого суглинка толщиной 2 см, принятая вначале за днище ямки. Перед ней и глубже золы и углей было меньше, чем в верхней части ямки. Кремневые изделия встречались на всех уровнях. Следов обжига на стенках ямы замечено не было. Прослойка суглинка, образовывавшая ложное дно, могла возникнуть за счет обрушения суглинка с края горловины ямки при случайном надавливании на него. В ямке собраны 20 кремневых изделий, включая двойной резец и пластинку с ретушью. Все они не имели следов воздействия огня.

Южнее, в юго-восточном углу кв. Л-25, имелась еще одна глубокая ямка, обозначенная номером 2 (рис. 34: 2, рис. 35: 2). Признаки ее присутствия были уловлены случайно и лишь с ее середины. Ямка была округлой в плане, диаметром до 12 см. На глубине от -1,57 м до -1,62 м в ее заполнении имелись кремневая пластинка, боковой скол, боковая часть нуклеуса и обгоревший кусочек кремня. Костные остатки состояли из двух позвонков и крестца животного размером с песка, обломочка тонкой кости в кальцитовом натеке и маленького обломка изделия из бивня со скругленным концом. Ниже, в более рыхлом темно-сером золистом слое, имелись угольки и крупные угли (до 4 см). На глубине -1,68/ -1,69 м залегала прослойка золы. В ней были угли разной величины и около 20–30 кремневых чешуек. Местами прослойка имела розоватый оттенок.

В розовой прослойке имелись двойной скребок из куска кремня со следами действия огня, обломок передней части концевой скребка и фрагмент нуклеуса их прозрачного камня с тонкой коркой (опал?). Площадка отсутствовала, на негативах сколов имелся плотный карбонатный натек. Он покрывал и часть углей. Ниже встретились только угли и 2-3

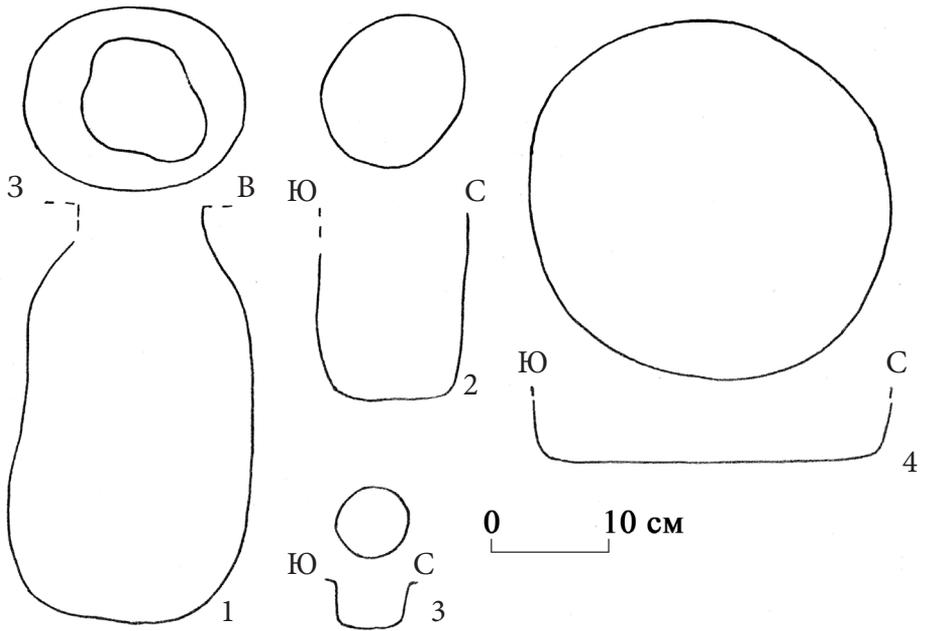

Рис. 34. Контуры ямок 1-4 в полу жилища

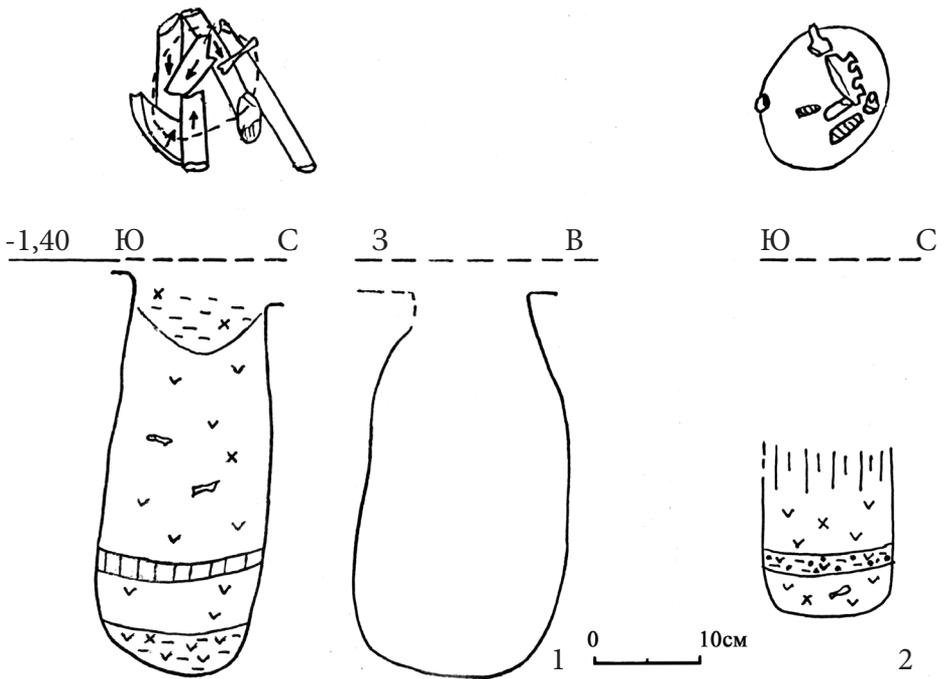

Рис. 35. Ямки 1 и 2. Показаны кости, заполнявшие горловину ямки 1 и находившиеся в ямке 2. Условные обозначения как на рис. 29

неясные кости, тонкие, как губчатые перегородки черепных костей мамонта. Их обволакивал кальцитовый натек. Дно ямки находилось на глубине -1,73 или -1,74 м. В ямке 2 в целом собраны 8 кремневых изделий, включая нуклеус, скребок и двойной скребок. Между ямками 1 и 2 в юго-восточном углу кв. Л-25 непосредственно под культурным слоем была встречена ямка 3 (рис. 34: 3). Она имела округлую форму, диаметр 12 см и глубину 4–6 см. Ее заполнял суглинок, слегка окрашенный золой и содержащий несколько мелких обломков костей и костных углей.

Ямка 4 была обнаружена в северо-западной четверти кв. М-25 под днищем траншеи 1914 г. При зачистке днища проступило пятно землистого цвета, имевшее вид изогнутой в плане норки грызуна шириной 4–5 см со спальней камерой в конце. Однако поперек ее лежала половина тазовой кости, по-видимому, зайца. Расчистка «хода» привела к обнаружению костных углей и мелких обломков костей. Пятно постепенно расширилось, превратившись вначале в полукруг, обращенный дугой к востоку, а затем в полный круг. Культурные остатки были связаны с днищем ямки (рис. 34: 4, рис. 36). Диаметр днища равнялся около 40 см. Первые предметы были выявлены в ямке на глубине -1,59 м, нижние – на глубине -1,65 м, на дне. Концентрация их была довольно плотной, часто они касались друг друга или наслаивались.

В западной половине ямки находки залегали в желто-буром суглинке, неотличимом от вмещающей породы, восточнее – в темно-серой, местами черной золистой массе толщиной 3–4 см. Днище ямки горизонтальное, на нем, соответственно, лежали наиболее крупные кости и их обломки. Здесь были обнаружены две половины таза мелкого животного, несколько обломков мелких ребер и обломков конечностей, обломок позвонка крупного животного, несколько обломков пластинок зубов мамонта, костные угли, 6 пластинок и отщепов кремня (рис. 36). Глубина ямки, считая, что ее верх находился на том же уровне, что и у близко расположенной ямки 1, равнялась около 22 см.

Пятая ямка находилась в западной части кв. Л-24, под останцом с бивнями 8 и 10 (рис. 37). Она обнаружилась по желтой охре на глубине -1,55 м. Диаметр ямки составлял около 10 см, глубина – 12 см. Сверху, на нижней границе культурного слоя, встретились два пятна желтой охры размерами 2–3 см., затем кусочек охры около 3 см. Дно было покрыто тонким слоем охры и углублялось до -1,65 м.

По краям пола жилища небольшие пятна культурного слоя сохранились в основании останцов под крупными костями. Первоначально эти кости, входившие в конструкцию жилища, стояли более круто, а при его разрушении опустились, но не до самого пола. В северо-западной части жилища протяженная полоска культурных остатков сохранилась

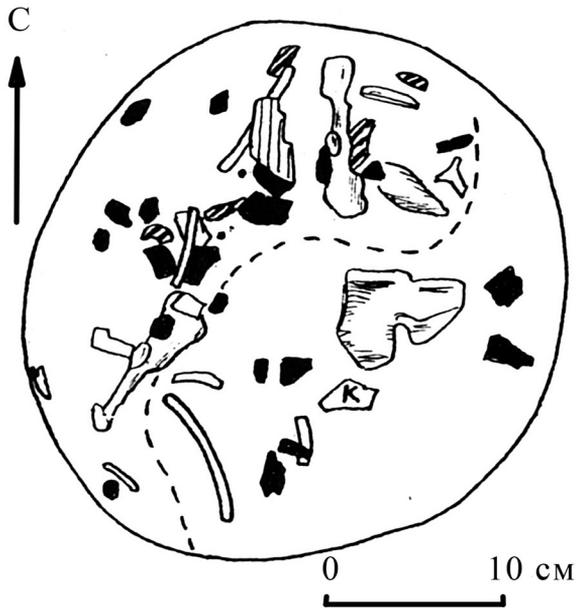
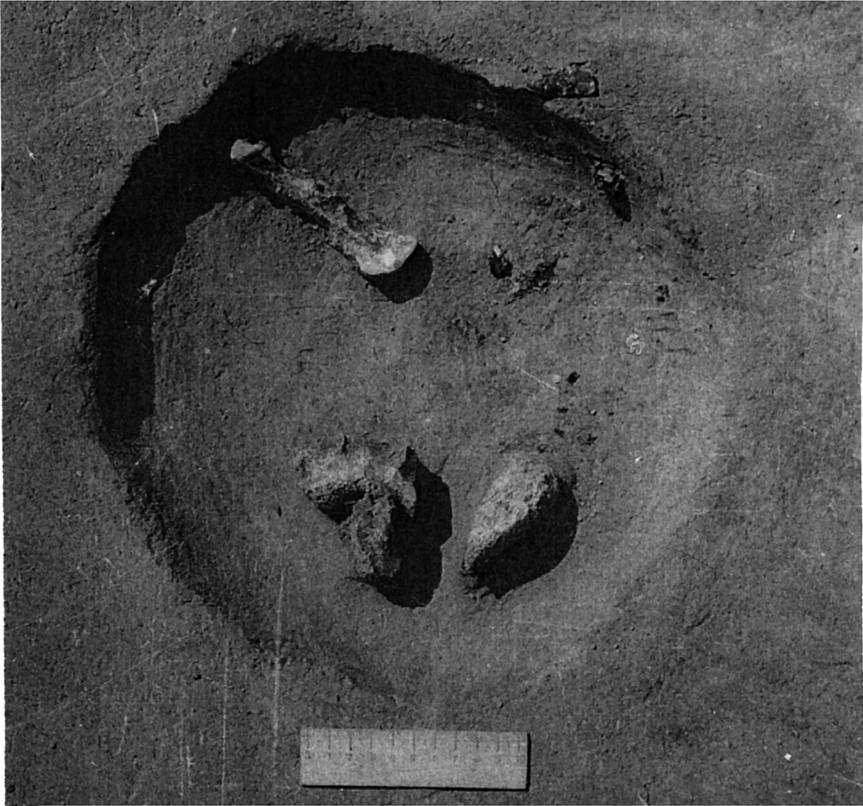

Рис. 36. Ямка 4. Обломки костей и костные угли на дне. Угли обозначены заливкой

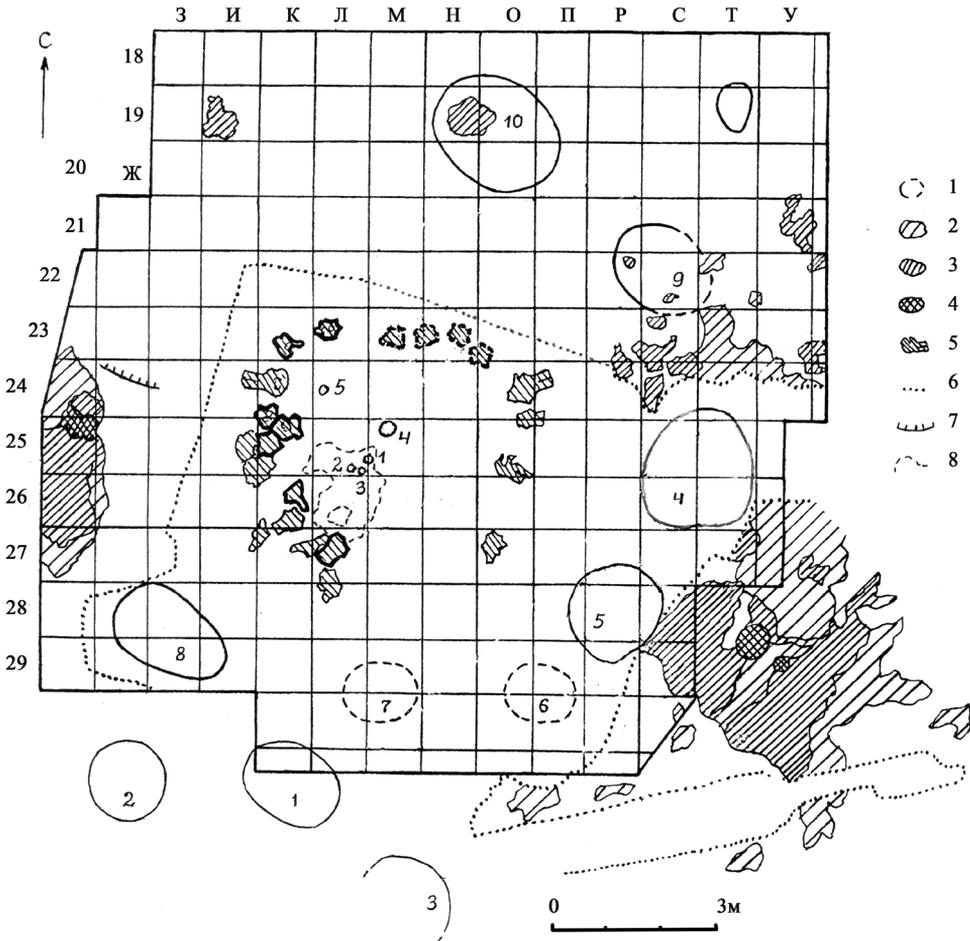

Рис. 37. Общий план жилищно-хозяйственного комплекса по материалам до 1985 г.

1 – линия края ямы; 2 – очажная масса; 3 – более концентрированные пятна очажной массы; 4 – очаг; 5 – черепа мамонта; 6 – граница раскопа 1914–1916 гг. и траншеи к югу от него; 7 – край пологого углубления; 8 – граница сохранившегося культурного слоя в жилище

на кв. Л – 24, 25 под бивнями 8-10, черепом 1 и прилежавшими к ним крупными костями и обломками (рис. 29). Остатки состояли в основном из углей и мелких фрагментов костей. Под ними в полу жилища находилась описанная выше ямка.

Под черепом 44, средней частью бивня 63, лопаткой 45, тазовой костью 46 и нависавшей северной частью черепа 43 также находились не добранные в 1915 г. культурные остатки. Здесь имелись три обожженных скола стенок костей конечностей мамонта длиной более 30 см, обломок зуба мамонта, ребро животного средней величины. Какому-то мелкому

животному, возможно, зайцу, принадлежали разбросанные в радиусе 40 см тазовая кость, часть хребта с ребрами, отдельное ребро и позвонок с двумя ребрами. В средней части кв. К-27, в полосе шириной 20 см, кости лежали на глубине от -1,14 м до -1,24 м. Севернее их уровень резко снижался до -1,40 м., а в отдельных случаях глубже.

Полоска культурных остатков сохранилась и в северо-восточном углу кв. Л-27 под тазовой костью мамонта 46 и далее к востоку на 25 см, то есть, у края входной части жилища. Она состояла из костей мелких животных: отдельных ребер, позвонков, фрагментов костей конечностей. Среди них имелось несколько мелких обломков костей крупных животных, включая обломок черепной крышки мамонта. В средней части кв. Л-27, под несколько нависавшим краем черепа 43, как упоминалось, на глубине -1,12 м имелся игольник из кости крупной птицы. От того же края черепа к югу на участке около 24 x 2 см, на глубине -1,26/-1,31 м, было рассеяно около 50 кремневых чешуек и отщепов. Они могли появиться в теплое время года, когда входной проем между черепами 43 и 79 оставался полностью открытым.

Кости мамонта в оборудовании жилого пространства

Кроме костей, использованных в конструкции жилища, на его площади содержалось небольшое количество костей, имевших отношение к созданию удобств, необходимых для его обитателей. На кв. Н-26 и частично соседних к ним относятся два черепа, три кости конечностей и бивень мамонта (рис. 11, 38). Череп 74 находится в северо-западной четверти кв. Н-26. Его бивневые альвеолы были направлены вниз с наклоном передней стороны к северо-западу под 70°. Свод отсутствовал по нижнюю треть мозговой полости. При расчистке полости был найден крупный фрагмент левой стенки черепа, отвалившийся и затем подложенный при расчистке или консервации в 1915 г. Зубы отсутствовали вместе с альвеолами. Бивневые альвеолы были вкопаны на глубину около 20 см. Дистальные их концы имели уплощенную форму, выше их внутренняя полость была округлой, диаметром до 3,5–4 см. Заполнение левой альвеолы – суглинок, песчанистый в дистальной части. То же относится и к правой альвеоле, в которой была заметна гумусированность суглинка, а в средней части встретились уголек и черепная клеточка. На бивневых альвеолах и несколько выше имелся темный налет. Верхняя отметка черепа: -0,87 м, нижняя: -1,42 м.

С юго-запада от черепа 74, в нескольких сантиметрах от него, была вкопана бедренная кость 73. Ее углубленность превышала все другие

кости на кв. Н-26, достигая уровня -1,58 м. Кость была наклонена к югу под углом около 65°. Сочленение верхней части бедра отсутствовало, а диафиз в верхней части на протяжении 16 см был наискось сбит (рис. 39), открывая в этом промежутке округлую естественную полость диаметром 4–5 см, ниже заполненную плотной костной губкой. С запада к бедру 73 и черепу 74 плотно примыкала крупная бедренная кость 72. Она была наклонена к востоку под углом 60–65°. Эпифизы отсутствовали. С глубины -1,18 м с севера и с -1,20 м с юга в западной части кости наблюдалась густая кайма темного налета шириной 2,5–3 см. С юга она поднималась до -1,12 м, но в менее интенсивном размытом виде.

Вдоль восточной стороны черепа 74 круто углублялось основание бивня 92, протянувшегося до тазовой кости 90 на кв. О-24 (рис. 11, 38). Бивень имел сложный изгиб. Средняя его часть выдавалась вверх до уровня -0,8 м, дистальный конец находился на глубине -1,23 м, а основание, в отличие от бивней, использованных в постройке, было вкопано, достигая глубины -1,52 м. Под затылочной частью черепа 74 находилась насыщенная зольная масса мощностью 10–15 см, распространявшаяся к правой бивневой альвеоле черепа 75. Выше она резко утончалась до 3–4 см, а простираясь вниз, облепляла восточную часть сочленения бедра 73. В темно-серой массе содержалось много костного угля. В ней и прилежащем суглинке собраны более 10 кремневых изделий и отретушированный отщеп из опала.

Череп 75 и бедренная кость 77 составляли вторую часть очажного сооружения (рис. 11, 38). С ней, с черепом 74 или в связи с обоими черепами был функционально связан бивень 92. Череп 75 был врыт бивневыми альвеолами вертикально вниз. Как и у других черепов в таком положении, у него сохранилась нижняя часть мозговой капсулы. Зубы были выломаны. Левая скуловая дуга отсутствовала. Затылочная сторона черепа возвышалась до -0,70 м, край черепа спереди справа снижался до -0,73 м, а слева – до -0,84 м. Основание черепа доходило до глубины -1,17 м. Возможно, с этим уровнем на квадрате связана нижняя граница культурного слоя. Окончание бивневых альвеол достигало -1,4 м.

Правая альвеола сверху была открыта. В ней с самого низа в суглинистом заполнении встречались угольки. В 15 см выше на протяжении 3 см заметно проявилась золистость. Непосредственно за ней были найдены две кремневые пластинки и отщеп. В 21 см от конца альвеолы оказалась забитой обломком диафиза кости конечности. Перед ним и за ним альвеолу заполняла темная рыхлая золисто-углистая масса. В 25–20 см от конца в альвеоле найдены 3 позвонка небольшого животного, опиравшиеся на более плотный грунт, менее золистый и темный, но по-прежнему содержащий угли. В этом промежутке были найдены кремневая

Рис. 38. Конструктивный узел на кв. Н-26 из двух черепов, трех крупных костей конечностей и бивня. Вид сверху с юго-запада

пластина и чешуйка. В 33–34 см от конца альвеолу заполнял суглинок серо-желтого, местами серого цвета. До самого верха, бывшего открытым, он содержал костные угли.

Левую альвеолу в промежутке до 16 см от конца заполнял плотный суглинок, изредка с угольками. В нем, на 12–15 см от конца, лежал кусок кремня. С этого места стали встречаться черепные чешуйки и нарастала золистость, не достигшая значительной насыщенности. В 22–30 см от конца в альвеоле найдены две крупные кремневые пластинки, два резцовых отщепка и косточка небольшого животного с продольными подрезами.

Под основание передней части правой скуловой дуги черепа 75 был плотно помещен эпифиз крупной кости конечности 173, вероятно, бедра, имевший размеры 13 x 11 см. Узкая клиновидная часть кости была направлена вниз, основание в юго-восточной стороне не доходило до черепа на 4 см, упираясь в пластину зуба. Кость спаялась со скуловой дугой черепа известковым натеком. Она залегала в пределах глубин от -1,07 м до -1,16 м. На нижнем уровне к ней подходил сохранившийся фрагмент культурного слоя. Вторая кость, использованная для укрепления черепа в приданном ему положении – крупная отбитая часть соч-

ления лопатки размерами 17x11 x 8,5 см. Она также имела край, сходящий на клин. Лезвие клина и в этом случае было направлено вниз. Верх кости находился на глубине -0,99 м, низ, как и у первого клина – на глубине -1,16 м.

С севера и востока к черепу примыкал углистый культурный слой почти без золы. Угли облепляли правую височную впадину черепа и опускались ниже основания передней части скуловой дуги (глубина от -0,95 м до -1,17 м). До той же глубины, на которой заканчивались культурные остатки, опускалось основание черепа. Его бивневые альвеолы были погружены в суглинок до -1,4 м. Спереди на черепе удерживался карбонатным натеклом крупный фрагмент ребра мамонта. По-видимому, он был воткнут перед правой бивневой альвеолой, наискось к левой (рис. 39) и не мог выполнять роль клина. В какой связи он появился, неясно.

В южной части кв. Н-26 была поставлена и укрепена в земле с наклоном под 60° к северу плечевая кость 77. Она плотно примыкала к черепу 75. С северной стороны под костью с глубины -1,27 м залегал голубовато-темно-серый суглинок, круто опускавшийся к северо-западу, под бивневые альвеолы черепа 75. Еще один элемент конструктивного узла на кв. Н-26 – бивень 92, протянувшийся до кв. О-24. Его основание располагалось вплотную к правой стороне черепов 74 и 75 и в этом месте было круто направлено вниз до глубины -1,52 м. В точке пересечения с бивнем 84 его глубина равнялась -0,89 м, дистальный конец находился на глубине -1,23 м. О роли этого бивня судить трудно. Состояние его мало отличалось от других бивней в остатках жилища. Помещенный на краю жилого пространства вблизи очага, он мог служить для разных нужд, требующих умеренного нагрева: сушки одежды, обуви, каких-нибудь изделий или припасов.

В. А. Городцов обратил внимание на то, что в группе скоплений 1, как он обозначал остатки жилища, бивни были обращены вершиной изгиба вверх. В особенности его привлек бивень 92. Вместе с костями конечностей, входивших в очажное сооружение, он, как образец, был зарисован (Городцов, 1926, табл. 1V, рис. 1). Указывая, на то, что центр тяжести бивней, обращенных вершиной дуги вверх, не совместим с зафиксированным их положением, он полагал, что бивни укладывались на холмообразные кучи рыхлого мусора, чтобы предотвратить их расползание (Городцов, 1926, с. 21, 22).

На Межиричском поселении сходные конструкции, состоявшие, главным образом, из черепа и костей конечностей мамонта, сочетались с внутренними очагами и были отнесены к приочажным сооружениям (Пидопличко, 1976, с. 120-129). Наиболее близка к гонцовской конструкция из вкопанного черепа и нескольких крупных костей в жилище 3 Межирича.

**Рис. 39. Конструктивный узел на кв. Н-26.
Череп 75 и бедренные кости 72 и 73. Череп 74 и бивень 92 сняты**

На череп, как и в данном случае, была нагребена зольно-углистая масса, а перед ним в 0,7 м располагался очаг (Сергин, 2013, рис. 5, 6). К очажному сооружению в Гонцах должна была относиться и деталь, названная И. Г. Пидопличко вертельной перекладной. Она состояла из бедренной и плотно вбитой в нее лучевой кости мамонта. Перекладная находилась в метре к западу от ямы 7. В темное время случайные посетители перетаскивали кость на другое место, и после ночного дождя было невозможно определить ее первоначальное положение. Поэтому она не была нанесена на план. В самой яме 7 среди костей верхнего уровня была найдена бедренная кость мамонта с глухим отверстием в проксимальном конце.

В. М. Щербаковский не отрицал наличия внутри жилища («кучи I») очажной массы («перепала»). Но он не считал, что она связана с остатками очага, так как прокала поверхности под ней заметно не было (Щербаківський, 1919, с. 68). В 1977 г. при удалении с раскопа насыпного грунта встретилось много золы и угля. Наиболее насыщенным ими был участок диаметром около метра и толщиной 0,2 м на кв. Н, М – 23. Очажная масса, по-видимому, была отброшена туда в 1914 г. при зачистке пола траншеи. Первоначальное ее место могло находиться возле описанной конструкции на кв. М-25 и соседних квадратах. Именно на этом участке изобразил скопление угля В. А. Городцов (рис. 5).

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЯМЫ

нумерацию «куч» костей, использованную В. М. Щербаковским и В. А. Городцовым, были включены и остатки жилища, и ямы. В их число входила яма, относившаяся ко второму жилищно-хозяйственному комплексу, разрытому Р. И. Гельвигом («куча IV»). И. Ф. Левицкий изучил еще две ямы того же комплекса и также ввел их в общую нумерацию с ямами комплекса 1. Первыми в ней идут три ямы комплекса 2, а за ними ямы комплекса 1, последовательно с севера на юг (Левицкий, 1949, рис. 9). Цифровые обозначения ям находятся в следующем соотношении с теми, которые использовались В. М. Щербаковским и В. А. Городцовым (рис. 4, 5) при описании «куч»: 8 – IV; 7 – II; 6 – III; 5 – VI.

Предваряя описание «куч», В. М. Щербаковский сообщал о характере их исследования. Из 5 «куч» две наименьшие были полностью разобраны, а материалы из них перевезены в музей. Из остальных «куч» после их расчистки были взяты мелкие кости, мелкие обломки костей, изделия из кремня и кости, а также некоторые крупные кости, например, бивни, остатки черепов с очень крупными бивневыми альвеолами, лопатки и тазовые кости со следами погрызов или действия орудий (Щербаковский, 1919, с. 66, 67). Находки, сделанные в «кучах», включая и кости мамонта, отмечены в публикации. «Кучи» не разбирались до основания. Обнаружив их верх, прежде всего, углубляли места более рыхлого заполнения с золой и углями, содержавшие большинство костей оленя, мелких животных, а также и изделий. Вместе с ними могли отбираться в коллекцию и отдельные кости мамонта. Обращение с заполнением ям как с кучами остатков вело к разрушению значительных участков стен ям, но преобладающая часть их содержимого оставалась на месте.

Сравнение состава костей мамонта в объектах, указанное В. М. Щербаковским, с костями, найденными при полной их разборке, дает возможность судить о костях, имевшихся в них первоначально, и об изъятии костей. Содержимое ям 7 и 6 было полностью перевезено в музей. Кости, указанные в яме 8, остались на месте. Изъятия коснулись ямы 4. В ней при полной разборке недоставало лопатки, бедра и 11 зубов мамонта. Зубы встретились только в виде обломков. Потенциальными местами изъятия костей остаются яма 1 комплекса 2 (куча IV) и кости из конструкции жилища. В яме, помимо прочего, согласно В. М. Щербаковскому, числились 5 бивней, 4 берцовые кости, лопатка и два зуба. По исследованию И. Ф. Левицкого, описанному ниже, отмечены 3 бивня и обломки бивней, 4 крупные кости конечностей (большая берцовая, пле-

чевая, бедренная и локтевая), 3 лопатки, обломки зубов и др. Возможно, в 1915 г. были взяты или развалились и остались на месте два бивня. Заполнение ямы было разобрано В. М. Щербаковским не полностью.

В любом случае, в отношении ям речь может идти об единичных изъятых костях. Основным местом сбора крупных костей для музея были остатки жилища. Кости, расчищавшиеся в 1915 г., не были тронуты. Но часть костей, найденных в прорезавшей середину жилища траншее 1914 г., пополнила музей. Это делало необходимость дальнейшего пополнения его коллекции крупными костями мамонта не столь острой. В 1915 г., как отмечено, к ним могли добавиться несколько костей из двух ям.

Яма 8 располагалась в 2 м к юго-западу от жилища (рис. 37). В 1915 г. ее заполнение, принятое за кучу костей, было обкопано и расчищено, но не до самого днища. В публикации размеры ямы ошибочно определены в 1 кв. м (Щербаківський, 1919, с. 73). В рукописном отчете даны ее размеры 2 x 1,5 м, а по измерениям 1977 г. они равнялись 2,1 x 1,5 м. Исходя из положения культурных остатков, форма ямы в плане по верху грушевидная, дно ровное, со слабым наклоном к северу (рис. 40). Несколько костей в северной половине ямы погружались до глубины несколько глубже уровня -1,9 м. Уровень древней поверхности по культурным остаткам в метре к северо-востоку от ямы – до -1,1 м. Глубина ямы могла быть не менее 0,8 м. Сохранившийся низ стенок и днища четко выделялись на фоне мозаичного желтого и серо-голубоватого суглинка, подстилающего желтовато-серый суглинок культурного слоя.

В. М. Щербаковским в яме указаны около 10 целых и крупных частей бивней, 2 зуба и лопатка мамонта (Щербаківський, 1919, с. 73) В 1977 г. найдены несколько обломков черепных костей, нижняя челюсть с зубами, 3 относительно целых и обломки зубов, 6 целых и 4 крупные части бивней мамонта. Диаметр двух сохранившихся бивней и проксимального фрагмента составляли 20, 22 и 24 см. Основание одного бивня находилось внутри обломанной альвеолы. Лопатки включали 3 целых и сочленение. У одной лопатки гребень был частично отбит, у другой он сохранился вместе с проделанным в нем подквадратным отверстием. Имелись также две целых и несколько обломков костей конечностей, два позвонка, несколько ребер, половина тазовой кости и некоторые другие кости мамонта. Олень был представлен обломком рога и костями нижней части ноги в сочленении. Имелся череп зайца. Новый список включает все кости, зарегистрированные в яме в 1915 г. Очевидно, они были оставлены на месте.

Кости залегали хаотично, но в целом вдоль длинной оси ямы и в положении, близком к горизонтальному. Сверху располагался ярус пре-

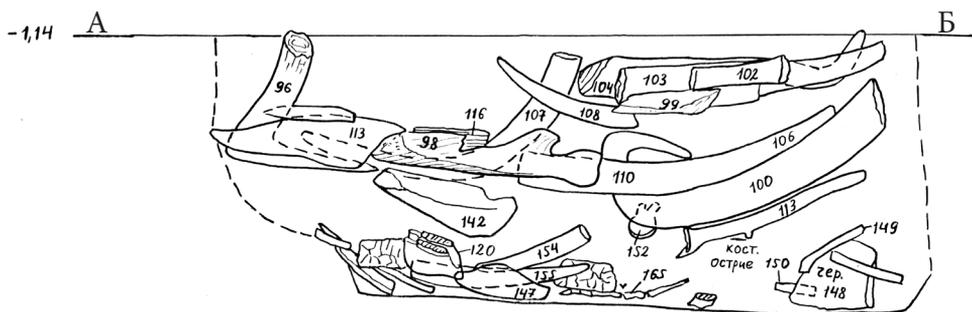

Рис. 41. Яма 8. Профиль заполнения. Вид с севера

значительное количество костей и других остатков. Яма 7 в описании ее как кучи костей имела диаметр около 1,5 м. Она содержала относительно небольшие кости мамонта, как представлялось, принадлежавшие старым мелким животным: бедренную, берцовую, пястные кости и некоторое количество зубов и обломков ребер. Эти кости прикрывали кучку костного перепала (Щербаківський, 1919, с. 70, 71)

По описанию В. А. Городцова, диаметр «кучи» был меньше, составляя 1,5 аршина. Кости принадлежали преимущественно одному очень юному мамонту. От него сохранились берцовые кости, обломки черепа, обе лопатки, кости ступни, позвонки, ребра. Кости имели очень небольшой вес. Берцовые кости находились вместе, свидетельствуя об отчленении их по коленный сустав. Встретились также единичные кости одного или двух более взрослых мамонтов: сломанные бивни, две кости конечностей, позвонки с лежавшими возле них отпавшими межпозвоночными дисками. Найден разбитый череп оленя. Среди костей наблюдались сильно обугленные растрескавшиеся кости, осколки кремня, несколько кремневых орудий и небольшой валун (Городцов, 1926, с. 22, 23).

В. А. Городцов отметил, что «скопление» II (рис. 5) отличалось от всех остальных. Подошва скопления находилась на 12 вершков (около 53 см) ниже ближайшего к нему «скопления» IV (Городцов, 1926, с. 21). Возможное объяснение разницы уровней объектов он видел в использовании людьми какого-то естественного углубления. Им могла быть, например, рывина, возникшая на месте вывала дерева на береговом скате, покрытом лесом (Городцов, 1926, с. 22).

Яма 6 («куча III») имела в диаметре 1,2 м. В ней находились бедро, плечевая кость, 2 эпифиза, обломок зуба, обломки черепа, 3 позвонка, обломок бивня и 2 ребра мамонта. Олень был представлен раздавленным черепом, тремя обломками челюстей, обломками ребер и более мелкими костями, заяц – костями лапки и другими. Имелось некоторое

**Рис. 42. Яма 8. Центральная и юго-западная части.
Верхний и средний уровни заполнения**

Рис. 43. Яма 8. Нижний уровень заполнения. Вид с северо-востока

ножевидных пластин, проколка и 16 отщепов и обломков кремня. Имелись костяные изделия: целое шило, обломок иглы, шпилька для волос, брусочек из бивня мамонта. Единственной в своем роде находкой был обломок бивня мамонта с тонкими нарезками в виде делений на линейке (Scherbakivski, 1926. Abb. V, VIII).

Согласно И. Ф. Левицкому, вскрывшему участок раскопа В. М. Щербаковского с ямами 4 и 5, у ямы 4 остался ненарушенным северо-восточный край шириной 0,3 м. Она имела форму овала с диаметрами 2,0 м и 1,65 м. В разрезе прослежена вертикальная стенка ямы, по которой ее глубина определена равной 0,9–1 м (рис. 49). Все прослойки с углями и другими мелкими остатками ограничивались указанным контуром, что доказывало ошибочность определения заполнения ям в каче-

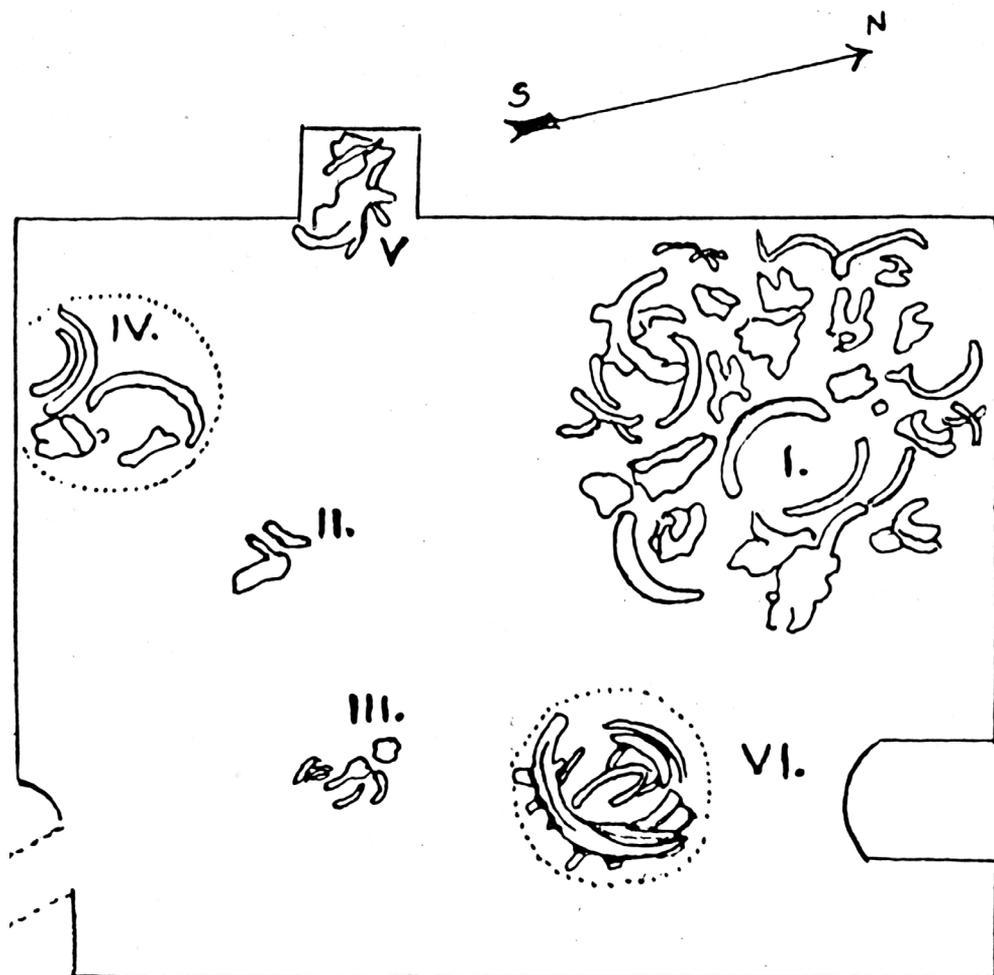

Рис. 47. Яма 5 на плане работ до 1916 г. (по: Scherbakivski, 1926. Abb. 3)

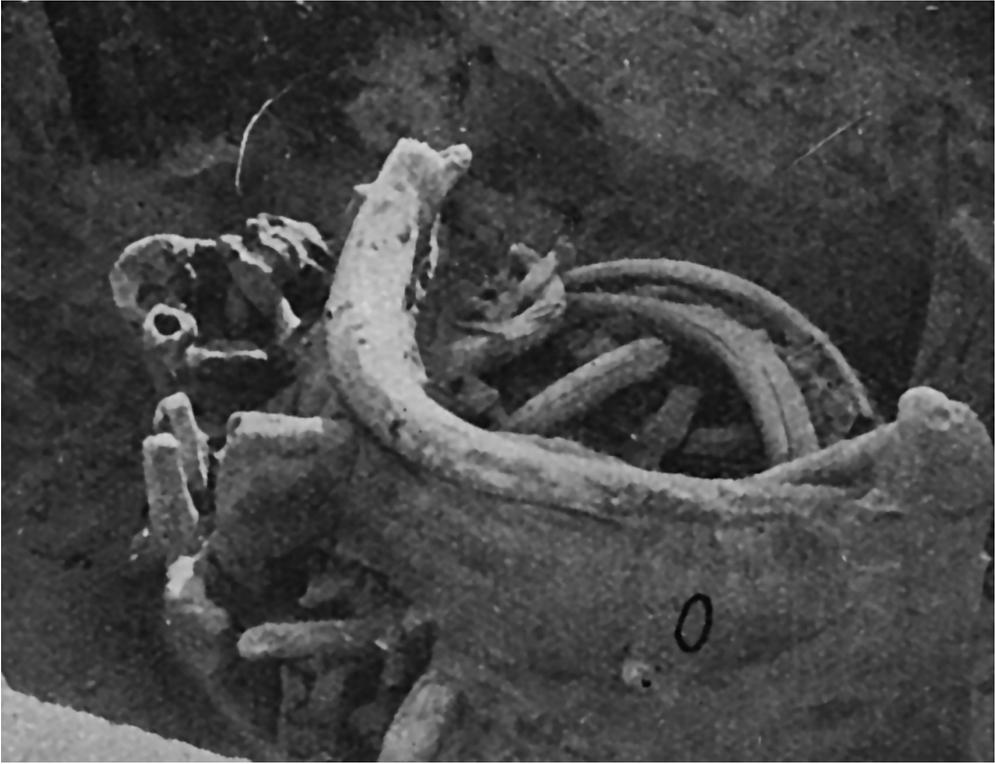
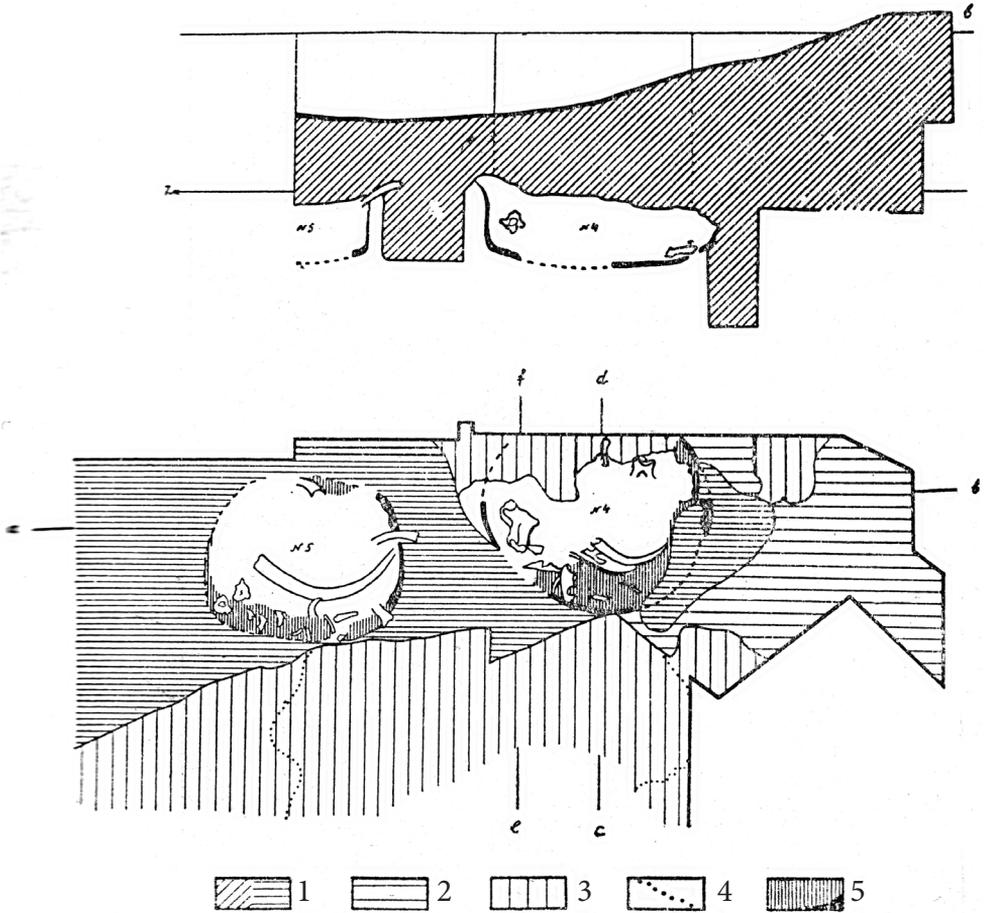

Рис. 48. Яма 5. Раскопки 1916 г. (по: Scherbakivski, 1926. Abb. 8)

стве куч костей. И. Ф. Левицкий очистил от засыпки часть ямы, нанес на план несколько костей и вновь засыпал (Левицкий, 1935, с. 230).

В 1979 г. было установлено, что яма 5 находилась в 1,6 м к юго-востоку от ограждения жилища. Верхний уровень ее заполнения составляли несколько крупных костей, возвышавшихся над плотнее залегавшими другими костями. Торчавшие из скопления, частично расчищенные в 1916 г. многочисленные кости и кости, находившиеся ниже, позволили сравнительно точно очертить контур ямы на разных уровнях, прежде всего в нижней части. Южный и юго-восточный края ямы сохранились почти или до самого верха.

Яма имела округлую форму с некоторой спрямленностью юго-западного края и небольшим сужением южного. Диаметр ее равнялся 1,6–1,7 м, глубина около 0,75 м. Южный и юго-восточный края ямы имели вид неширокой полосы, которую нам пришлось вдвое сузить при расчистке костей у края ямы. При разборке насыпного грунта в яме рядом с несмещенными костями встретились несколько снятых костей монтажа, которые, по всей вероятности, были стронуты при расчистке в 1916 г. и положены перед засыпкой для сохранения состава комплекса.

**Рис. 49. Яма 5 по исследованию И.Ф. Левицкого
(по: Левицкий, 1949, рис. 13)**

1 – раскопано в 1916 г до культурного слоя; 2 – раскопано до уровня ниже ям;
3 – не нарушенный культурный слой; 4 – площадь жилища;
5 – слой угля у стен и на дне ям.

Это дистальная половина бедра, головка бедренной кости, два обломка тазовых костей, две части ребер и позвонок мамонта (рис. 50).

В непо потревоженном состоянии в яме найдены: череп мамонта, свод черепа с затылочными костями и свыше 15 фрагментов черепов более 20 см длиной. Имелись целая и две половины нижней челюсти, небольшие обломки зубов. Из 17 почти целых бивней и крупных обломков передних частей лишь один бивень имел массивное основание. Конечности представлены локтевой костью и несколькими костями стоп, корпус – несколькими позвонками. Оленю принадлежали 5 черепов (своды), около 10 фрагментов верхних и нижних челюстей, лопатка, 3–4 анатомические группы костей конечностей, ребра и другие кости.

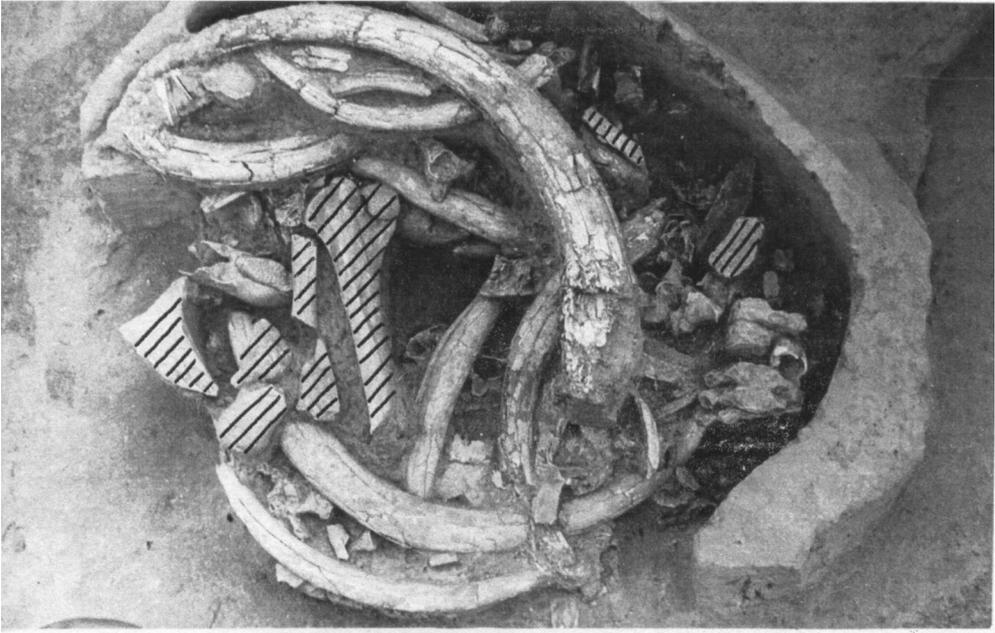

Рис. 50. Яма 5. Штриховкой выделены кости, снятые и положенные на свое место в 1916 г.

Несколько анатомических групп и разрозненных костей принадлежали зайцу и другим мелким животным. Имелись кости голенастой птицы, вероятно, журавля. Из 99 собранных в яме кремневых изделий было 6 скребков, 6 резцов, 1 режущее острие, 27 пластин и 59 отщепов. Кости с обработкой состояли из 2-х трубчатых костей мелких животных с отрезанными эпифизами, 2-х частей ребер со сломami по надрезам и стерженька из бивня с поверхностью, обработанной скоблением. Возможно, это обломок шила. Найдены также три кусочка гематита.

Уровень костей верхней части заполнения ямы с восточной стороны был значительно выше. Это объясняется тем, что вплотную к ним в средней части ямы располагалось разобранное В.М. Щербаковским «гнездо» с культурными остатками. Сохранившиеся на месте крупные кости залежали в яме плотно, составляя основной объем заполнения. Преимущественно это были бивни и обломки черепов мамонта. Переплетение бивней между собой и с другими костями было столь значительным, что иногда приходилось снимать бивни по частям. Черепы и обломки черепов мамонта сосредоточивались главным образом на среднем уровне заполнения ямы, ближе ко дну (рис. 50–55).

Бивни залежали в два яруса, верхний и придонный. В верхнем преобладала ориентировка бивней по линии север-юг (рис. 51, 53) а в нижнем – в противоположном направлении (рис. 55). Деление бивней

на ярусы, естественно, не лишено условности. Так, бивень 19 занимал промежуточное положение, концы бивня 21 находились в верхнем, а середина – в нижнем ярусе. Бивень 4 лежал в верхнем ярусе, но его проксимальный конец круто погружался вниз в северном конце ямы, достигая максимальной среди бивней глубины. Учитывая вместе с тем длину и естественный изгиб бивней, можно отметить, что в целом ни один из них не залегал круто. Основание бивня 24 находилось в северо-западном углу кв. С-28 на глубине -1,52 м. Оно и сниженная часть его передней половины на две трети диаметра были покрыты темным налетом, не характерным для предметов, находившихся в заполнении ямы.

Кроме относительно целых частей бивней встретился расколотый вдоль крупный фрагмент 15 (рис. 53). С восточной стороны он был деформирован в результате просадки грунта в заполнении ямы и упора в

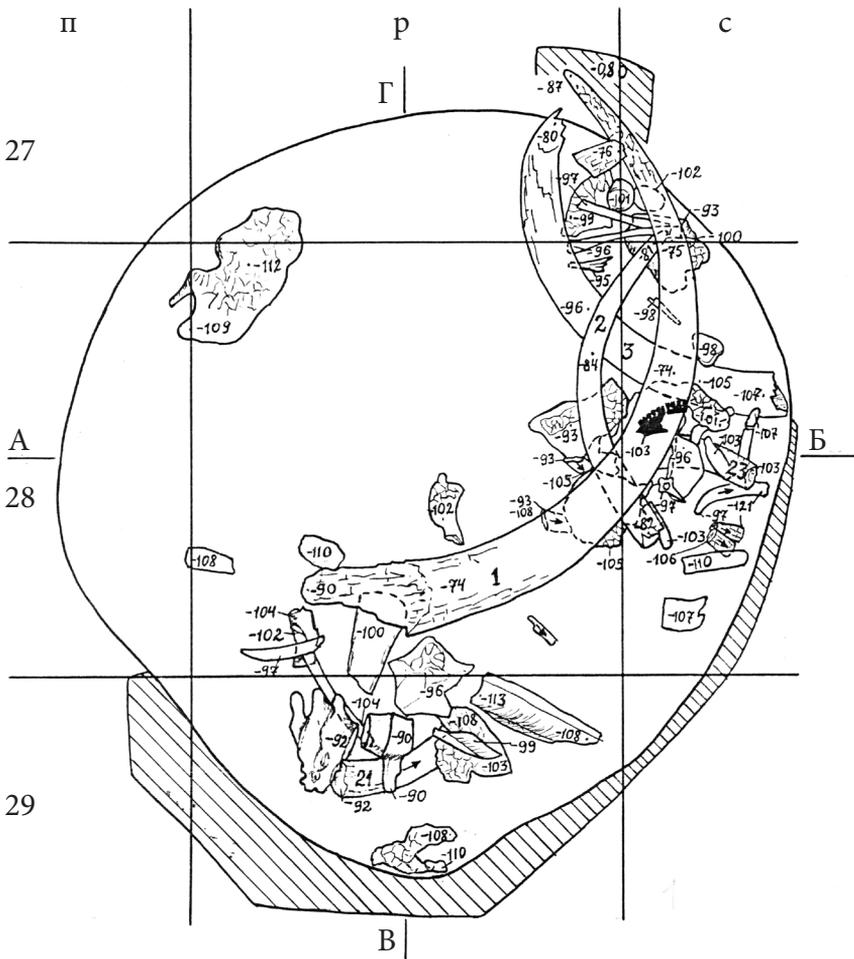

Рис. 51. Яма 5. Бивни, залегавшие наиболее высоко

Рис. 52. Яма 5. Бивни верхнего яруса. Вид с востока

череп 20. Причина смятости средней части соседнего с ним бивня 6 менее ясна. Обломки костей и мелкие кости плотно заполняли промежутки между крупными костями (рис. 56). Линзы песка в яме не замечались, но под бивнем 2, преимущественно под его средней частью, вначале попалось много мелких костных угольков, встретились несколько небольших обломков костей и кремней, а затем на глубине около $-0,90/-0,95$ м проявилась значительная песчанность, переходящая ниже, над крупными костями, в суглинок почти без находок. Некоторая песчанность была свойственна и заполнению полостей и клетчатого слоя верхней части черепа 20, лежавшего горизонтально, на лбу и бивневых альвеолах (рис. 54).

На верхнем уровне заполнения, под прикрытием крупных костей в северо-восточной и восточной части ямы, вблизи стенки сохранились два небольших зольных пятна с мелкими углями. На уровне черепов мамонта и их обломков имелись три локализованные у северного, южного и восточного краев небольшие скопления золы и угля (рис. 54). У южного края ямы с глубины около 1,2 м к северу ниспадала зольно-углистая масса мощностью до 10–15 см с костями оленя (череп, две анатомические группы ног, часть челюсти и некоторые другие кости), мелкими обломками костей других животных и кремневыми изделиями (рис. 54, 55). Скопление производило впечатление очажно-кухонного выброса.

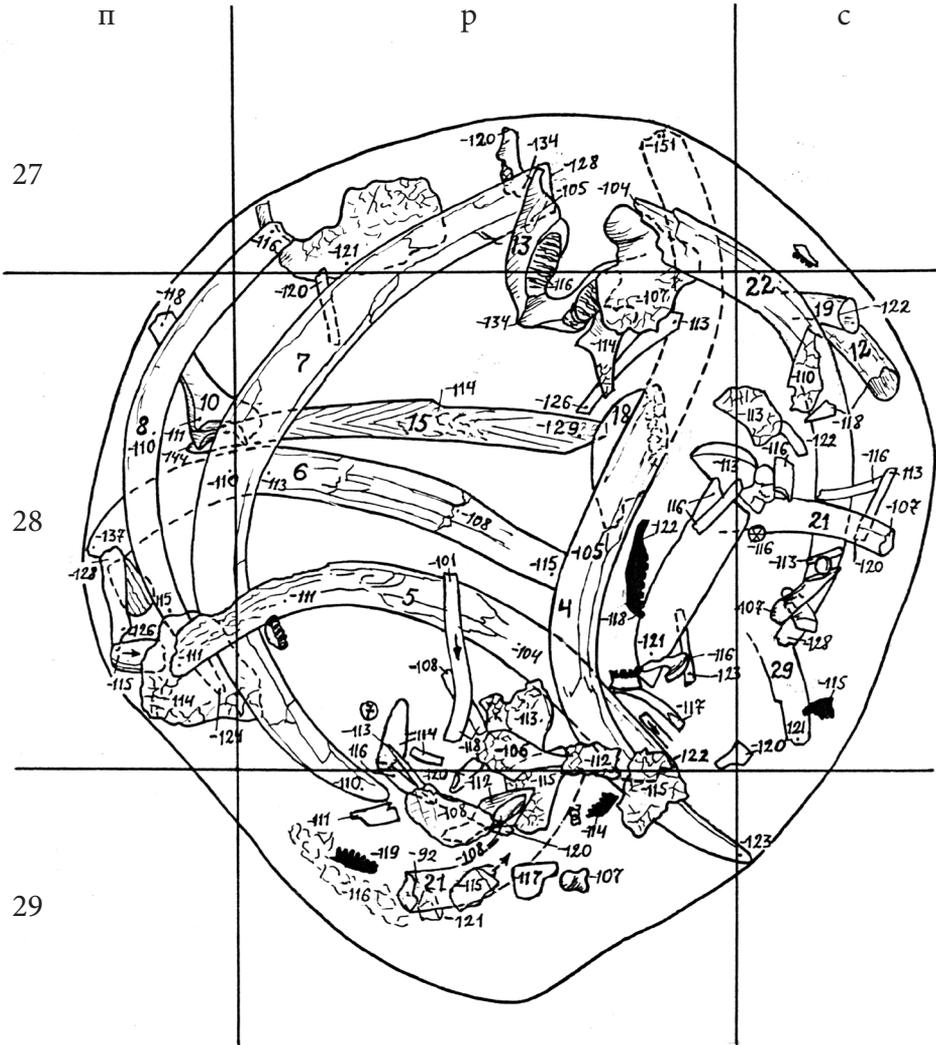

Рис. 53. Яма 5. Верхний ярус костей

Темно-серая зольная масса мощностью до 15–20 см с подобным же содержанием спускалась с восточного края ямы к центру и северо-западу с той же глубины (рис. 56). Она обтекала бивни и другие крупные кости и, как и предыдущая, не достигала дна. Третье скопление зольно-углистой массы, небольшое, но почти без примеси суглинка, встретилось в северной части ямы. Зольная масса облепливала полость левой ветви челюсти 13, лежавший выше обломок черепа и челюсть 25. Стенки ямы были вертикальными или круто наклонными, дно неровным, отчасти ступенчатым (рис. 57).

Яма 4. Упоминание об исследовании этой ямы в публикациях В. М. Щербаковского отсутствует. Сохранились архивные сведения, ис-

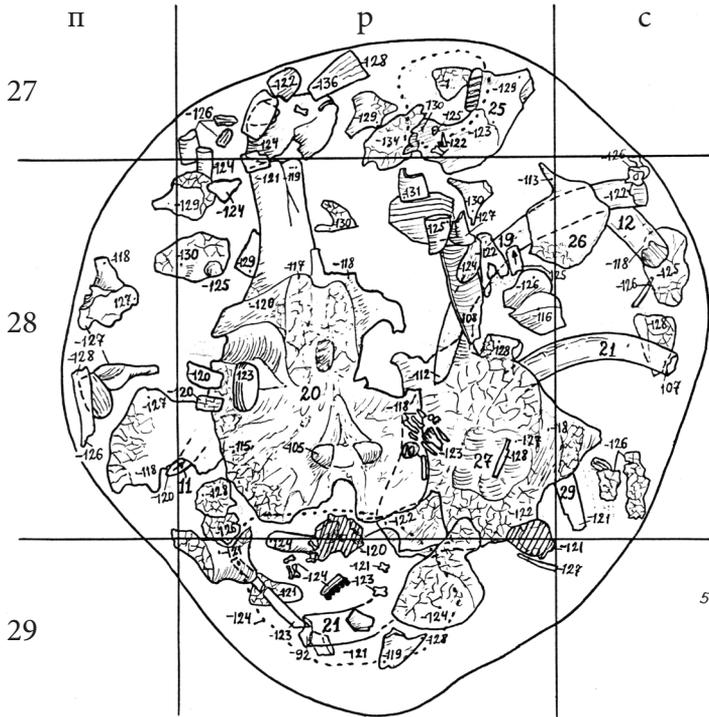

Рис. 54. Яма 5. Черепа мамонта и их обломки

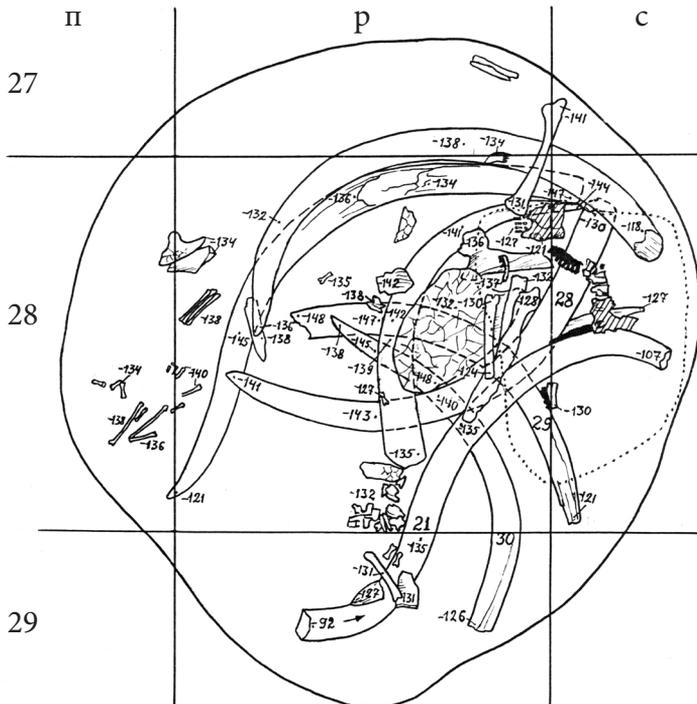

Рис. 55. Яма 5. Бивни нижнего яруса

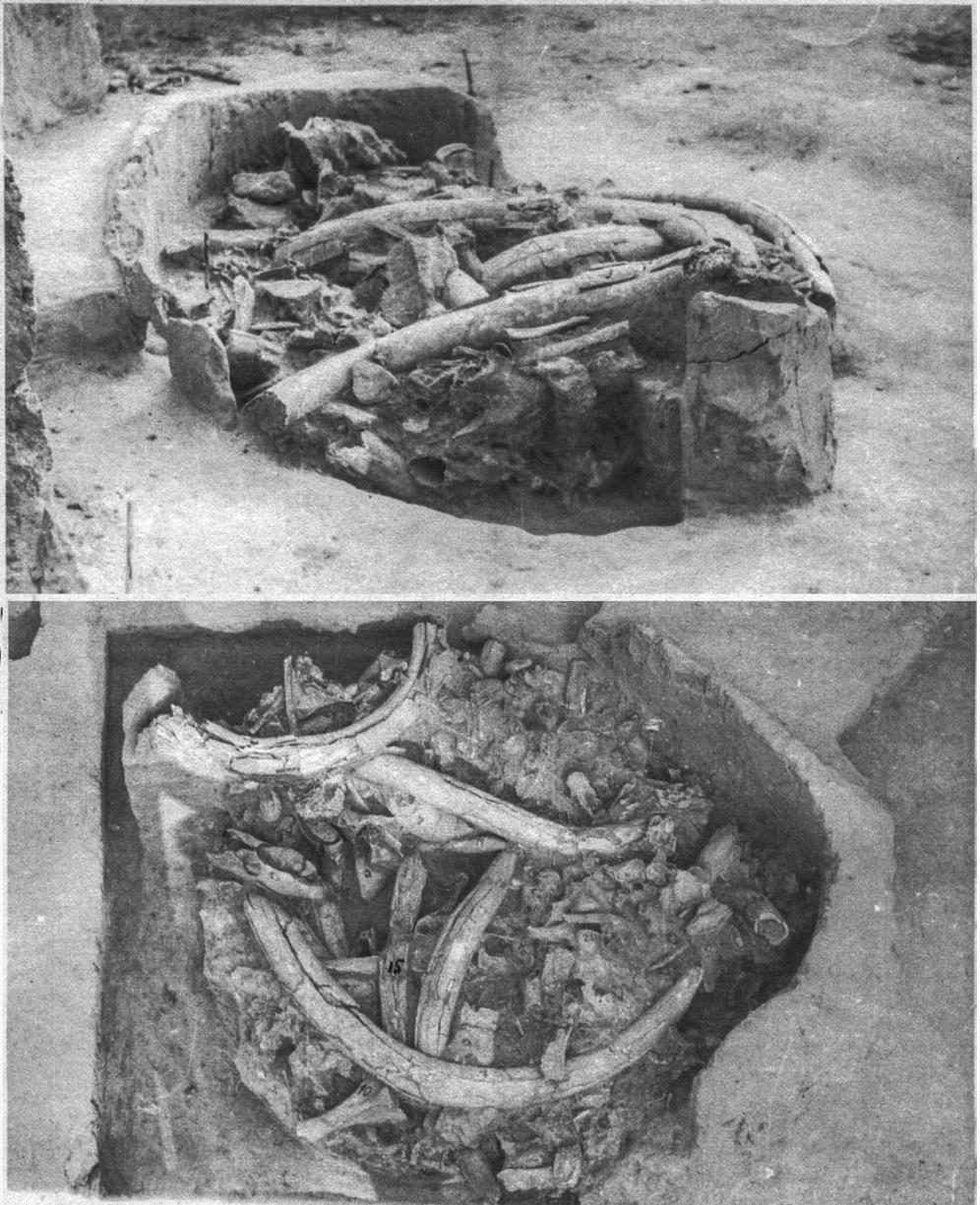

Рис. 56. Плотность заполнения ямы 5 небольшими костями и обломками костей. Вид с востока

пользованные И. Ф. Левицким. Как и яма 5, эта яма была раскопана в 1916 г. (Левицкий, 1949, с. 228). И.Ф. Левицкий установил, что с северо-востока она была обкопана в проложенной В. М. Щербаковским узкой траншее. При этом был прорезан и не замечен западавший в нее культурный слой. Так же были обкопаны кости заполнения ямы с юго-за-

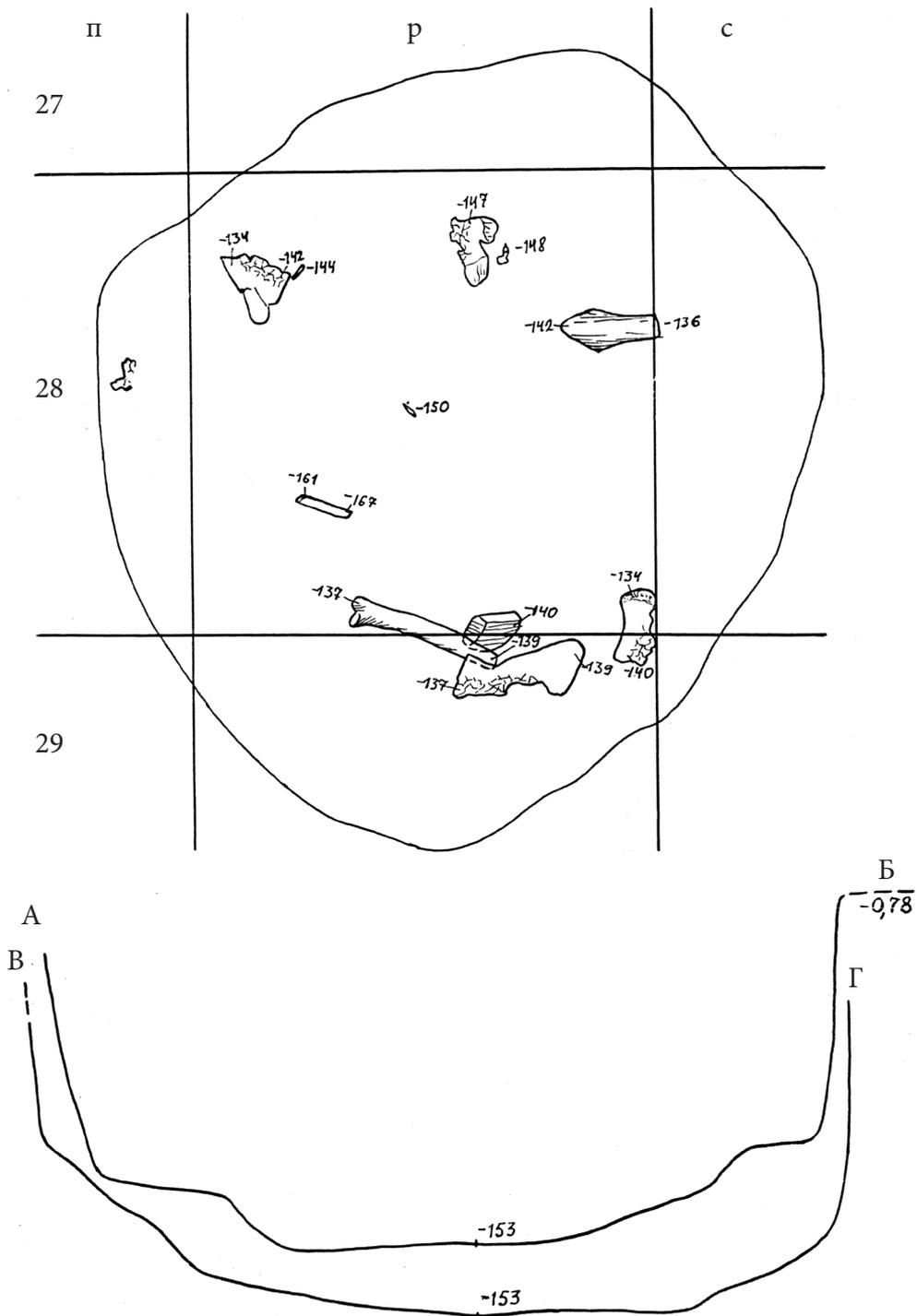

Рис. 57. Кости на днище ямы 5. Профили ямы 5

пада. В промежутке между траншеями со стороны жилища сохранился край ямы до 0,3 м над ее дном. В обресе траншеи четко проступало чашевидное дно с прослойкой мелких отбросов. Прослойка пережженных и обугленных костей толщиной 3–4 см спадала со стороны жилища (с запада) к центральной части ямы. Темное суглинистое заполнение ямы было разделено прослойками песка, конусообразно западавшими над ее серединой, как это было в яме 1, связанной с жилищем 2 в раскопе Р. И. Гельвига.

Второй значительный не разобранный участок заполнения ямы сохранился у юго-западного ее края. Расчистка с этой стороны позволила выявить вертикальный контур стенки ямы, резко отделявшийся от заполнения. Суглинок края ямы был покрыт спадавшими в нее золой и углями. Преобладающая часть культурных остатков находилась в нижней части ямы. По уцелевшим местам диаметр ямы определен в 2,2 м, глубина – 0,8 м. 10 см по высоте приходилось на верхнюю расширенную часть и примерно столько же – на закругленную часть дна (Левицкий, 1949, с. 228–230).

По наблюдениям 1979 г., яма располагалась в 2 м к востоку от ограждения жилища. Она имела неправильную овальную форму, размеры в плане 2,3 x 1,8 м и глубину около 0,7 м. Вблизи западного и северного края сохранился участок древней поверхности. В западной части культурный слой на ней был разобран, исключая маленький участок на самом краю ямы. С северо-запада он сохранился на площади

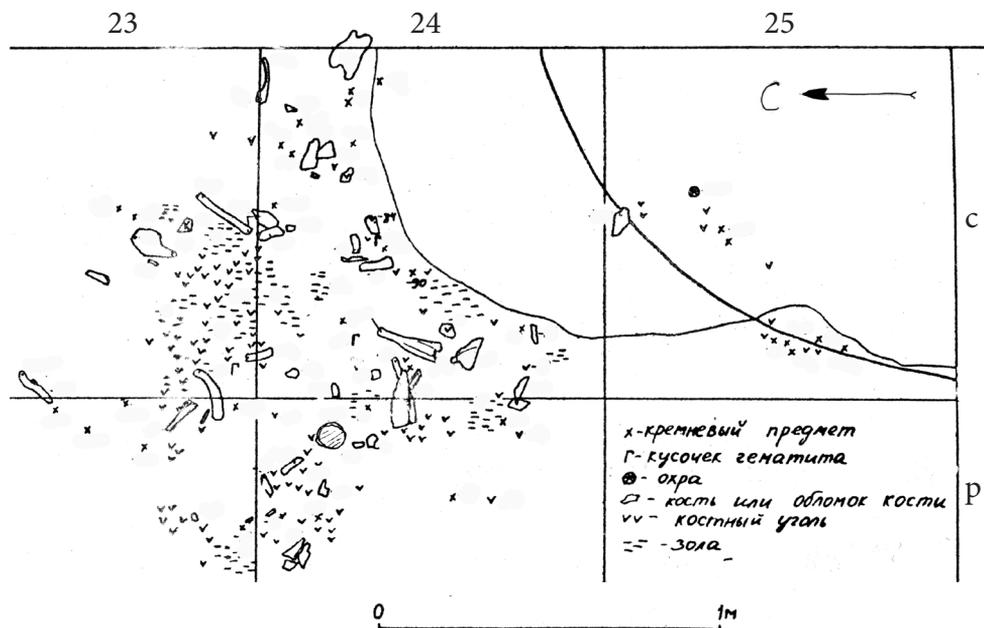

Рис. 58. Культурные остатки к северо-западу от ямы 4

около 1 кв.м, но в полуметре от края ямы (рис. 58). Слой, прилегавший к яме, состоял из пятен золы и угля, содержавших обломки мелких ребер, в меньшем количестве других костей и около 20 кремневых изделий. Вещи залегали на глубине от -0,85 м до -1,04 м, преимущественно в средней части слоя.

Юго-восточная часть заполнения ямы была ранее расчищена до дна. Кости мамонта, встреченные в яме, состояли из трех черепов, у одного из которых сохранился свод, одной нижней челюсти, шести крупных частей бивней, пяти длинных костей конечностей, лопатки с отбитым гребнем и отверстием в плоскости, целого ребра, около десяти костей стопы и обломков костей. Оленю принадлежали пять черепов, несколько нижних челюстей, два рога с одним и двумя отростками, две кости конечностей в анатомической связи, несколько групп позвонков и обломки ребер. Имелись несколько зубов волка, несколько нижних челюстей песца или лисицы, зуб крупного грызуна, группы костей лапки зайца и нескольких конечностей не определенных мелких животных. Собраны 20 скребков, 10 резцов, 2 пластинки с притупленным краем, ретушер, 56 пластин и 138 отщепов. Всего имелось 227 кремневых изделий и шильце из тонкой кости мелкого животного.

Крупные кости залегали в яме в среднем с глубины -1,11 м и -1,13 м, хотя наиболее высокая отметка – конец правой бивневой альвеолы черепа 1, равнялась -1,01 м (рис. 59). Почти все крупные кости имели положение, близкое к горизонтальному, перекрывая друг друга и чаще всего непосредственно накладываясь на нижележащие. Вдоль краев ямы имелось пространство, свободное от костей. Нетронутое заполнение начиналось в этих местах с глубины -0,3/-0,4 м от верха ямы. В расположении крупных костей не наблюдалось закономерностей, которые указывали бы на их преднамеренную укладку. Они сбрасывались в яму в случайной последовательности. Для придонной части наиболее характерно наличие многочисленных фрагментов ребер и других мелких костей.

В заполнении ямы отсутствовали какие-либо общие стратиграфические уровни, маркированные относительно стерильным суглинком, песком, зольной массой и пр. Сведения И. Ф. Левицкого о песчаных прослойках, конусообразно западавших над серединой заполнения, не подтвердились. Возможно, указание на них было связано с экстраполяцией отдельных наблюдений. Небольшие линзы светло-серого песка толщиной до 5–7 см встретились под проксимальным концом бедренной кости мамонта 5 и прилежащей частью лопатки 6, а также под сочленением той же лопатки. Под проксимальным концом бивня 9 имелась линзочка песка диаметром около 10 см и толщиной 2 см. Нижние части указанных

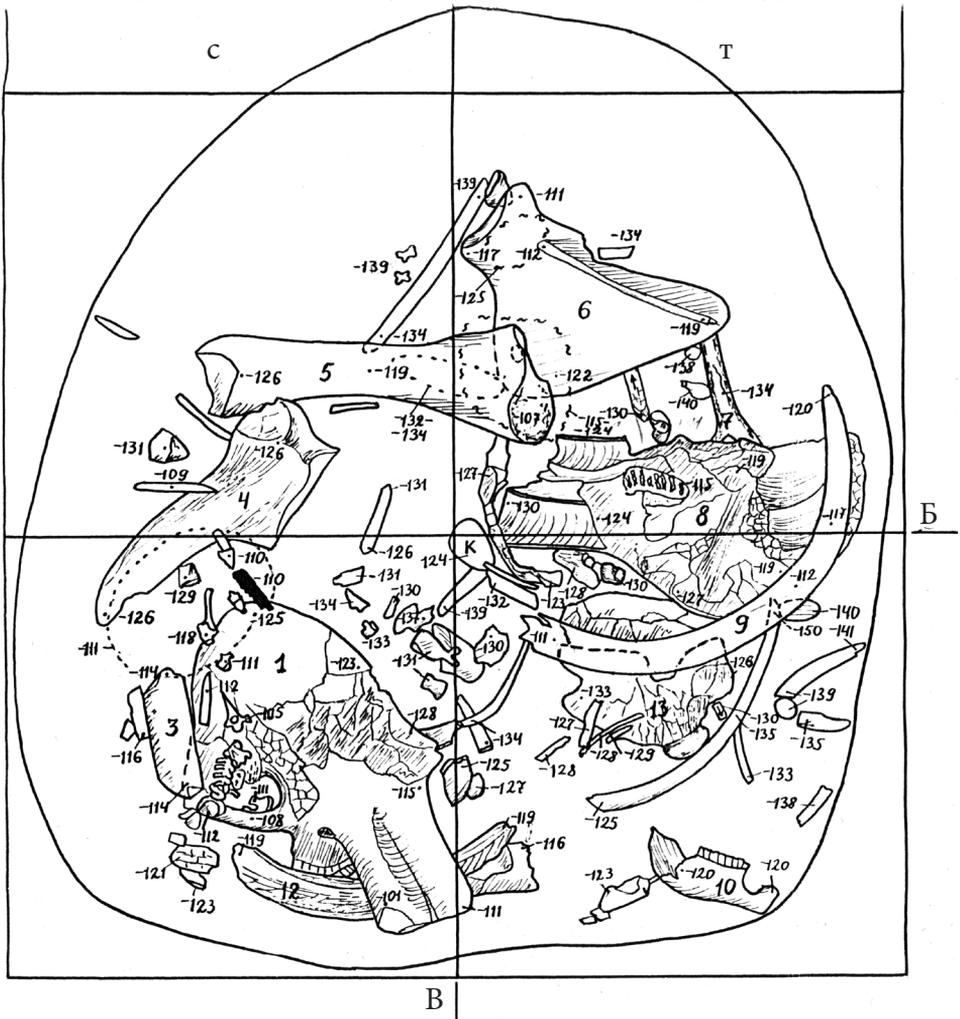

Рис. 59. Верхняя часть заполнения ямы 4. Заливкой обозначена нижняя челюсть оленя

костей облегали скопления песка. Черепная губка и бивневые альвеолы черепа 8 (рис. 59) также были заполнены песком, окрашенным примесью суглинка в желтовато-серый цвет.

В яме имелось значительное количество костного угля и золы, заметно больше, чем в яме 5. Угли встречались на протяжении каждой 3–4 см расчистки. Более плотно, в 2 см друг от друга, они располагались на кв. С-26, на уровне от -1,11 м до -1,17 м (рис. 59, 60). Остальные линзы продуктов горения содержали преимущественно золу и имели серый и темно-серый цвет. Толщина золистой массы достигала в них 5–10 см. Небольшие скопления золы имелись в разных частях ямы (рис. 59, 60).

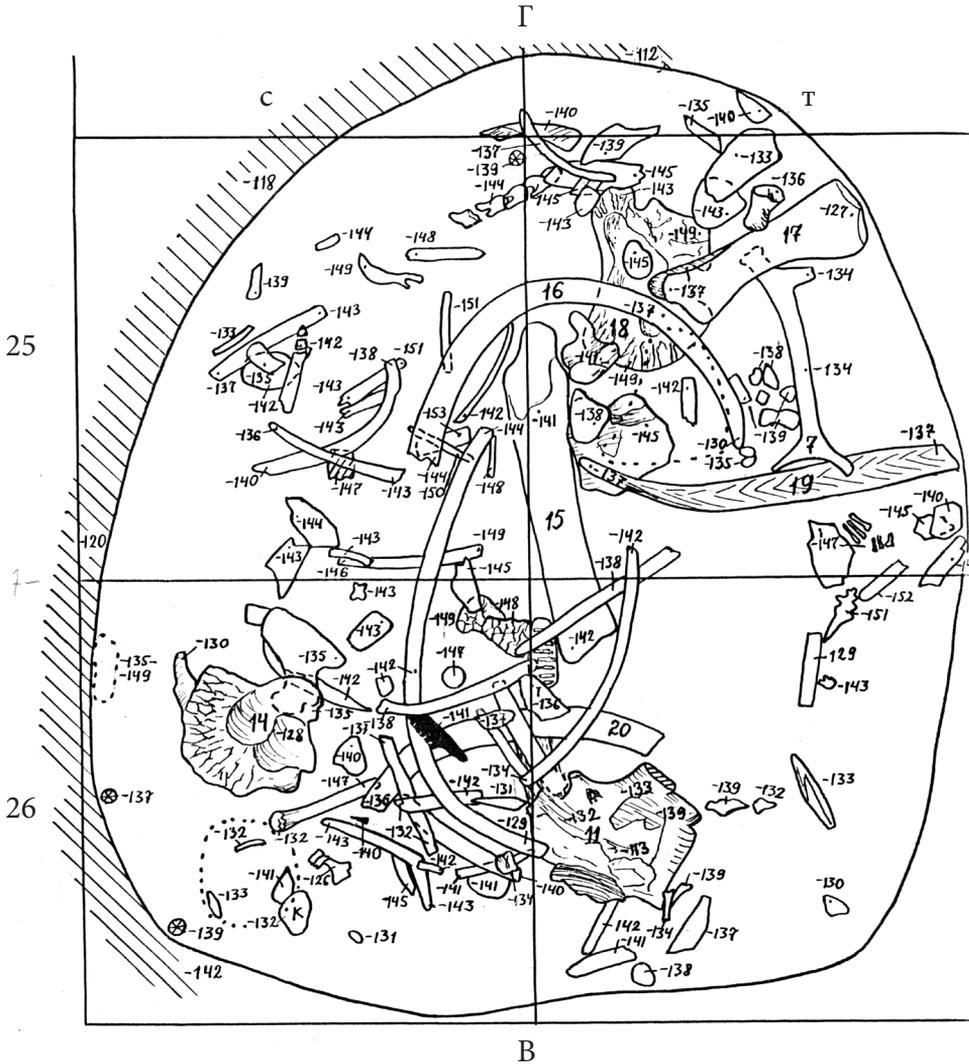

Рис. 60. Средняя часть заполнения ямы 4

С ними были связаны находки костей оленя и, возможно, других средних, а также мелких животных. Эти скопления производили впечатлительные очажно-кухонные выбросы, как и в яме 5.

Вблизи дна ямы толща темно-серой очажной массы залегала всплошную на основном пространстве. В нее были погружены мелкие кости и обломки костей, кремни. Судя по сообщению И. Ф. Левицкого, очажная масса продолжалась и к юго-восточному краю ямы, вплоть до стенки, где она была разобрана. Источник золы в данном случае был, по всей вероятности, связан не с жилищем, а с производственным участком, располагавшимся непосредственно возле ям 4 и 5 с западной сторо-

ны. Помимо продольно сколотой половины бивня встретился еще один крупный сколотый фрагмент бивня 12, находившийся на кв. С-26, под черепом 1 (рис. 59). Длинный стержневидный скол занимал вертикальное положение на кв. Т-25 севернее черепа 8. На кв. С, Т – 25 на глубине -1,33 м лежал землекопный инструмент из ребра мамонта (рис. 59).

В юго-западном секторе ямы, на кв. С-26, над затылочной частью черепа мамонта 1 встретился первый обломок нижней челюсти оленя (рис. 59). Он был связан с небольшой зольной прослойкой, в которой находились также позвонок и несколько небольших обломков костей, вероятно, оленя. Под черепами и лопаткой мамонта имелось много обломков ребер, суставных костей и позвонков, местами залегающих небольшими

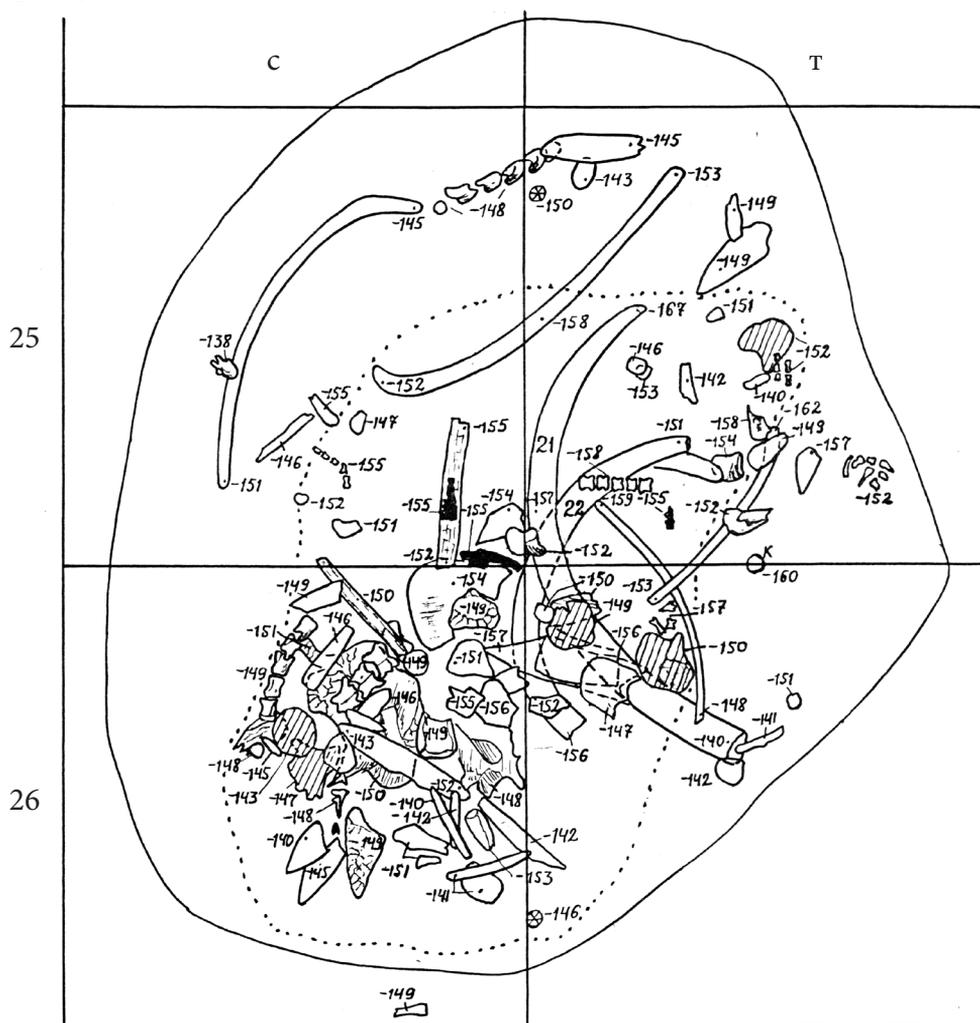

Рис. 61. Нижняя часть заполнения ямы 4. Косой штриховкой обозначены черепа оленя

группами или сохранивших анатомическую связь. Судя по их размерам, они принадлежали оленю. Таких костей было много до нижней части заполнения ямы. На том же уровне, приблизительно в диапазоне глубин -1,5/-1,55 м, кроме нескольких почти целых ребер и их обломков, и трех анатомических групп позвонков, находились пять черепов и три половины челюстей оленя. Почти все эти и другие кости оленя найдены в границах широких слившихся пятен зольных выбросов (рис. 61).

На днище лежали тонкий бивень и передняя часть тонкого бивня. Сохранившийся бивень длиной около 1,1 м, был изогнут по окружности и на всем протяжении, кроме концевой части, его диаметр составлял 7 см. Кроме бивней, на дне находились крупный фрагмент верхней части черепа мамонта, отбитое сочленение крупной кости и около 10 обломков ребер мамонта. Встретились также два черепа оленя, до шести групп костей конечностей мелких животных, много мелких обломков костей и кремневых изделий. Как и в яме 5, днище хорошо выделялось по серой натечной прослойке, но имело более правильную симметричную форму с

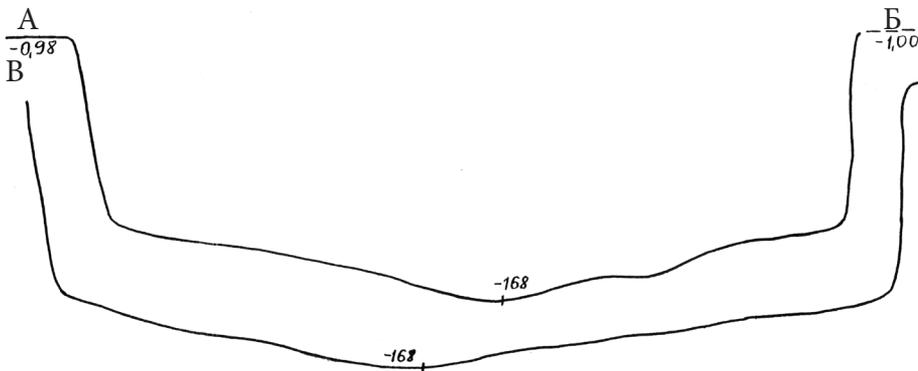

Рис. 62. Профили ямы 4

максимальным углублением средней части (рис. 62).

Яма 9. Одна из немногих концентраций культурных остатков к северу от жилища располагалась на кв. С-22, заходя на 0,3–0,4 м на соседние квадраты. Вначале на глубине -1,2/-1,35 м в культурном слое обнаружались мелко дробленные кости, в основном обломки пластин зубов мамонта (рис. 63). Ниже в северо-восточном углу кв. С-22 мелких культурных остатков, чаще угольков, стало больше. В самом углу они образовывали почти сплошное пятно. Такие же мелкие культурные остатки преобладали на кв. С-22 и частично смежных, до глубины около -1,6 м, но с уровня -1,5 м стали попадаться отдельные более крупные обломки костей, главным образом ребер животных (рис. 64). В этом горизонте появились три маленьких золистых пятна и песчаная прослойка мощно-

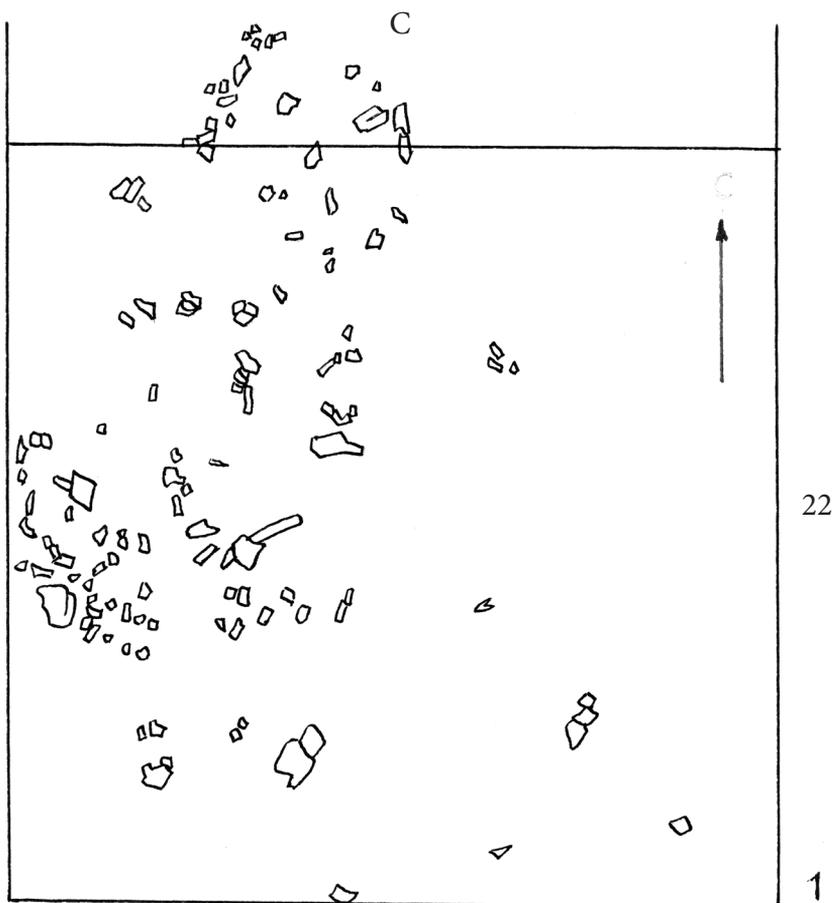

Рис. 63. Яма 9. Дробленые пластинки зубов мамонта и угли на уровне культурного слоя на кв. С-22

стью до 5 см, спускавшаяся в северо-западном направлении с глубины -1,39 м до -1,57 м.

При углублении расчистки на границе квадратов Р, С – 21, 22 появились часть таза и сочленение лопатки мамонта. Лопатка залегала в песчаной линзе, тянувшейся к юго-востоку. Опускавшиеся песчаные линзы, содержавшие культурные остатки, могли быть связаны с древним углублением. Для получения разреза, дальнейшая расчистка заполнения ямы осуществлялась с запада до середины полосы кв. С и была доведена до глубины -1,7/-1,8 м. Культурные остатки образовывали почти сплошную массу. Встретились кости, круто уходявшие вглубь. Кроме костей мамонта выделялись кости оленя: позвонки, обломки ребер. Их поверхность отличалась особо хорошей сохранностью.

В процессе расчистки были сняты верхние крупные кости. Заполнение имело желтовато-серый цвет, местами более серый, а вбли-

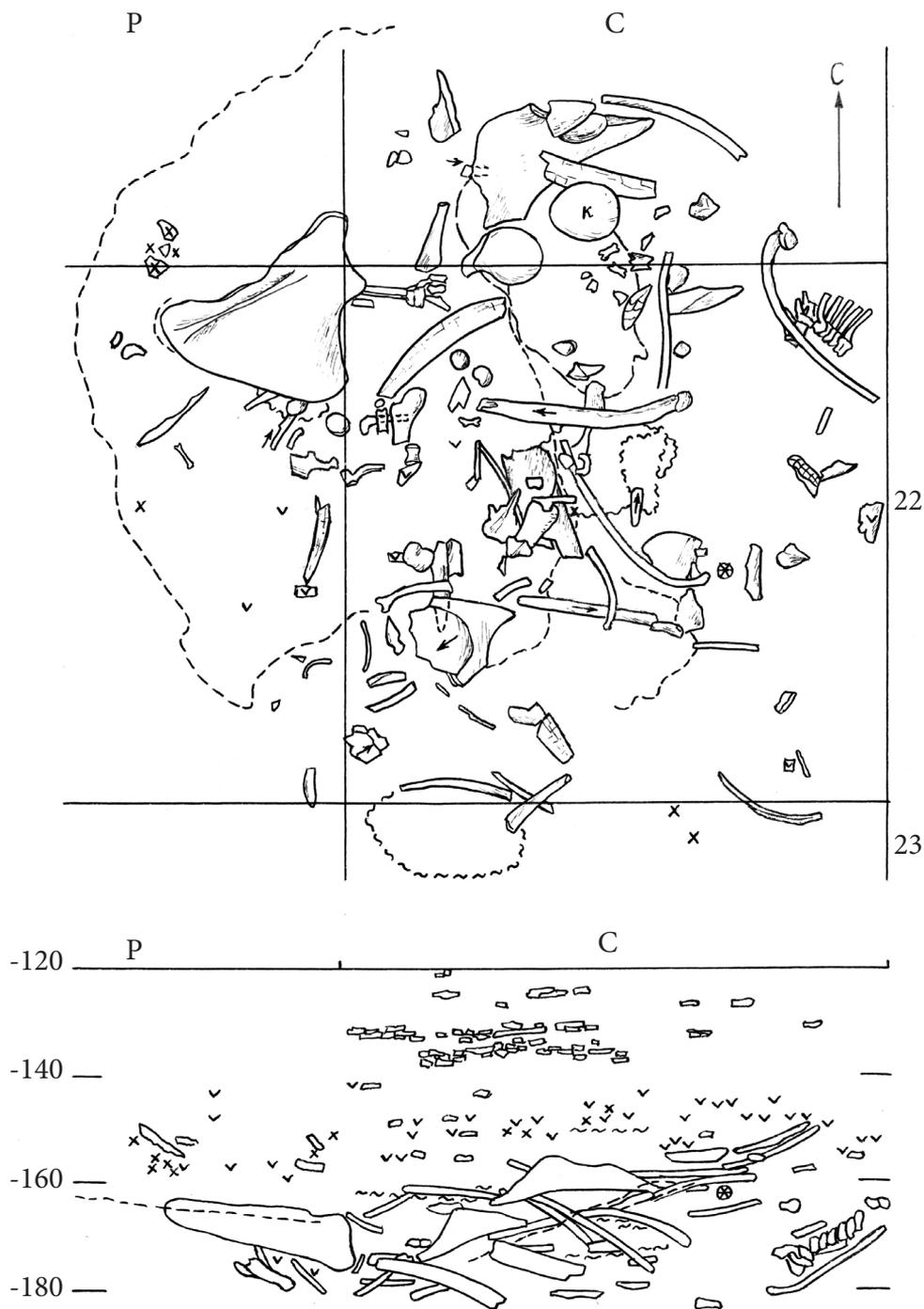
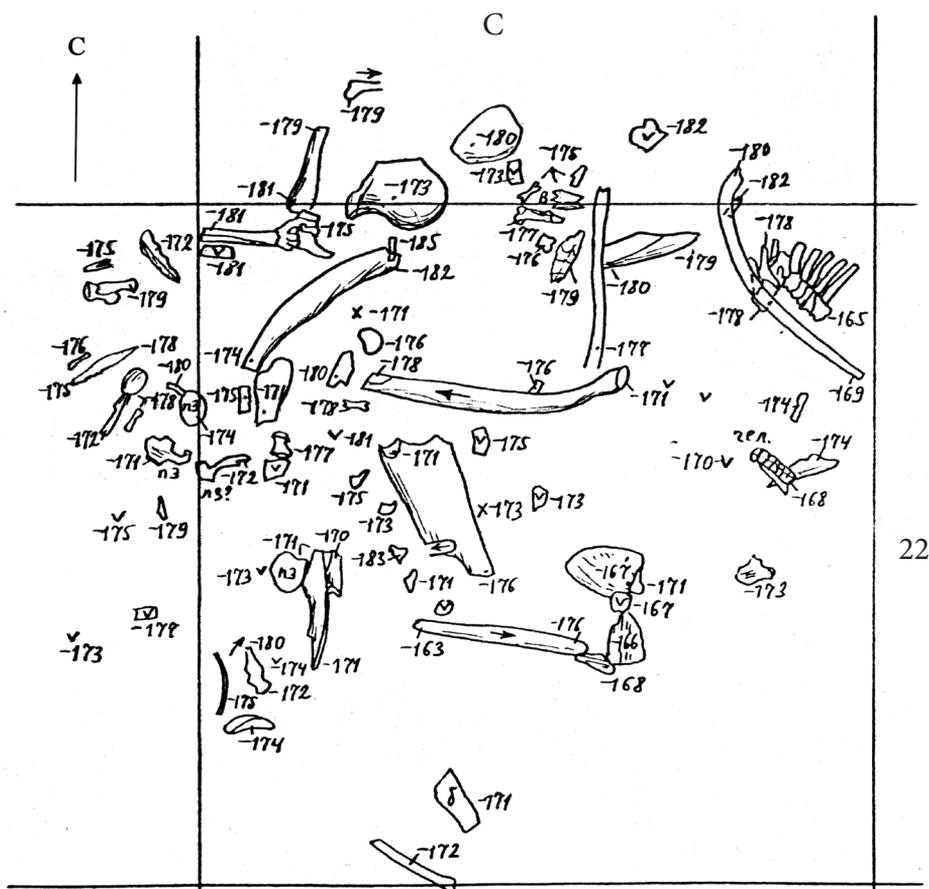

Рис. 64. План и профиль заполнения верхней части ямы 9

22

Рис. 65. Яма 9. Культурные остатки на глубине около -1,7/-1,8 м

зи костей – мергелистый, с белесыми пятнами. Находки располагались по-прежнему довольно плотно. Кости мамонта были представлены несколькими небольшим обломками трубчатых костей и обломками двух ребер. Основную массу костей составляли остатки оленя (рис. 63–65). В одном случае кости конечностей оленя находились в анатомической связи (северо-западный угол кв. С-22), в двух других сустав конечности лежал вплотную к стопе с копытом (середина северной границы того же квадрата). Во всех случаях имелись четкие следы отбивания костей от целой конечности.

На восточном краю кв. С-22 встретила половина челюсти олня и часть позвоночного столба, вероятно, также оленя (северо-восточный угол кв. С-22). В анатомической связи находились 8 позвонков (рис. 64). Из них четыре позвонка имели вертикальное положение, остальные были заломлены под прямым углом и лежали горизонтально. Имелись отдельные фаланги и кости стопы, позвонки и ребра. Часть костей уxo-

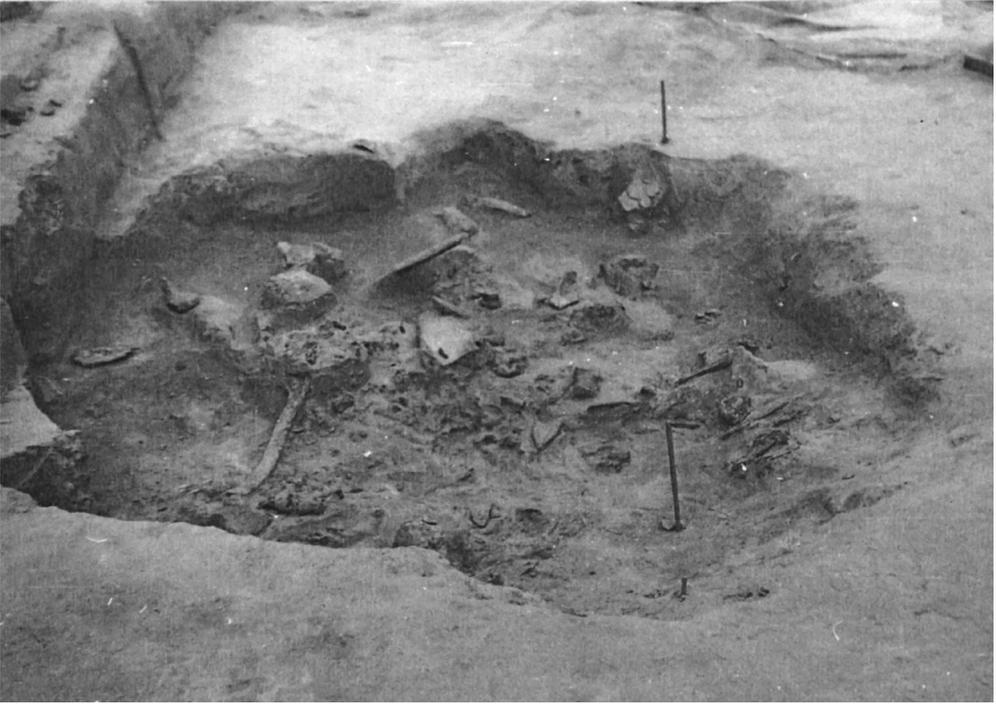

Рис. 66. Вид культурных остатков, показанных на рис. 65, с севера

Рис. 67. Вид культурных остатков, показанных на рис. 65, с запада

дила вглубь (рис. 66, 67). В центре кв. С-22 было сравнительно много костных углей. Они не образовывали сплошной массы и не сопровождались угольной крошкой. Размеры их до 3,5 см. В яме собраны: 1 нуклеус, 1 обломок микропластинки с ретушью, 3 пластинки, 8 отщепов и 2 куска кремня. На этом расчистку ямы пришлось прекратить. Ее края начали проявляться с севера и запада, с востока и юга граница была недостаточно определенной.

Яма 10 находилась на кв. Н, О – 19, 20 и частично соседних под тонким культурным слоем с зольным пятном, почти не затронутыми проходившей над ними траншеей 1914 г. Слой содержал единичные кремневые изделия и мелкие обломки костей. В 5–10 см ниже обнаружилось скопление очень мелких культурных остатков, в большинстве измельченных пластин зубов мамонта. Они залегали в одном горизонте, главным образом на глубине -1,57/-1,62 м. Почти все обломки находились внутри песчаного кольца, сдвоенного со всех сторон, кроме юго-западной. С севера

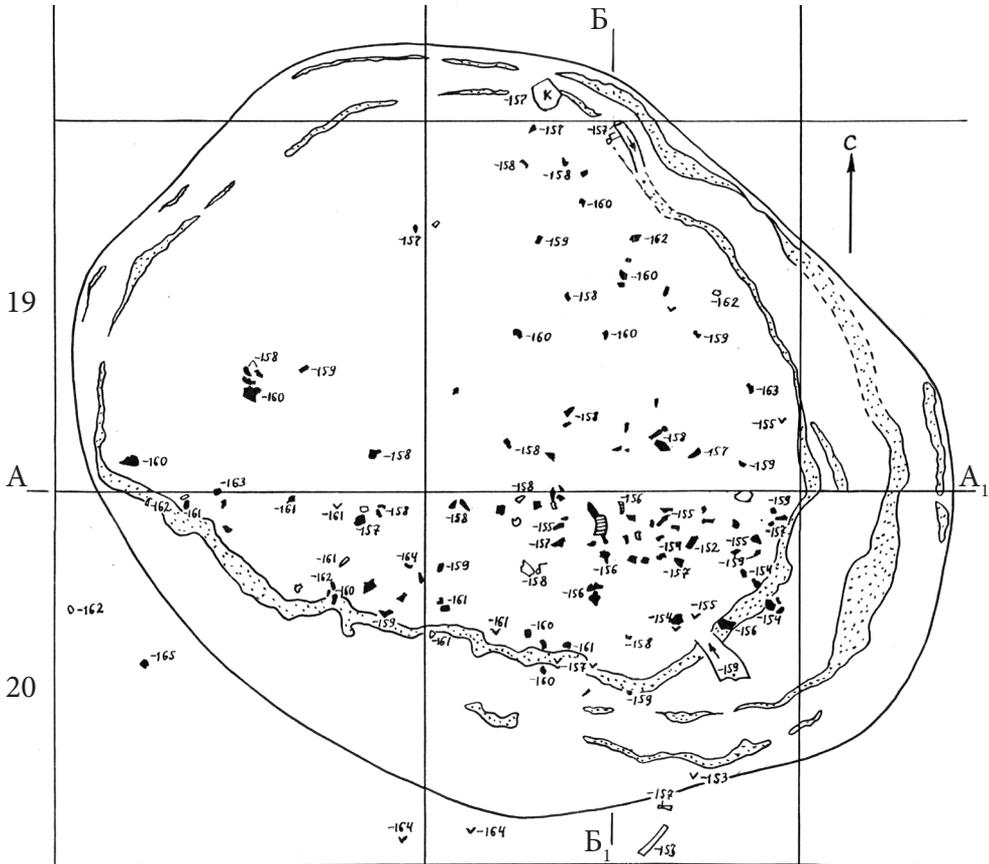

Рис. 68. Песчаные прослойки и мелкие культурные остатки на верхнем уровне заполнения ямы 10

и северо-запада кольцо прослеживалось слабее, в виде опесчаненных прерывистых прослоек. С востока прослойки были полностью песчаными и наиболее мощными (рис. 68). О наличии ямы свидетельствовали замкнутость прослоек, их размеры и очертания, концентрация на внутреннем пространстве дробленых зубов мамонта и мелких костей и наличие в двух местах у границы прослоек углубляющихся костей: части бивня на кв. О-19 и кости конечности мамонта в восточной части кв. О-20.

Яма 10 относится к наиболее крупным ямам комплекса, а по количеству собранных в ней костей животных – к наименее заполненным. Найденные в ней кости мамонта состояли из крупной части черепа, нижней челюсти с зубами, восьми почти целых и крупных частей бивней, двух целых лопаток и отбитой суставной части, целой бедренной кости с глухим отверстием в проксимальном конце, крупного обломка бедра и двух эпифизов бедренных костей. Оленю принадлежали две крупные части тазовых костей и две части рогов. Два черепа и зуб крупных грызунов, вероятно, принадлежали зайцу. Кремневые материалы ограничивались нуклеусом, скребком, 9 пластинками и 9 обломками. Имелась обрезанная с обоих концов часть ребра мамонта с парными нарезками по обоим краям.

Яма имела овальную форму, максимальные размеры в плане 2,4 x 1,87 м и глубину 0,76 м. Эти параметры были установлена под конец расчистки главным образом по распространению песчанистых прослоек, мелких обломков костей, углей и отложений у днища. Расчистка велась от центральных участков, где концентрировались крупные кости, к краям с постоянным варьированием углубления и расширения, и с временным оставлением расчистки в одних местах до появления определенных признаков наличия заполнения на соседних. Верх ямы был замечен по кольцевым песчаным прослойкам, окружавшим скопление мелких культурных остатков (рис. 68).

По южному краю линии квадратов 19 был заложен разрез. Благодаря относительно небольшому количеству крупных костей, встреченных в яме, и расположению костей верхнего уровня в основном севернее намеченной линии, разрез удалось провести до глубины -2,16 м (рис. 69). Доводить разрез до самых стен и днища ямы при малочисленности остатков было рискованно. Вблизи днища разрез не мог быть проведен также из-за переплетения костей.

Положение западающих в яму песчаных прослоек было блюдцеобразным. Это могло быть обусловлено небольшой глубиной ямы, что сдерживало расчистку. Вместе с тем, характер прослоек позволял легче разграничивать культурные остатки в верхней части заполнения ямы. Состав прослоек варьировал от чистого светло-се-

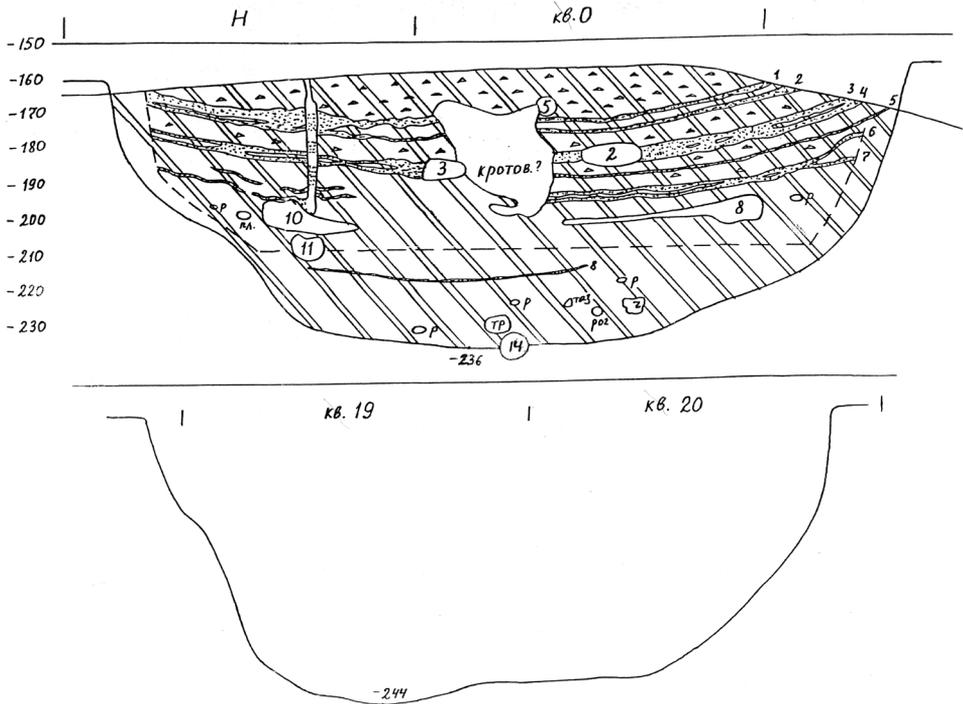

Рис. 69. Яма 10. Разрез по границе полос кв. 19 и 20. Профиль по границе полос Н и О

рого песка до сильно опесчаненого суглинка. Более чистый песок содержали обычно толстые прослойки. Границы прослоек были неровными, пульсирующими. Прослойки 1 и 2, 3 и 4, 6 и 7 местами сливались. У краев ямы прослойки сближались, становились тоньше, теряли четкость и поэтому не могли быть разделены с необходимой точностью.

Заполнявший яму суглинок не был однородным. В значительной части он имел желтовато-серый цвет и небольшую плотность, характерные для вмещающей породы на площади поселения. Но в нижней половине ямы, ближе к стенам и днищу, он нередко приобретал коричневатый или голубоватый оттенок и более значительную плотность. Этим он был сходен с голубовато-серым суглинком, залегавшим под объектами жилищно-хозяйственного комплекса, которые в отдельных случаях врезались в него.

Единичные предметы у южного края кв. О-19 залегали с глубины -1,55 м. Ниже находились многочисленные мелкие обломки костей, на 80–90% состоявшие из дробленых пластин зубов мамонта, а также чешуек черепных костей мамонта и фрагментов других костей. Под ними, на глубине от -1,71 м до -2,05 м, залежание мелких культурных

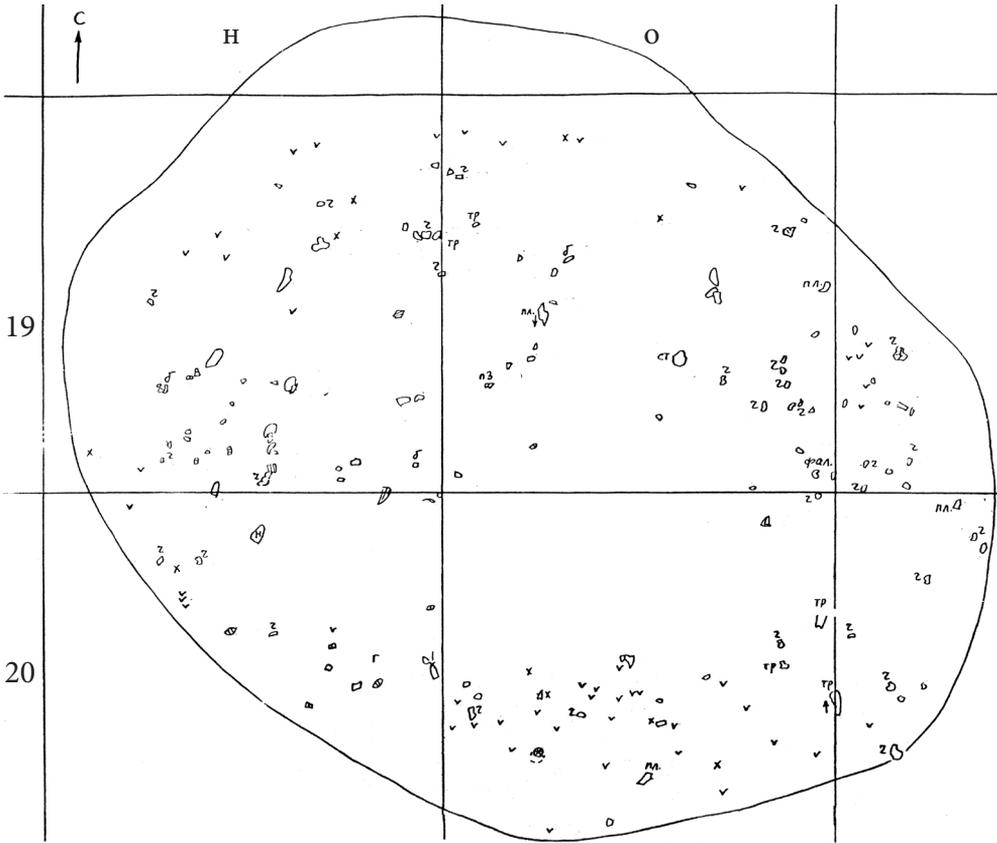

Рис. 70. Яма 10. Нижний уровень залегания мелких обломков костей

остатков было значительно более разреженным. Состав их изменился. Обломки пластин зубов не превышали 25–30%, примерно столько же имелось костных угольков. Найдены нуклеус, несколько отщепов, пластин и чешуек кремня, кусочек гематита, охра. Остатки по-прежнему рассредоточивались ближе к краям ямы (рис. 70).

Крупные кости средней части заполнения ямы составляли два яруса. В верхнем их было больше. Обломки плоских костей и ребер, а также позвонки были единичны (рис. 71). Несколько отрываясь от основной массы костей яруса, сверху на одном уровне залегали обломки трубчатой кости 1, бивень 5 и часть лопатки 4. Они располагались выше песчаных прослоек 1 и 2, в той или иной мере погружаясь в них. Бивни 2 и 3, бедро 7 попали в яму до образования прослоек 3 и 4, и оказались затем в зоне их замыва. Нижние кости яруса были брошены в яму до появления прослоек 6 и 7. Большая часть костей касалась друг друга, что могло свидетельствовать о близком времени попадания их в яму. В соответствии с характером залегания песчаных

прослойка, кости лежали подгоризонтально, с некоторым наклоном к центру.

Кости нижнего яруса (рис. 72) отделялись от верхнего суглинком толщиной 5–10 см, с небольшим количеством костных углей и мелких обломков костей. В верхний ярус из нижнего проникал лишь проксимальный конец бивня 14, плотно зажатый ветвями нижней челюсти 13 (рис. 71). Основная часть костей нижнего яруса: ребра, их обломки, кости стопы, позвонки, обломки крупных костей. Среди них имелось больше костей, стоявших торчком. Суглинок, включавший кости, был более плотным и окрашен темнее. Вершина дуги бивня 14 наполовину диаметра оказалась вдавленной в днище ямы. В отличие от костей верхнего яруса, значительная часть поверхности которых была покрыта карбонатным панцирем толщиной до 1 см, кости нижнего яруса обычно имели чистую поверхность. Их меньше затрагивала циркуляция вод, насыщенных карбонатами.

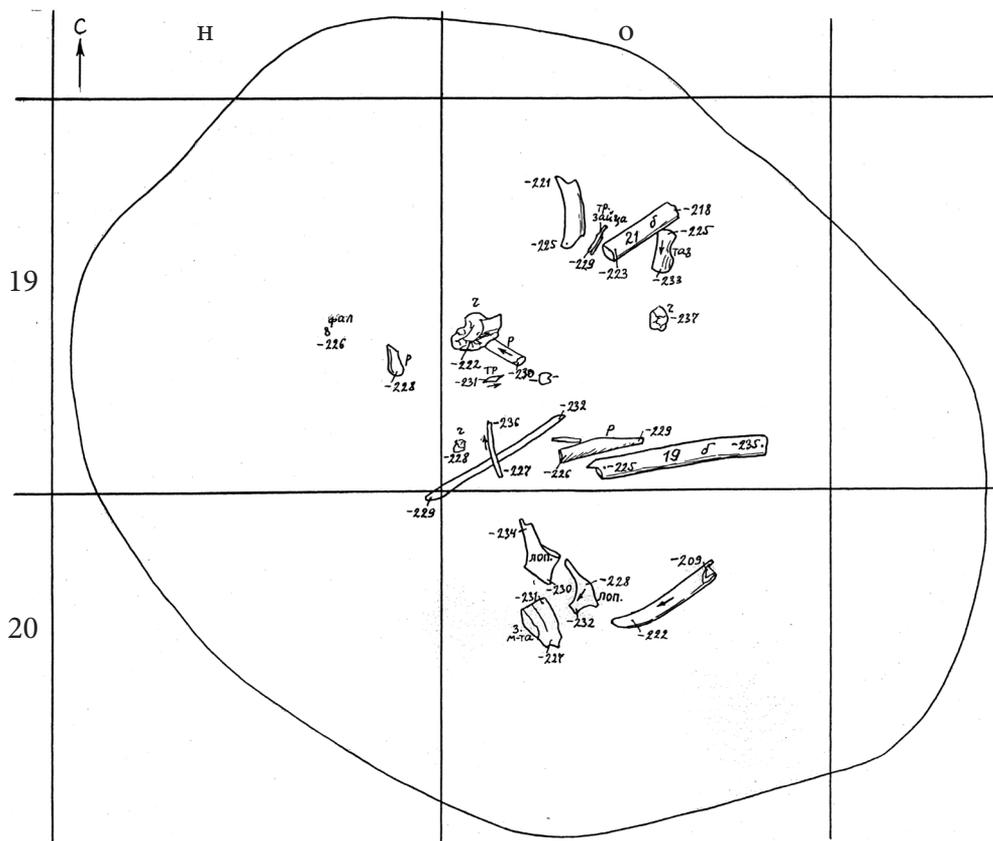

Рис. 73. Яма 10. Обломки костей животных над днищем ямы

Над днищем ямы и непосредственно на нем лежали немногочисленные, но принадлежавшие разным частям скелета кости мамонта: обломки черепа, бивней, лопаток, тазовой кости, зубов, ребер. Несколько костей относились к мелким животным (рис. 73). На границе кв. Н, 0 – 19 на днище ямы залегал оставленный на месте сплошной углистый слой в виде пятна более 65 см в поперечнике, толщиной не менее 2 см. В западинках пятно утолщалось еще на 2–3 см. Серо-черная зола содержала множество мелких и довольно большое количество крупных костных углей. Следы прокала под ней отсутствовали.

Благодаря песчаным прослойкам, ярусному положению крупных костей, горизонтально залегавшим в суглинке лопатке мамонта и зольному пятну заполнение ямы 7 делилось на несколько уровней. В промежутках между ними из суглинка были взяты образцы на спорово-пыльцевой анализ. Исследование проводилось Е. А. Спиридоновой. Из 11 образцов необходимый для анализа материал содержали 2 образца. Материал из еще двух стратиграфически близко располагавшиеся образцов анализировался вместе. Е. А. Спиридонова была знакома с планами и разрезом ямы, но слои в заполнении ямы рассматривались ею так же, как в палеогеографическом разрезе. В целом они были ориентировочно сопоставлены с межстадиалом позднего Валдая, близким по времени к 14–15 тыс. лет назад (Приложение).

Культурные остатки, не считая замыва мелких вещей, сбрасывались в хозяйственные ямы, и процесс заполнения ям совпадал с частью периода жизни на поселении. Показания спорово-пыльцевых спектров отдельных горизонтов ямы 10 могли помочь в определении времени, в течение которого заполнялась яма. Пригодность при этом лишь нескольких образцов значительно ограничило возможную детальность и точность результатов (табл. 1).

Достаточный для анализа материал содержали образцы 8 и 11, а также объединенные образцы 1 и 3, относительно близкие по месту отбора и содержанию. Образец 11 был отобран из золистой прослойки, залегавшей по середине между песчаными прослойками и днищем ямы; образец 8 – из суглинка под краем лопатки 8; образец 3 – в 40 см от западного края кв. О-20 между песчаными прослойками 1, 2 и прослойкой 3; образец 1 – в 40 см от восточного края кв. О-19, под песчаной прослойкой 1. Нахождение образцов на стратиграфически разных уровнях давало возможность разграничения заполнения ямы, хотя и с меньшей детальностью, чем могло быть при наличии достаточного количества пыльцы также и в других образцах.

Местом, для которого в настоящее время характерна флора, наиболее близкая к перигляциальным флорам Восточной Европы, являются

горные области Алтая (Зеликсон, 1997, с. 84, 85). Поэтому сведения о периоде цветения растений, пыльца которых обнаружена в яме, приводятся по справочнику, относящемуся к Алтаю (Определитель..., 1997). Из трав, пыльца которых имелась в яме, использованы обобщенные данные по наиболее распространенным: маревым и полыням.

Таблица 1. Корреляция видового состава растений, выделенных в результате спорово-пыльцевого анализа, их доли в общем составе растительности и археологического контекста образцов в заполнении ямы 1

Номер образца	Спорово-пыльцевой комплекс	Место взятия образца	Виды растений	Период цветения (месяцы)	Доля среди деревьев или трав (в %)
11	I	Зольная прослойка	Ольха	Конец III – нач. IV	2
			Береза	IV – нач. V	4,5
			Сосна	V – сер. VI	93
			Травянистые	V–VIII	38
			Преобладание полыни	VII–VIII	38
8	II	Под лопаткой 8	Сосна	V – сер. VI	74
			Ель	V – нач. VI	24
			Дуб	VI–VII	Единично
			Травянистые	V–VIII	48
			Преобладание маревых, полыни меньше		16
1 и 3	II	1 – под первой, 3 – между 2 и 3 песчаными прослойками	Лещина	IV	3 пыльцевых зерна
			Береза	IV – нач. V	21–22
			Сосна	V – сер. VI	53–67
			Ель	V– нач. VI	10–15
			Травянистые: много маревых, полыней, злаков	V – VIII	

В образце 11 полностью представлен период года, в течение которого происходило цветение растений. При этом древесные породы включали ольху и березу, которые цвели, когда земля еще не вполне оттаивала, чтобы можно было без осложнений выкапывать ямы. Кроме того, под прослойкой, из которой был взят образец, залегало до 20 см суглинка со скоплением крупных костей мамонта и слоем золы и угля на самом днище. Достаточно определено, что яма была выкопана в году, который по меньшей мере предшествовал году, отраженному образцом 11.

Образцы 1 и 3 тоже содержали пыльцу наиболее рано цветущих древесных растений, представленных лещиной и березой, за которыми также следует сосна и цветущая одновременно с ней ель. Цветение этих растений заканчивается серединой июня. Последующее время года, как и в образце 11, документировано цветением травянистых видов. Отражая полный цикл цветения древесных и травянистых растений, образцы 1 и 3 указывают на еще один год использования ямы. Образец 8, взятый в промежутке между предыдущими, отличается от них только отсутствием пыльцы наиболее рано цветущих деревьев.

Стратиграфически наиболее сближенные образцы 11 и 8, отобранные на смежных участках, были разделены 10–15 см суглинка. В этом промежутке, несколько выше его и ниже до днища ямы, структура суглинка была однородной, без выделений песка. Заполнение ямы должно было происходить относительно медленнее. Можно ли в связи с этим считать, что в образце 8 фиксируется продолжение того же периода интенсивного рассеивания пыльцы сосны, который ранее достиг высокого показателя в образце 11? Еще одно обстоятельство показывает, что цветение сосны, установленное по образцам 11 и 8, едва ли являлось фазами одного и того же периода. В образце 8 кроме пыльцы сосны 24% составляла пыльца ели. Цветут эти деревья в одно и то же время, с начала мая до середины июня. Однако в образце 11 пыльца ели отсутствовала. Растительность, зафиксированная образцом 8, по-видимому, отражает отдельный годичный цикл. Кроме отсутствия наиболее рано цветущих древесных растений, его отличало наличие пыльцы дуба и преобладание маревых среди травянистых растений.

Рассмотрение растительности, представленной образцами пыльцы из ямы 10, показывает, что со времени появления зольной прослойки заполнение ямы естественными отложениями и культурными остатками происходило, вероятно, в течение трех лет. Выкопали ее по меньшей мере на год ранее. Остальные ямы, более плотно заполненные костями животных, служили в качестве свалок более короткое время. Эта особенность ямы, свидетельствующая о том, что она находилась в полузаброшенном состоянии, важна для оценки времени обитания на поселении.

Обстоятельства ошибочного определения объектов в 1915 г.

Данная деталь в исследовании памятника кажется странной несмотря на то, что она относится к начальному периоду выработки методики раскопок поселений каменного века. Ямы возле жилища были глубиной до 0,8 м. Рядом с ними на поверхности возвышалось массивное ограждение жилища, также представлявшееся кучей. В. М. Щербаковский писал о большом количестве кремневых находок между «кучами», исключая участок к юго-западу от «кучи» I – остатков жилища. Как в этих обстоятельствах заполнение ям могло быть принято за сложенные на поверхности нагромождения костей и других остатков? В определении объектов ошибся не только В. М. Щербаковский, имевший опыт археологических исследований более поздних памятников, но и В. А. Городцов, за год до раскопок в Гонцах выпустивший руководство по археологическим разведкам и раскопкам (Городцов, 1914). Разница с В. М. Щербаковским у В. А. Городцова состояла лишь в том, что он определял содержимое ям как «группы скоплений» или «скопления», достигавшие в среднем 65 см высоты (Городцов, 1926, с. 20).

Ошибочное восприятие объектов кажется странным и потому, что археологи не были одиноки. Раскоп посещали опытнейшие геологи, вникавшие в сложные стратиграфические проблемы, касавшиеся памятника. Как они воспринимали объяснения ситуации на раскопе, которые давали им археологи? В. М. Щербаковский, вероятно, говорил им, и прежде всего В. И. Вернадскому, с которым, к тому же, находился в переписке, о странном отсутствии признаков поверхности, на которой должны были находиться кучи. Но, судя по последней публикации раскопок памятника (Scherbakivski, 1926), для В. М. Щербаковского этот вопрос так и остался не выясненным.

Сомнение в определении данных объектов возникло у И. Ф. Левицкого. Оно могло появиться в связи с тем, что непосредственно ко времени его работ в Гонцах целая серия ям разной величины была раскопана в Костенках 1. Кучи костей и других остатков, напоминавшие описанные в Гонцах, там не встретились. Древние углубления в Костенках 1 и на некоторых других памятниках обнаруживали и раньше, но с этого времени хозяйственные ямы как тип объектов стал на палеолитических поселениях вполне узнаваем.

Для выяснения характера гонцовских объектов, в раскоп 1935 г. был включен участок с «кучами» 4–6 к востоку от жилища (рис. 7). Из

них «кучи» 4 и 5 раскапывались в 1916 г. одним В. М. Щербаковским. Стенка «кучи» 4 с западной стороны сохранилась до верха, где к ней примыкал небольшой участок культурного слоя. Положение культурных остатков внутри «кучи» соответствовало нахождению их в замкнутом объеме ямы. Так, многие кости «зависали», не имея опоры (Левицкий, 1949, с 224, 225). Признаки ям и ямного заполнения хорошо прослеживались при доследовании объектов в 1979 г.

Но для В. М. Щербаковского и В. А. Городцова вопрос о соотношении скоплений-куч с древней поверхностью решался на основе объектов, которые в 1915 г. В. А. Городцов мог наблюдать в расчищенном виде: остатков жилища, связанных с ним ям 7, 6 и ямы 1 комплекса 2. При этом более ранние раскопки культурно близких памятников: Кирилловского и Мезинского поселений, не стали методических образцом, по которому можно было бы ориентироваться. В раскопках предшествующих лет, проводившихся под руководством Ф. К. Волкова в Мезине, хозяйственные ямы встретились, но заполнявшие их кости и другие остатки также были приняты за скопления костей на поверхности. Понимание этих объектов не изменилось и через половину века (Шовкопляс, 1965, с. 66, 67). Вероятно, В. М. Щербаковский, находившийся в переписке с Ф. К. Волковым и зная о «кучах» в Мезине, был заранее готов встретить их в Гонцах, а Л. Е. Чикаленко, один из ведущих работников в Мезине, приезжая в Гонцы, способствовал укреплению такой точки зрения на объекты.

В Гонцах первоначальное представление о локализованных крупных скоплениях остатков было получено на основе расчистки развалин жилища как первой «кучи». По ней представлялось очевидным, что кости мамонта и другие остатки связаны с одной поверхностью. Местами они нагромождались или углублялись, некоторые кости были вкопаны, что не меняло общей картины. Развал жилища с грудами костей и множеством культурных остатков мог бы и сам по себе, до известий из Мезина, служить образцом, на основе которого воспринимались затем другие «кучи».

Однако при раскопках пространства к югу от жилища культурные остатки, состоявшие из мелких обломков костей, кремневых осколков и орудий, встречались крайне редко (Городцов, 1926, с. 24). Уровень их залегания В. А. Городцов не указал. В. М. Щербаковский также с недоумением отметил, что при углублении участка между «кучами» I, II, IV и V (жилищем и ямами 8, 7 и ямой 1 второго жилищно-хозяйственного комплекса) на площади около 6 кв. м. не встретилось почти никаких изделий, хотя суглинок был тщательно просмотрен до нижнего уровня «костища» (Щербаковський, 1919, с. 67). Это единственное упоминание о попытке установить поверхность, на которой находились «кучи».

Непонятное ее отсутствие сочеталось с наличием на уровне верха «куч» к югу и юго-западу от входа сплошного слоя мелкого костного перепала толщиной 2 см. В. М. Щербаковский предполагал, что он мог быть наплывом из разрушавшихся «куч» оставленного поселения, находившихся выше по склону (Щербаковский, 1919, с. 67). На самом деле «наплыв», судя по описанному выше его участку, сохранившемуся на кв. И, К – 27, 28, представлял собой тонкий, но хорошо выраженный культурный слой. Однако под впечатлением от расчистки насыщенного слоя в остатках жилища В. М. Щербаковский не придал ему должного значения.

Существовала еще одна возможность уяснить, что представляли собой «кучи». «Куча» IV (яма 1 комплекса 2), в отличие от других «куч», была раскопана не только сверху и сколько-то с боков, а как наземный объект до основания (Левицкий, 1949, табл. IV, 3; V, 1б). Имелась возможность пронаблюдать ее строение и характер формирования. Но ничего противоречащего представлению, сложившемуся о «кучах», замечено не было. В. М. Щербаковский воспринимал «кучи», находясь под влиянием авторитета Ф. К. Волкова, а В. А. Городцов был убежден в существовании «куч», исходя из своих наблюдений за положением бивней в «кучах» (Городцов, 1926, с. 21, 22). Восприятие, настроенное видеть в скоплениях «кучи», оставляло мало места для критического взгляда.

ОБЪЕКТЫ ВОКРУГ ЖИЛИЩА И ЯМ

Производственный участок

Пространство между жилищем и ямами было недостаточным для многих домашне-хозяйственных работ, выполнявшихся под открытым небом, в особенности связанных с применением огня. В комплексе 1 основное отведенное для них пространство располагалось к востоку от жилища, непосредственно за ямами 4 и 5. На этом месте мысовидный конец террасы более круто понижался к оврагу 1 (рис. 7).

В 1935 г. значительная площадь культурного слоя к востоку от комплекса 1 была раскопана И. Ф. Левицким. Небольшой, но наиболее насыщенный участок слоя, прилегавший к ямам 4 и 5, по его мнению, представлял собой наслоения на полу жилища (Левицкий, 1949, с. 222–224). Пол имел подквадратную форму с размерами 4 x 4 м (рис. 7). К востоку участок понижался от -7,45 м до -6,95 м над уровнем реки. Несмотря на существенное падение, прослойка представляла собой плотную массу мощностью 2–5 см, утончавшуюся на склоне до 0,7–2 см. Она состояла в основном из золы, костного угля, пепла, обугленных обломков костей. Встречались части костяков мелких животных, рассеянные в пепле кусочки и частички красной краски, кремневые отщепки. Имелось много кремня и костей со следами обработки. Кремневые орудия и отходы производства в основном ограничивались указанной площадью и по большей части находились вместе с осколками и обломками костей.

В средней части прослойки имелись два углубленных очажка. Один – округлый, слегка вытянутый к северо-востоку. С запада и юга его окаймлял сильно размытый и едва заметный полукруглый валик. Внутри него улавливалось слабо выраженное понижение 0,8 x 0,63 м. Центральную его часть занимало углубление подквадратной формы со стороной 30–33 см, глубиной 10–14 см (рис. 74). Не догоревшие и обугленные кости из очага были разбросаны по окружающему пространству. В верхней части слоя возле очага лежало много обломков разбитых зубов мамонта и три обломка расколотых бивней. Второй очажок находился к юго-востоку от первого. Очажная ямка имела сходную форму и ориентацию краев, ее заполнение состояло из мелких углей и сажи (рис. 75). Около нее наблюдались отдельные разорванные скопления сажи и бледные пятна красноватой краски (Левицкий, 1949, с. 222–224).

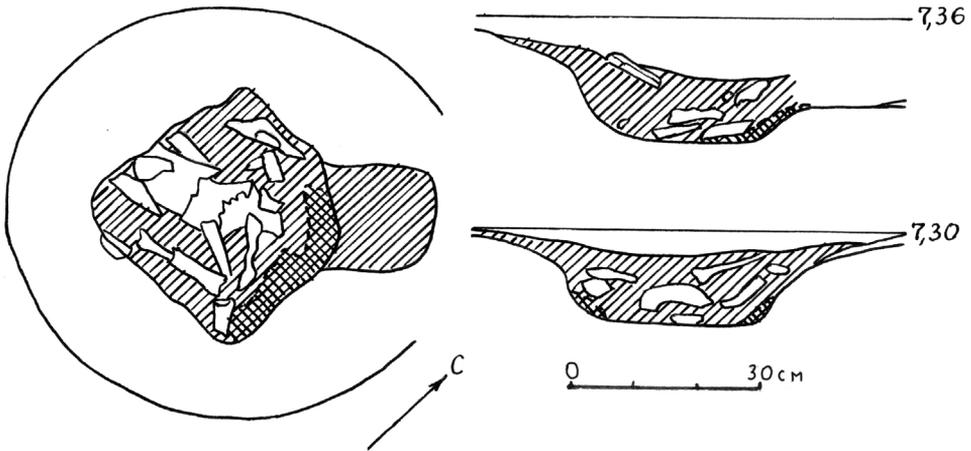

Рис. 74. Очаг 1 на производственном участке (Архив ИА НАНУ. Фонд И. Ф. Левицкого)

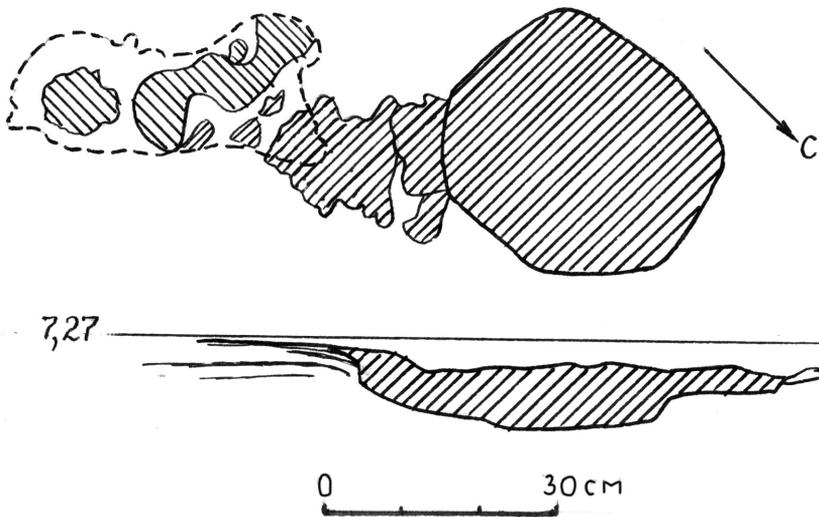

Рис. 75. Очаг 2 на производственном участке (Архив ИА НАНУ. Фонд И. Ф. Левицкого)

По детальным наблюдениям основные остатки: кремь и мелкие кости залегали в прослойке на нескольких уровнях и по-разному. В западном углу они располагались снизу, на северном краю – преимущественно в верхней части. То же касалось и разновидностей кремья, отличного в разных локальных прослойках и скоплениях. Так, возле северо-восточного края ямы 5 вверху попадался в основном желтоватый полосчатый кремь, а ниже черный. Орудий в этом месте встретилось относительно меньше.

Орудия и отщепы из желтоватого полосчатого кремня находились и у восточного склона. Их было больше на юго-восточном краю пепельной прослойки, меньше затронутым размывом. Вместе с ними лежал кварцитовый отбойник. В юго-восточном углу преобладали изделия из черного кремня с характерной коричневой коркой.

В прослойке встречены:

Ретушеры – 1

Нуклеусы – 2

Скребки – 16 целых, 3 обломка

Резцы – 24 целых, 2 обломка (один двойной, 3 резца-скребка)

Резцовые отщепки – 1

Отщепы – 21 целых, 35 обломков

Отщепы с коркой и сколы – 83

Мелкие сколы от обработки кремня и обломки – 223

Кремня в целом – 410 экз.

Костяные пластинки подквадратной формы – 2 (одна с орнаментом)

Фрагменты ребер, обрезанные с двух сторон – 1 (олень)

Проколки – 1, с обломанным концом

Подвески из клыков медведя – 1, с кольцевой нарезкой

Другие незаконченные изделия из кости (Левицкий, 1949, с. 223).

И. Ф. Левицкий полагал, что на площади раскопа В. М. Щербаковского и небольшого участка, вскрытого к юго-востоку от него в 1935 г., находились не только два жилища, но и два жилищно-хозяйственных комплекса. Жилище, раскопанное в 1915 г., и ямы 6–8 перед его входом составляли один комплекс, а жилище, обнаруженное им в 1935 г. и ямы 4 и 5 – второй. Но и существование жилища подквадратной формы, и вхождение его в комплекс с ямами 4 и 5 едва ли возможно подтвердить. Остатки жилища изображены в виде овала с длинной осью, равной 4 м, и примыкающего к нему с севера полуовала (рис. 7). На одном из планов в фонде И. Ф. Левицкого архива Института археологии АН Украины показано, что сохранившийся после раскопок 1914 и 1915 гг. участок культурного слоя за ямами 4 и 5 имел два неровных края, сходящихся под прямым углом к яме 5. Два других края представляли собой следы размыва культурных остатков по склону (рис. 37). Приводимый план более схематизирован в связи со значительным уменьшением.

В действительности, описанный И. Ф. Левицким объект имел только одну относительно прямую границу в виде неровной линии с юго-запада. Граница его вдоль ям 4 и 5 на самом деле является обозначением края раскопов 1915 и 1916 гг. Очажная масса с различными культурными остатками простиралась до линии кв. 23, а в виде пятен – и дальше к северу. По-видимому, она охватывала по окружности более половины

ямы 4, а возможно и всю ее, и в значительной части яму 5. Наличие кремневых изделий в этих ямах в многократно большем количестве, чем в других, было связано, очевидно, с непосредственным соседством их с производственным участком и отсутствием отделяющих его стен. Зола и угли под черепами восточной стороны ограждения жилища, по-видимому, являлись случайно сохранившимися пятнами прослойки, доходившей из производственного участка до его стен.

В ямах содержалось 326 экз. кремня против 410 экз. на полу предполагавшегося жилища. Причем количество орудий было одинаковым (скребков и резцов соответственно в ямах и прослойке: 27 – 19 шт.; 16 – 26 шт.). В яме 5 встретилось вдвое больше кремня, чем в яме 4, а орудий, соответственно, 31 против 12. Производственная деятельность обитателей комплекса распространялась на широкой полосе вдоль ям восточной части комплекса.

Культурный слой на кв. Р, У – 23, 24 слагался в основном из костного угля от крупных фрагментов до мельчайших частичек, а также из золы, придававших слою темно-серый цвет. Обломков костей было относительно мало, крупные кости полностью отсутствовали. Встречены небольшие обломки трубчатых костей, ребер, зубов мамонта. Нередкими были полуобгоревшие фрагменты костей. Кремни попадались единично. Небольшое их скопление имелось лишь на кв. Т-22. Залегание отщепов и пластин в целом было горизонтальным, как и основной части костей. Лишь в некоторых случаях пластины лежали с наклоном до 20°. На поверхности многих костей имелся темный налет солей марганца. Мощность культурного слоя достигала 6–7 см.

Отдельные пятна золы и угля находились в отрыве от основного участка их распространения. Одно из них встретилось на кв. У-21. В его пределах наблюдались мелкие, до 1 мм и меньше, перегоревшие частички кости и золы. Угли до 1,5–2 см встречались в количестве не более 5 экз. на 1 кв. дм. Имелись мелкие и размягченные древесные угольки, не поддававшиеся взятию и, вероятно, потерявшие структуру. Кости и кремни в пределах распространения очажной массы не были обожжены. Отсутствовал и обжиг поверхности под золистой прослойкой как на этом месте, так и к югу от ямы 9.

Таким образом, зольная прослойка, не считая отдельных пятен, протянулась с юга на север приблизительно на 10 м. С восточной стороны она выходила за пределы раскопов 1935 и 1985 гг. Ширина ее превышала 4 м. Мощность прослойки значительно колебалась. Она зависела не только от насыщенности продуктами горения, но и присутствия костей.

У И. Ф. Левицкого было мало оснований для выявления жилища к юго-востоку от ям 4 и 5. Указанный им участок находился на крутом

склоне и являлся центральной частью полосы культурных остатков, сложенной из золы, углей, обломков костей, кремневых изделий. Она ничем не ограничивалась, в связи с чем ее очертания представлены очень приблизительно. Внешние очаги в том или ином сочетании с местами обработки кости и кремня закономерно присутствовали на поселениях среднеднепровского типа. Но хозяйственные ямы не составляли с ними отдельных комплексов, а вместе с очагами входили в жилищно-хозяйственные комплексы (Шовкопляс, 1965, рис. 15; Шовкопляс, 1972, рис. 178; Пидопличко, 1976, с. 129–138). Во время исследований И.Ф. Левицкого и написания им работы состав и закономерные связи объектов на вновь выявлявшихся поселениях лишь начали устанавливаться.

Место разведения огня

На вскрытой к западу от жилища ранее нетронутой площади встречались разреженные находки: мелкие обломки костей, кремневые изделия, угли. На некоторых квадратах в северной и южной частях находки отсутствовали. Однако ближе к стенке раскопа на уровне верхних находок обнаружилась очажная масса, протянувшаяся с юга на север на 3 м. Она уходила в западную стенку (рис. 76). В северном и южном конце занятый ею участок в плане сужался в виде острых выступов, что могло свидетельствовать о сокращении ее протяженности за пределами раскопа. Залегание очажной массы было связано с неровной поверхностью. В полосе кв. 26 она спускалась с повышенного участка, затем незначительно повышалась до первой четверти кв. 24, и после – резко понижалась. Западнее, через полметра и метр профиль поверхности также значительно изменялся. Резко обозначились уступы, возникшие при просадке грунта (рис. 77; рис. 78, II–III).

Толщина очажной массы составляла в среднем 3–4 см, реже – 5 см. В ней попадалось много рыхлых угольков, встречались и крупные костные угли. Имелись единичные обломки костей и кремневых изделий. В полосе кв. 24, 25 находился несколько деформированный очажок глубиной до 9 см. С юга, севера и отчасти с востока он был ограничен уступами, связанными с просадкой грунта. В направлении запад-восток длина очажка равнялась более 0,5 м, в противоположном направлении – около 0,35 м. Его разрез по средней линии полосы кв. Е имел правильную чашевидную форму (рис. 78, III). Просадка грунта несколько деформировала стенки и днище очажка (рис. 79). Цвет массы рыхлых угольков, заполнявшей углубление, был землисто-серым, местами с черным оттенком. Кроме мелких, в ней встречались и крупные угли. Темный цвет определялся в основном черным сажистым веществом, местами образо-

Рис. 76. Распространение зольной массы к западу от жилища

вывавшим сгущения. Часто попадались светло-кирпичные мелкие вкрапления с четкими и размытыми очертаниями. Они напоминали прокаленный суглинок, однако под очажной массой прокала отсутствовал.

Использование очажка, возможно, не было связано с приготовлением пищи и другими постоянными быденными нуждами. Своеобразие ситуации подкрепляет и обнаружение на кв. Е, Ж – 24 двух плотных скоплений желтого песка поперечником до 15–20 см. Этот песок чужероден вмещающим отложениям. Песчанистые прослойки, встречавшиеся в суглинке в разных частях раскопа, включая и данный участок, имели светло-серый цвет. Значительные линзы светло-серого песка замывало в хозяйственные ямы. Желтый песок был, по-видимому, принесен людьми из ближайших обнажений третичных пород.

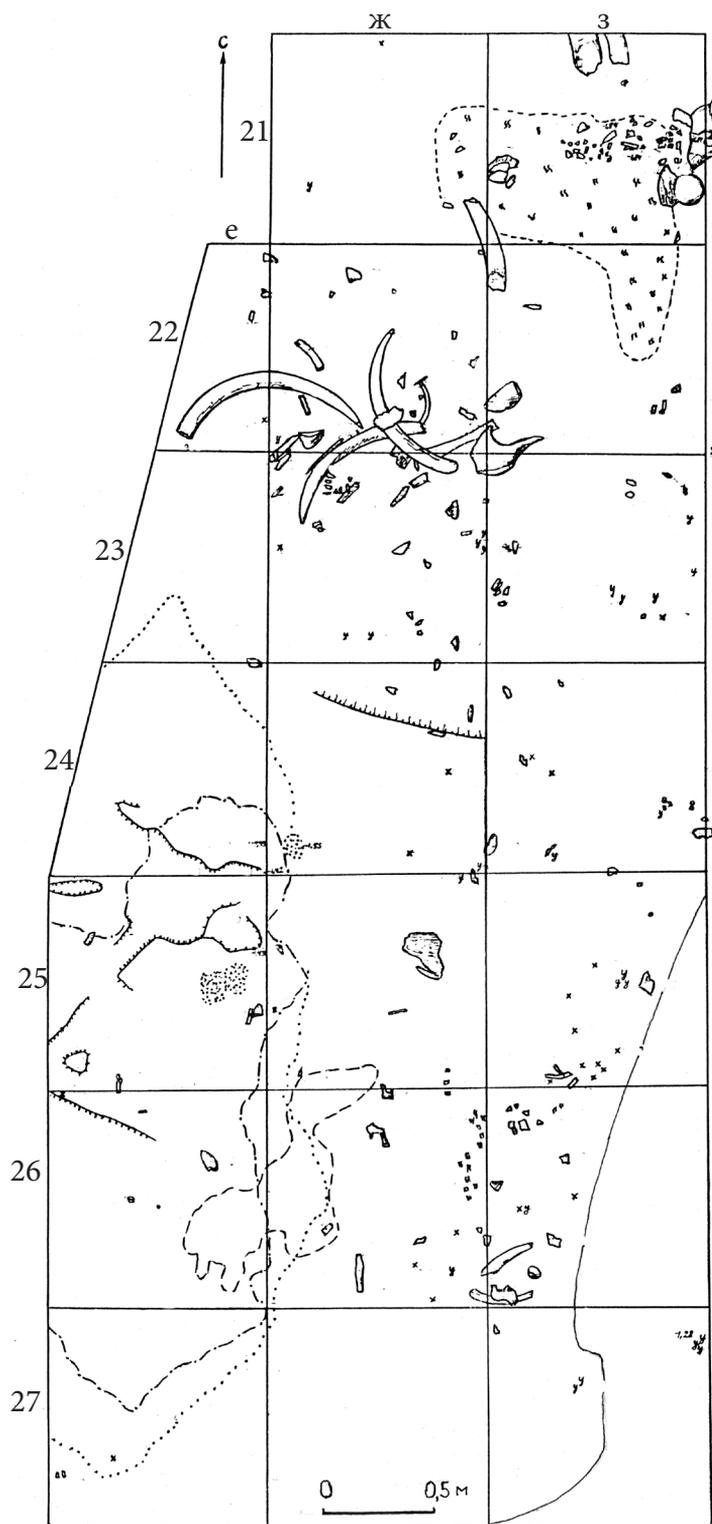

Рис. 77.
Культурные
остатки в полосе
линий
квадратов Е-3.
Пунктир –
граница зольной
массы; пунктир
с черточками –
более насыщенный
участок; ломаные
линии – места
просадки грунта;
штриховая линия –
нижележащее
кострище. На кв.
Ж-24 показан край
углубления ямы

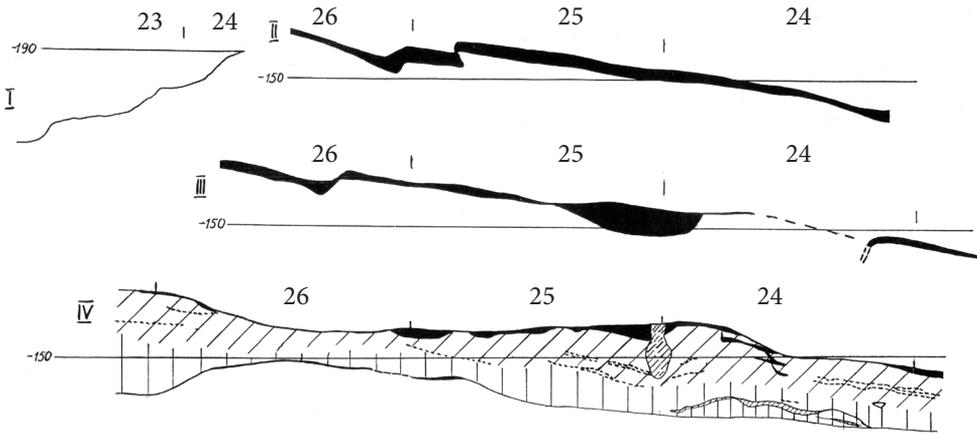

Рис. 78. Полоса квадратов «Е»

I – профиль углубления; II–IV – разрез очажной массы по западной и средней линии полосы и отложений в целом по восточному краю полосы

На кв. Е, Ж – 26 под описанным кострищем на глубине -150 см в профиле проступило тонкое кострищное пятно, залегавшее на четко выраженном бугре с наклоном к востоку (рис. 78, IV). Оно располагалось в среднем на 15 см ниже верхнего. В профиле восточной стенки линии кв. Е имелись тонкие песчаные прослойки, положение которых не совпадало с рельефом вышележащей очажной массы. На участке кв. 24 наблюдалась изогнутая линза ортзанда. Характер залегания этих образований, как и профиль вышележащей очажной прослойки, указывали на ускоренное накоплении осадков на данном участке.

Рис. 79. Углубленная часть очажной массы в центральной части квадрата Е-25

Культурные остатки вокруг жилища и за ямами

В 1915, 1916 гг. культурные остатки между жилищем и ямами 5–8 были разобраны. К северу и северо-западу от жилища раскоп не достигал местоположения ям. На этом участке в наших раскопках культурных остатков было мало. В. М. Щербаковский отметил разреженные остатки к югу и юго-западу от жилища, которые по его предположению были переотложенными, и значительное их количество в других местах между «кучами» (Щербаковський, 1919, с. 67). Последнее могло касаться только промежутка между жилищем и ямами 4 и 5, благодаря их близости к производственному участку. Что касается крупных костей, В. М. Щербаковский составлял их списки по «кучам», включая и жилище. Едва ли могли бы остаться не учтенными подобные находки, встреченные между этими объектами. По-видимому, крупные кости не являлись деталями пространства, окруженного ямами, где должны были происходить наиболее частые передвижения обитателей комплекса. Очажная перекладина, находившаяся западнее ямы 10, составляла исключение. Но она не была обычной крупной костью, которые сбрасывали в ямы.

Культурные остатки между жилищем и ямами, как отмечено, сохранились в виде отдельных пятен. Под черепа восточной части ограждения заходила разобранная в 1915 г. зольно-углистая прослойка, простиравшаяся от производственного участка. Сохранившееся пятно остатков, примыкавшее с северо-запада к яме 4, состояло из костного угля, золы, мелких обломков костей и кремневых изделий (рис. 58). Значительный участок с культурными остатками, примыкавший к ограждению жилища, как отмечено, обнаружен под крупными костями мамонта на кв. К, Л – 27, 28. Слой имел мощность около 4 см. В нем содержались мелкие, а местами и относительно крупные обломки костей, костный уголь, изредка – кремневые изделия. Кости и единичные кремни и угли залегали в целом на глубине -1,03/-1,12 м. На пересечении кв. И, К – 27, 28 имелось подрытое в 1916 г. скопление золы, угля и дробленых пластин зубов мамонта (рис. 80, на переднем плане и справа).

В метре к северо-западу от ямы 8, на кв. Ж, З – 24, 26, культурные остатки залегали неплотно в слое около 30 см и больше на глубине -1,26/-1,6 м. На кв. Ж, З – 26 они состояли из трухи тонких перегородок черепных костей мамонта, нескольких небольших обломков ребер и других его костей и костных углей, а севернее – из разреженных кремневых изделий, углей и обломков костей. Отдельные обломки костей в северной части линии кв. 24 находились на 20–30 см глубже. С этого места начиналось углубление к костям на кв. Е, З – 22, 23. На восточной половине кв. З – 22, 23 малочисленные угли и мелкие обломки костей

находились на глубине от -1,56 м до -1,8 м. На сохранившейся за стенкой раскопа 1915 г. части квадрата И-23 культурные остатки залежали на глубине от -1,25 м до -1,52 м. Они состояли из нескольких кремневых изделий и чешуек, отдельных костных углей и полоски золы длиной 0,4 м (рис. 81).

Рис. 80. Культурные остатки под крупными костями за краем жилища на кв. К, Л – 27

Слева – череп 67. На переднем плане и справа в основном дробленые пластины зубов мамонта и угли. Вид с запада

От северной части кв. 3-23 до кв. 3-21 уровень находок снизился более, чем на 30 см. Их рассеяние по вертикали составило более 40 см. Имелось много фрагментов пластин зубов мамонта. Появились части крупных костей. На кв. 3-21 залежали часть черепа, головка бедра мамонта и крупный обломок бивня, заходивший в соседние квадраты. Из северной стенки раскопа выдавались крупный бивень и параллельно ему крупная неопределенная кость. Часть костей находилась в пределах пятна из крошки тонких клеточек черепных костей мамонта. В пятне возле крупных костей имелись мелкие обломки костей конечностей и ребер (рис. 77).

Западнее описанной полосы, на кв. Е, Ж – 22, 23, были обнаружены три крупных части бивней, кости конечностей, обломки лопаток и несколько более мелких костей мамонта. Кости залежали почти горизон-

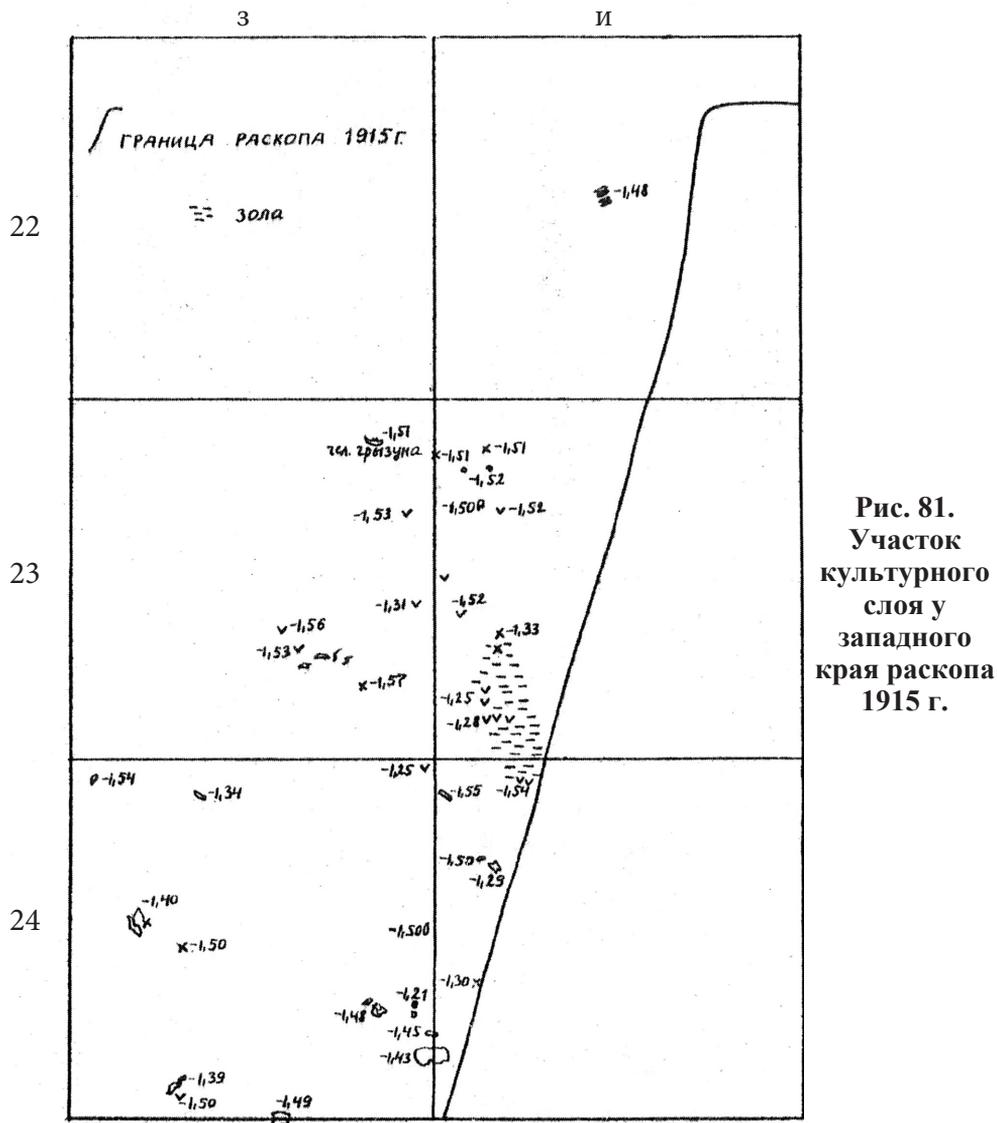

Рис. 81.
Участок культурного слоя у западного края раскопа 1915 г.

тально или с небольшим наклоном. Два бивня, изображенные с запада, имели наклон к востоку, третий бивень - к северу. Кость конечности и часть тазовой кости были слегка наклонены к западу. Разница уровней концов одной и той же кости составляла менее 15 см. В целом скопление костей находилось на глубине от -1,77 м до -1,94 м. В суглинке под костями имелись песчаные прослойки. При углублении расчистки выяснилось, что они следуют общему наклону участка к северу. Под костями до глубины -2,21 м попадались единичные угольки и обломки костей. С южной стороны, на кв. Ж-24, обнаружился край углубления, полого

опускавшийся к северу. Его поверхность почти сплошь покрывали карбонатные стяжения. Ниже углубление не расчищалось.

Из ям, имевшихся в Гонцах, в предшествовавшем 1977 году раскапывалась яма 8. Сохранившиеся нижние части ее стенок были почти вертикальны. По наблюдениям И. Ф. Левицкого, крутыми были стенки ям 4 и 5, а также ямы 1 жилищно-хозяйственного комплекса 2. Исходя из этого, пологий край нового углубления мог быть связан с вымоиной, образовавшейся на склоне, или с ямой, у которой размыло стенку, обращенную вверх по склону. На стенках указанных ям не было отмечено карбонатного покрова, а на пологом краю ямы карбонаты могли осаждаться после того, как ее начало покрывать суглинком. Тем не менее, впоследствии выяснилось, что углубление было искусственным.

В восточной стороне кв. 3 – 22, 23 малочисленные угли и мелкие обломки костей находились на глубине от -1,5 м до -1,8 м. Севернее, на линии кв. 21, культурные остатки залежали с глубины около 1,8 м. В расчете на будущие работы основная их часть была оставлена на месте. Южную половину кв 3-21 и частично соседние с запада и юга занимало пятно трухи тонких костных клеток черепа мамонта. По краям пятна лежали обломки крупных костей мамонта: небольшой фрагмент черепа, часть бивня, верхний край бедренной кости с головкой и др. К северу уходили бивень и кость конечности. Этот участок, как и предыдущий, планировалось раскопать после расчистки полосы к северу от раскопа 1915 г. Вернуться к нему также не удалось.

В северной части край раскопа 1915 г. был направлен от угла на кв. И-22 до кв. У-24 и дальше к востоку (рис. 37). На плане в его границы с севера включена часть траншеи 1914 г., в которой под днищем встретились и были разобраны культурные остатки. В полосе раскопа, на кв. 3, У – 18, 20, поверхность с культурными остатками повышалась к востоку на 20–30 см. Разведочная траншея 1914 г. не достигла здесь уровня культурного слоя. Вероятно, она в целом была еще недостаточно прокопана, когда ее южный конец попал на возвышавшиеся кости конструкций жилища, и на этом участке ее углубили. По случайности не была обнаружена яма 10.

Поверхность трех северных полос квадратов повышалась к востоку на 20–30 см. Культурные остатки в виде мелких обломков ребер, плоских и трубчатых костей, пластин зубов мамонта встретились в небольшом количестве. Часть квадратов оказалась без находок. Собрано всего пять кремневых предметов. На кв. И – 19 и Н, О-19 имелись небольшие золистые пятна толщиной один-два сантиметра (рис. 37). Обнаружение песчаной кольцевой прослойки с углублявшейся костью на месте ямы

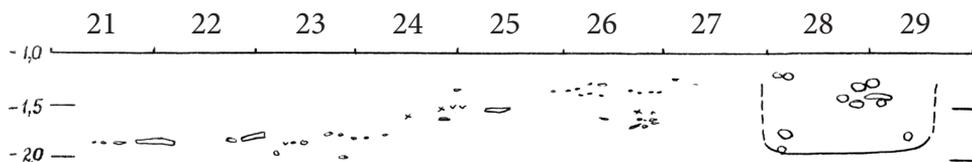

Рис. 82. Профиль культурных остатков в полосе кв. «З»

10 подтвердило связь находок с древней поверхностью. В полосе, включавшей яму 8, поверхность значительно понижалась к северу (рис. 82).

В восточной части северной полосы квадратов колебания относительных глубин соседних находок составляли три-четыре сантиметра. Остатки залежали в желтовато-сером суглинке с прожилками извести по капиллярам. Суглинок содержал сравнительно много песка, что проявлялось по белесой песчаной ряби, покрывавшей зачищенную поверхность после дождя. Степень сохранности обломков костей, их выветренность различались. Многие кости были покрыты твердым известковым налетом, главным образом, с нижней стороны.

На кв. Т-19 было найдено углублявшееся к северу ребро мамонта. При его расчистке выяснилось, что оно залежало в ямке (рис. 83). Ямка представляла собой чашеобразное углубление поперечником до 0,8 м, глубиной 0,13–0,15 м. Ее заполнял неокрашенный суглинок, в котором встречались мельчайшие угольки, а в южной части – мелкие пятна охры. Имелись несколько обломков ребер животных, кости стопы, обломок ребра и трубчатой кости, обломки черепных костей мамонта, неопределенные обломки. Большинство костей было покрыто карбонатным налетом.

В основном на северном краю ямки залежали обломки кремневых пластин (7 экз.), отщепы (6 экз.) и чешуйки (50 экз.). Большинство их находилось в слое около четырех сантиметров, главным образом вверху. Непосредственно над стенками и дном ямки заполнение было более плотным, глинистым, а также и более карбонатным, судя по светлым капиллярным прожилкам и налету на костях. Карбонатные стяжения толщиной два-три сантиметра покрывали дно и отчасти стенки в северной половине ямки.

Южнее ямки, на кв. Т, У, Ф – 21, 23, между зольными пятнами за краем сплошной зольной прослойки, находок было значительно больше, чем в северной полосе раскопа (рис. 84). Они были неравномерно рассеяны по поверхности. Мощность культурного слоя составляла в среднем пять сантиметров. Крупные кости отсутствовали. Имелись фрагменты ребер, трубчатых и плоских костей, пластин зубов мамонта, изредка – черепные обломки. Было рассеяно много крупных костных углей, меньше – пластин и отщепов кремня. Встретилось несколько комочков охры.

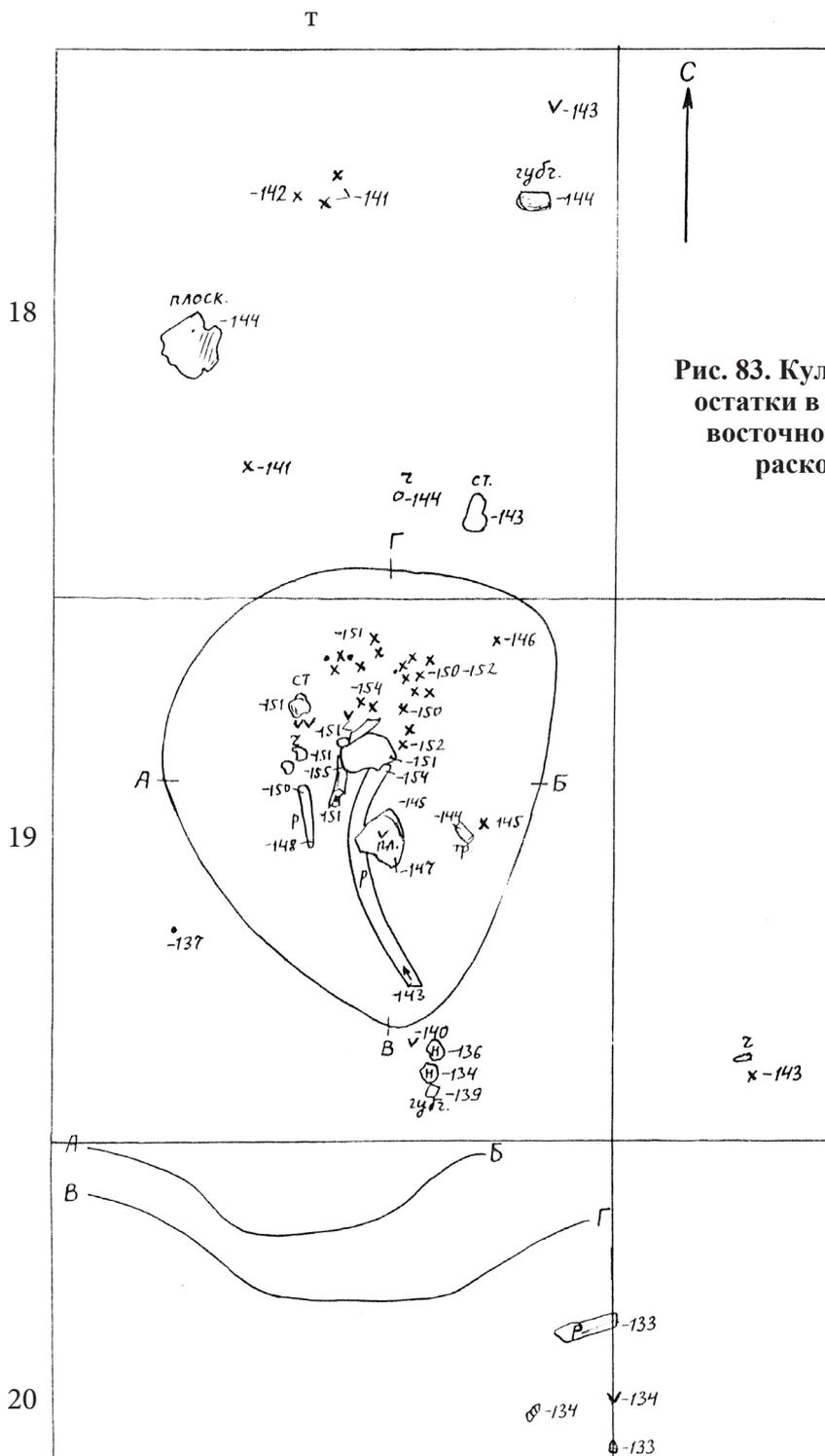

Рис. 83. Культурные остатки в северо-восточном углу раскопа

Участок сохранившегося культурного слоя на кв. Р-У – 21–24 также был значительно разнообразнее и богаче, чем в северной полосе квадратов. На кв. Р, С – 21, 22 на глубине около -1,25/-1,35 м, над ямой 6 или в верхней части ее заполнения, имелось вытянутое скопление мелко дробленных пластин зубов мамонта (рис. 63, 64). На кв. Т, У – 21, 22 культурные остатки образовывали отдельные скопления, разделенные участками с полным отсутствием вещей или с разреженным их положением. Они находились в случайном сочетании с разнообразными по размерам зольными пятнами (рис. 84). Мощность культурного слоя в концентрациях составляла в среднем 5 см. Крупные кости или обломки костей отсутствовали. Имелось несколько мелких обломков костей конечностей и зубов мамонта. Чаще встречались обломки более мелких ребер. Исходя из представленности разных видов животных в Гонцах, они могли принадлежать преимущественно оленю. На кв. Ф-21 найден обломок рога с ответвлением.

На полосу кв. Р, У – 23, 24 с юга распространялся сплошной золистый слой, разобранный В. М. Щербаковским возле ям 4 и 9 (рис. 37). Кроме смежной части квадратов линий 21 и 22 в пределах этой полосы находилось еще одно плотное скопление более разнообразных культурных остатков: угля, золы, кремневых изделий, обломков ребер, суставов, диафизов. Остатки залегали в среднем на глубине -0,9/-1,0 м. Золистый слой, прерванный в южной части кв. Р-У – 24, должно быть, распространялся и с западной стороны ямы 4, где сохранилось скопление угля и золы протяженностью около 20 см.

Хозяйственные ямы отделяли прилегающее к жилищу пространство шириной до 2 м. Исключая небольшой участок с северо-запада, оно почти полностью входило в границы раскопа 1915 г. На нем отсутствовали места разведения огня и не были отмечены крупные кости. Один небольшой участок культурного слоя, сохранившийся внутри кольца из ям, находился, как отмечено, возле ямы 4 и содержал мелкие обломки костей, угли, золу и кремневые изделия (рис. 58). По-видимому, это был фрагмент шлейфа производственного участка, который мог охватывать яму 4 и продолжаться к юго-западу. К югу от жилища, перед его входом и в промежутках между ямами, по наблюдениям В. А. Городцова, находки были крайне редки и состояли из небольших обломков костей, редких кремневых осколков и орудий (Городцов, 1926, с. 24). Нельзя все же воспринимать его слова без учета ситуации. Находки были редки по сравнению с насыщенным и богатым культурным слоем в жилище. Но пятна культурного слоя, сохранившиеся в промежутке от стен жилища до ям с юга и востока, были хорошо выражены в виде зольно-угольных прослоек, неплотных скоплений обломков костей и кремневых изделий.

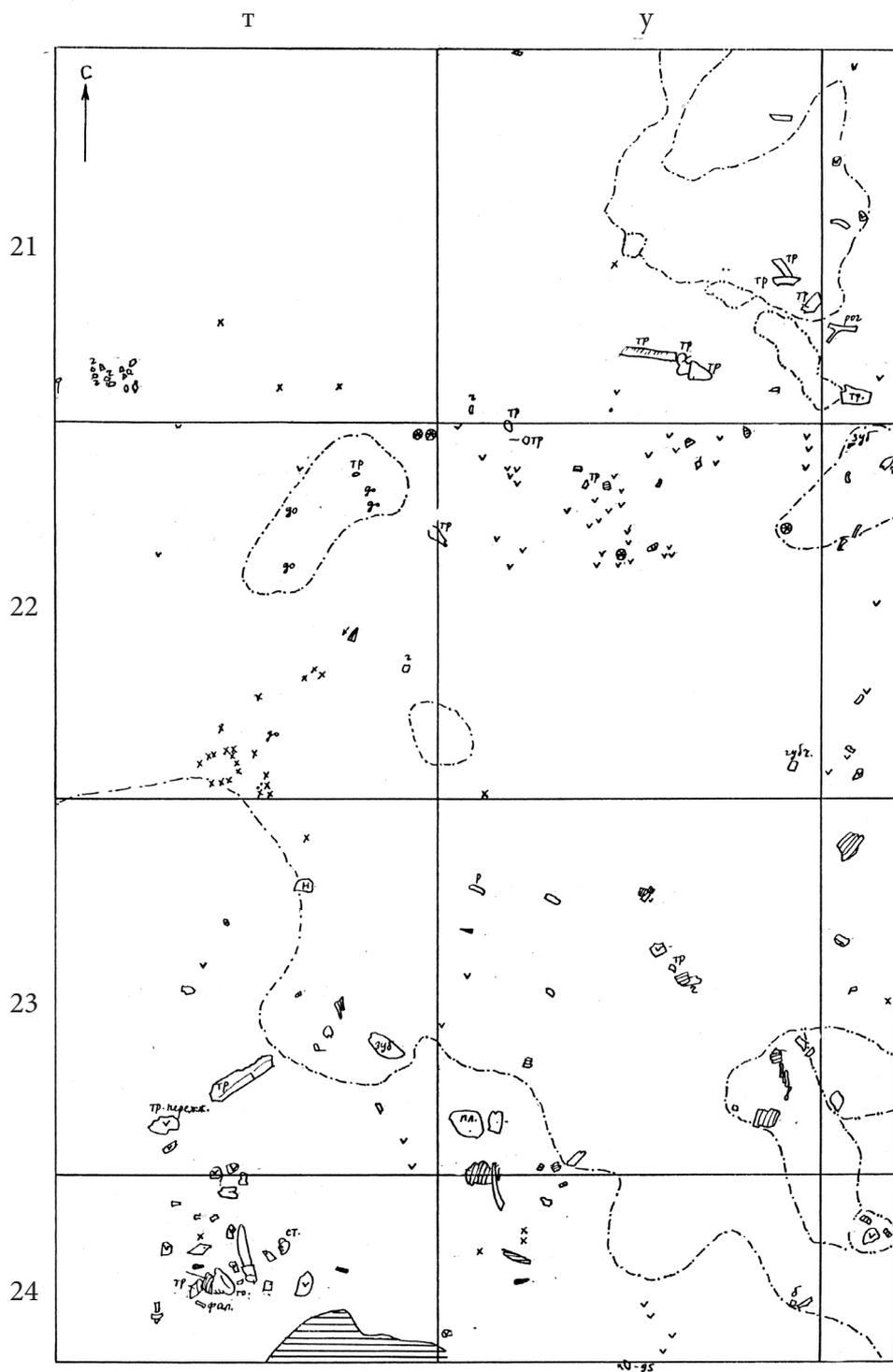

Рис. 84. Культурные остатки у восточного края раскопа

Участок с запада и северо-запада от жилища, не прилегающий к нему непосредственно, содержал, как описано, разреженные мелкие обломки костей и пластинок зубов мамонта, костные угли, золистое пятно и малочисленные кремневые изделия. Рассмотрение пространства с сохранившимися культурными остатками между жилищем и ямами показывает, что оно использовалось для производственных нужд и разведения огня эпизодически и очень ограниченно. Виды деятельности, для которых требовалось более значительные открытые участки, были вынесены за прижилищную площадку, окруженную ямами.

С юга, в 2–3 м от ям 8 и 7, располагались ямы жилищно-хозяйственного комплекса 2, разрушенного раскопками Р. И. Гельвига. К востоку от места сближения этих комплексов, на кв. XVII и XII раскопа И. Ф. Левицкого, находок было немного (рис. 7). Это была окраина участка, прилежащего к комплексам, которая могла использоваться совместно. Но склон к оврагу 1, непосредственно примыкавший к комплексу 1 с тыльной стороны, с северо-востока, использовался, должно быть, его обитателями. Важные сведения о хозяйственной деятельности на нем получены Л. А. Яковлевой и Ф. Джинджаном в раскопе VIb. На склоне изучены скопления золы с перегоревшими костями, разбросанные кости и рога оленя, кости зайца и, реже, мамонта. Кремневые изделия состояли из пластинок и отщепов, в большинстве – без ретуши. Многие из них подбирались друг к другу. В двух лопатках (мамонта и оленя) были проделаны округлые отверстия (Iakovleva, Djindjian, 2005).

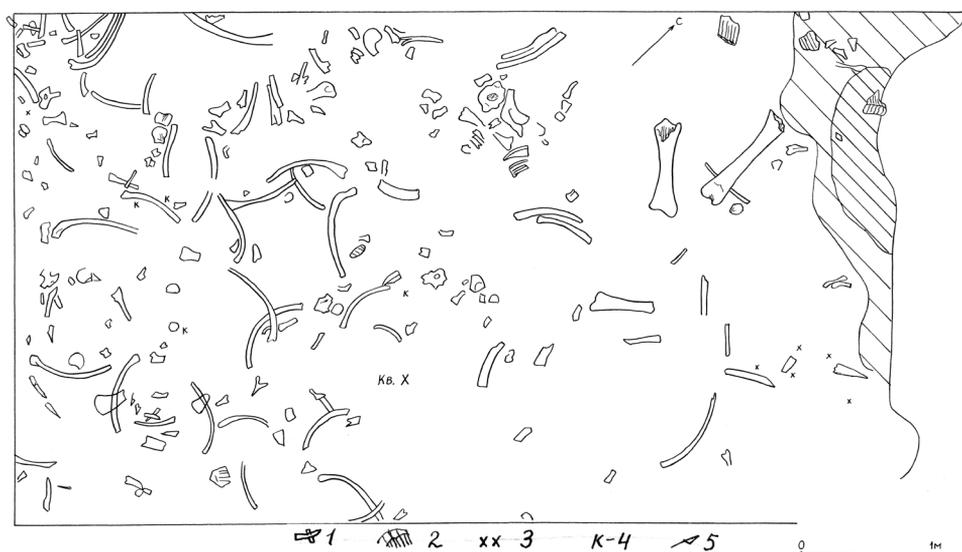

Рис. 85. Кости на кв. X раскопа 1935 г. (Архив ИА НАНУ. Фонд И. Ф. Левицкого)

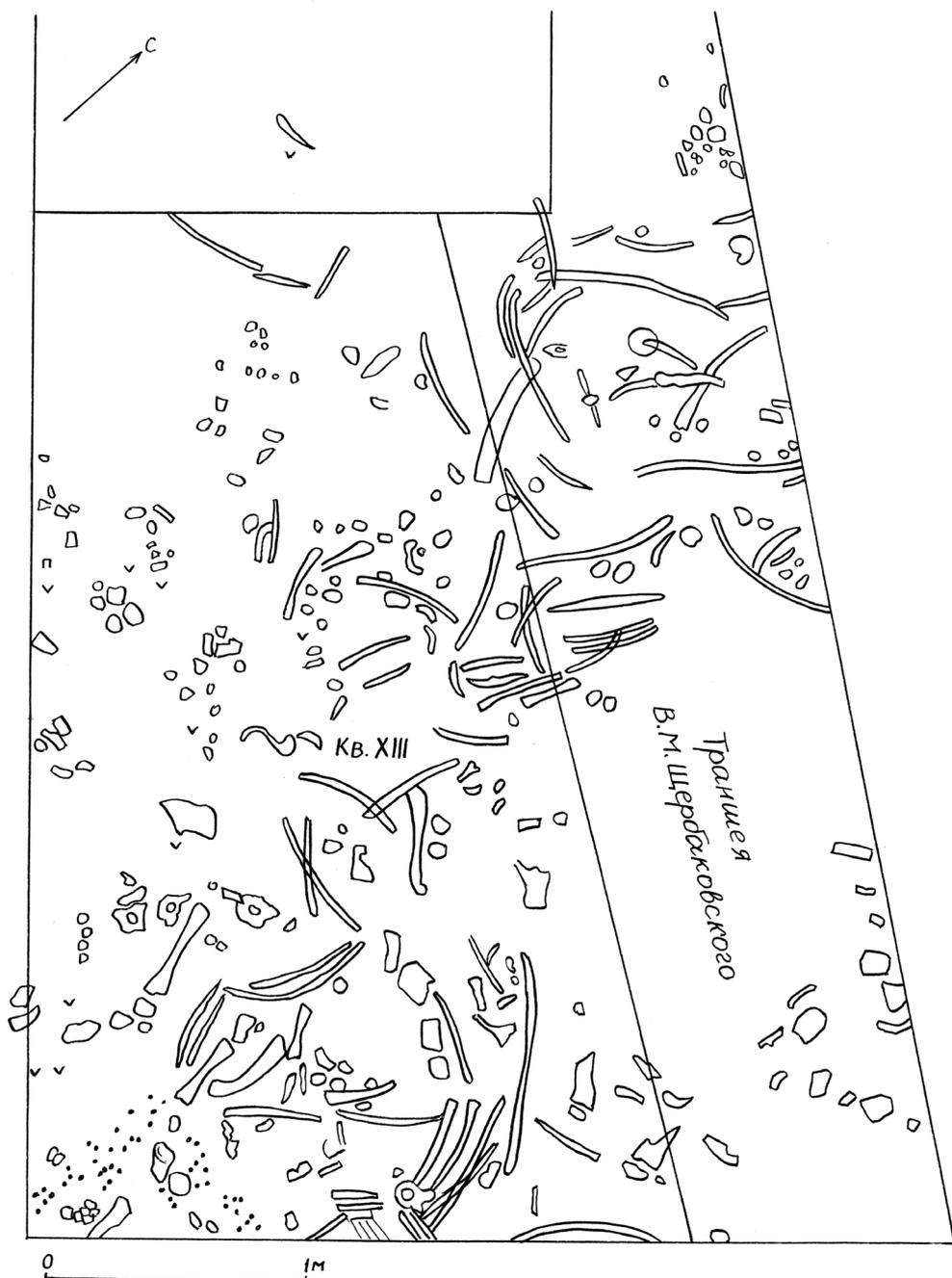

Рис. 86. Кости на кв. XIII раскопа 1935 г. (Архив ИА НАНУ. Фонд И. Ф. Левицкого)

По-видимому, это место служило преимущественно для первичной обработки охотничьей добычи.

Вероятно, в хозяйственных целях использовался весь склон к оврагу 1. К востоку от раскопа VIb, на кв. XI / 10, 14, 16 раскопа И. Ф. Левицкого (рис. 7), была изучена часть растянутого по склону кострища. Оно имело овальную форму и размеры 6,3 x 4 м. Его заполняли пережженные кости и зола. К северу от кострища находились два скопления костей мамонта и северного оленя диаметром 5–5,2 м. Из имевшихся в них 215 и 128 костей мамонта крупные кости были представлены одним целым бивнем, двумя половинами расколотых бивней, шестью костями конечностей и лопаткой. Остальные кости в подавляющей части состояли из позвонков, ребер и их обломков, а также из костей стоп мамонта. Среди костей изредка попадались кремневые отщепы (Левицкий, 1949, с. 219, 220).

Квадрат X был занят в основном обломками ребер, позвонков, костями суставов мамонта (рис. 85). То же наблюдалось в восточном углу кв. XIII (рис. 86). На границе кв. XI и X имелись два кострища поперечником до 3,5 м. Возле восточного кострища лежали мелкие обломки костей с двумя-тремя целыми костями конечностей, около западного – кучка из 9–10 крупных ребер, также с костями конечностей. Около кострищ найдены три бедренные кости мамонтов разного возраста со сбитыми эпифизами. За каждым кострищем вниз по склону спадали груды костей, в которых кости одних и тех же частей скелета: позвоночника, грудной клетки, обрубленных конечностей, ступней и других костей находились вместе. Около этих и близких к ним кострищ не было встречено черепов, нижних челюстей, тазовых костей и лопаток мамонта. В каждом отдельном комплексе, не считая костей более мелких животных, можно было определить кости до 4–5 некрупных мамонтов преимущественно молодого возраста (Левицкий, 1949, с. 220, 221).

Согласно приведенным данным, на указанном участке склона, предположительно, мог происходить завершающий этап разделки охотничьей добычи. На него доставляли части туш мамонтов, с которых, должно быть, уже была снята основная часть мяса. Небольшие его остатки срезали. Из костей конечностей, которые не требовалось сохранить целыми, выбивали мозг. Вероятно, здесь же оставляли на месте разделенные и находившиеся в сочленении крупные кости конечностей, а также лопатки, тазовые кости, черепа, нижние челюсти мамонта. После естественной мацерации они были готовы для использования в жилой зоне. Отсюда же отбирались для поделок кости более мелких животных, если их туши не разделявали непосредственно возле жилищ и в жилищах.

Глава 6

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ, КОСТИ, БИВНЯ И РОГА, КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ЖИВОТНЫХ

Изделия из камня

Гонцах использовался разный кремь. Основными из них были темный, почти черный кремь и серый крапчатый нескольких разновидностей. Использовался и светло-серый кремь. Он имел чистый состав, без пятнышек карбонатов. У конкреций темного кремья под тонкой пленочной черной коркой находился слой, окрашенный в желтый цвет. Желваки темного и серого крапчатого кремья небольшие, поверхность неровная, с кавернами. Выход изделий из объема конкреций был, видимо, невелик, и для большинства из них использовались тонкие пластинки. Светло-серый кремь использовался реже. Единичными были мелкие отщепы и пластинки из светло-желтоватого полупрозрачного опала с ярко отражающей поверхностью.

Вопрос об источниках кремневого сырья Гонцовского поселения не разрешен. В. М. Щербаковский полагал, что кремь приходилось доставлять из мест выхода меловых пород в Харьковской или Черниговской области (Щербаківський, 1919, с. 75). Суммируя современные представления исследователей, работавших в Среднем Поднепровье, И. М. Гавриленко отметил, что в настоящее время источник темного кремья Гонцов, Добраничевки, Семеновки и Межирича видится в месторождении на правом берегу Днепра в районе Канева. Серый кремь разных тонов, имеющий множество мелких светлых пятен, мог происходить с территории Новгород-Северского Полесья (Гавриленко, 2003, с. 68).

Использование общего недалекого источника темного кремья на близко располагавшихся поселениях вполне вероятно. Но доставка кремья с севера или востока Украины при наличии доступного качественного темного кремья едва ли могла быть оправданной. Серый кремь, в отличие от черного, заметно варьирует, но в Гонцах изделия из него столь же часто несут участки корки. Имело ли смысл доставлять издалека желваки с малым выходом полезного материала? Использование их было оправданным при более близком расположении источников сырья.

В склонах долины р. Удай, глубоко врезанной в древние отложения, вероятно, имелись выходы пород, содержащих пригодный материал. Рассчитывать на возможное их присутствие позволили несколько

небольших экскурсий по ближайшим окрестностям поселения. На склоне коренного берега долины реки за дальней окраиной с. Духовое были встречены небольшие куски необработанного черного кремня и серого, со светлыми крапинками. Куски кремня относительно низкого качества встретились на поверхности борта долины. Провести систематические разведки не было возможности.

Имеющиеся около 20 нуклеусов, включая их крупные части – небольшие, односторонние, одно- и двухплощадочные экземпляры, часто с фрагментами корки. Площадки скошены, основание сведено на клин (рис. 87, 10). Для получения нуклеусов, с которых скалывали пластинки, использовали продолговатые куски и желваки наиболее качественного кремня. Многие пластинки имеют длину около 5 см, наиболее крупная достигала 7,3 см. Их использовали главным образом для производства резцов. То же наблюдалось и в коллекции, собранной и зарисованной В. М. Щербаковским (Гавриленко, 2003, рис. 1–4).

Скребки наиболее многочисленны. Они изготавливались из обломанных пластин (рис. 87, 1, 5, 9, 12) укороченных пластин (рис. 87, 3, 6, 7) и отщепов (рис. 87, 4, 8, 11). Угол лезвия скребков – от примерно 45° до почти 90°. Рабочий край имел округлую форму, но не редко и выемчатую (рис. 87, 5, 8, 11, 12), в связи с чем их можно определить и как скобели. Резцы разнообразны. Имеются ретушный односторонний (рис. 87, 13) и двусторонний (рис. 87, 16), резец на сломе односторонний (рис. 87, 14) и двусторонний на двух концах пластинки (рис. 87, 17). Был найден также двугранный резец (рис. 87, 15).

Небольшую группу составляют режущие острия. У нескольких тонких узких и прямых пластинок длиной до 5 см из качественного кремня по прямой линии был притуплен один край (рис. 87, 18, 19). У тонкой ножевидной пластинки (рис. 87, 21) был округло притуплен конец, возможно, безопасный упор при ее использовании. На тонком полукруглом отщепе ретушью была притуплена наиболее острая изогнутая кромка (рис. 87, 20).

Кроме кремня в сборах на поселении имелось небольшое количество галек и мелких булыжников из кристаллических пород. Единичные или малочисленные их находки упоминали участники раскопок 1915 г. (Щербаківський, 1919, с. 72; Городцов, 1926, с. 23). Несколько камней встретилось и в наших раскопках. Почти все они после длительного пребывания под землей рассыпались на мелкие обломки. Вероятно, и в древности многие из них не обладали прочностью, достаточной для раскалывания крупных костей и других работ. Этим можно объяснить редкость находок целых зубов мамонта и крупных их кусков.

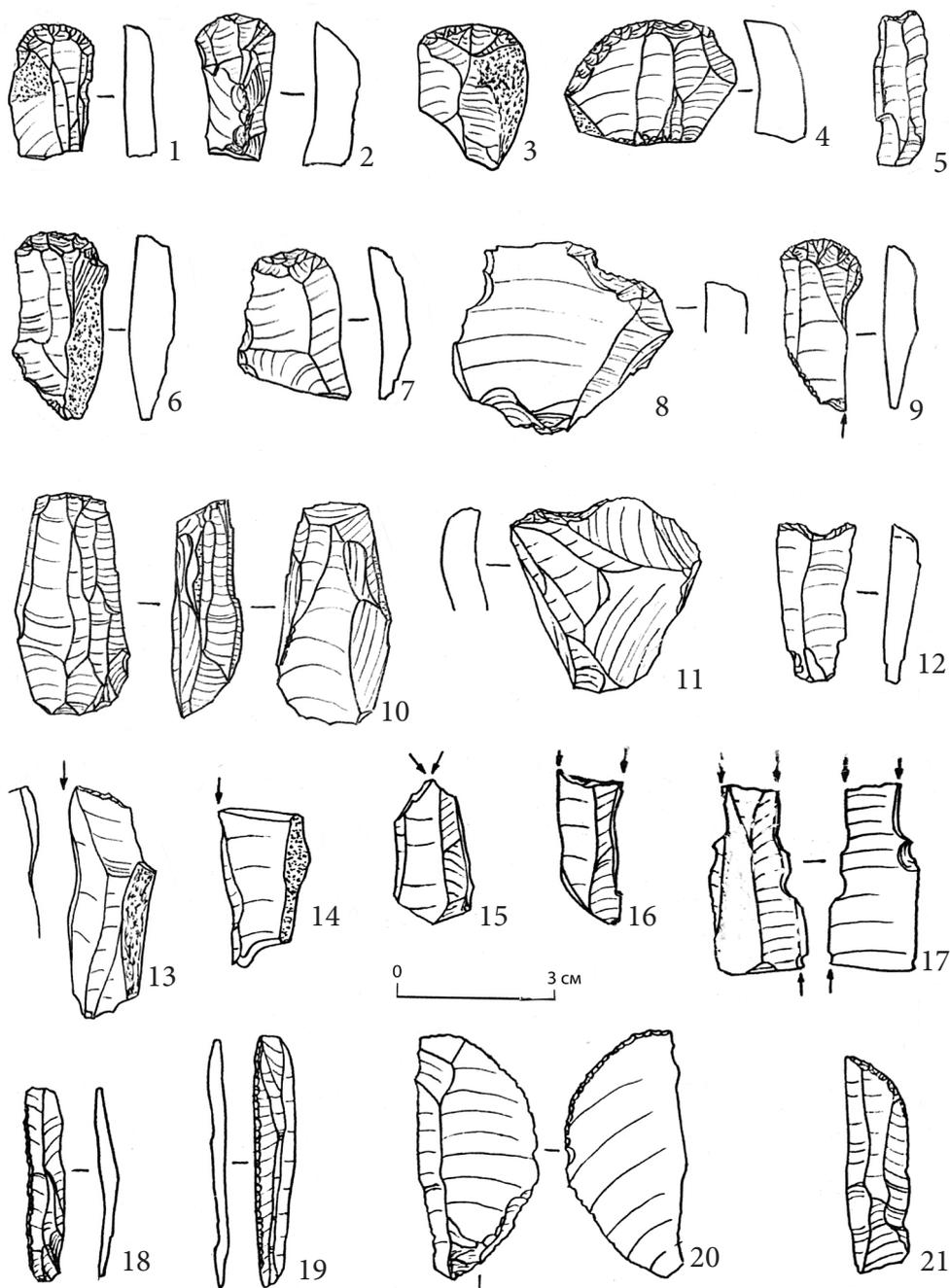

Рис. 87. Изделия из кремня

Имеется возможность получить приблизительное представление о количестве кремневых орудий и в целом кремневых изделий в жилище и комплексе, собранных в 1914–1916 гг. В 1915 г. по завершении раскопок жилища в нем было найдено 75 орудий, а общее количество кремневых изделий не подсчитывалось (Щербаківський, 1919, с. 70). В 1977 г. в оставшемся фрагменте культурного слоя внутри жилища добавилось еще 43 орудия, а в целом было собрано 370 кремневых изделий. Общее количество орудий равнялось 118 экз. Составив пропорцию $370/43 = x/75$, получим ориентировочное число кремневых изделий, встреченных в жилище в 1915 г. Оно равнялось около 645 экз. В целом в жилище в 1915 и 1977 гг. было собрано 118 орудий, а общее количество кремневых изделий могло быть около 938.

По публикации в инвентаре памятника числилось 193 кремневых орудия (Щербаківський, 1919, с. 74). Но по найденным И. М. Гавриленко в фондах Полтавского краеведческого музея таблицам зарисовок орудий, сделанных В. М. Щербаковским, их 236. Разница в 43 орудия, по всей вероятности, связана с тем, что в публикацию вошли материалы раскопок 1914, 1915 годов, собранные с той площади, которая была отражена на плане в публикации (рис. 4). После этого раскапывались ямы 5 и 4, и только первая из них («куча» VI), как отмечено, была позднее опубликована за рубежом. В 1979 г. в этих ямах были найдены 55 кремневых орудий. В 1916 г. содержимое ям было глубоко выбрано. Не удивительно, что в нее попало много изделий с производственного участка, раскопанного И. Ф. Левицким. Кроме ям и небольшого участка между ними в 1916 г. ничего не раскапывалось.

В 1979 г. в ямах 4 и 5 были в целом найдены 396 кремневых изделия, включая 55 орудия. При таком соотношении 43 орудиям из тех же ям могли соответствовать в сумме 312 изделий. Общее количество изделий в ямах ориентировочно составляло 708. На производственном участке И. Ф. Левицким найдены 32 орудия. По его терминологии трудно понять, сколько имелось отщепов и обломков кремня. Поэтому аналогично приведенным выше расчетам общее количество кремневых изделий на участке может быть ориентировочно определено числом 230. В целом в ямах 4 и 5 и на производственном участке могло быть около 938 изделий, включая около 130 орудий.

Общее количество кремневых изделий в комплексе по приведенным расчетам составляло минимально 1876, в том числе 248 орудий. Трудно определить различный недоучет инвентаря, связанный с поверхностью вне жилища и ям. Судя по встречаемости кремневых изделий на площади вокруг жилища при исследовании комплекса, их было больше у края ям 4 и 5 в связи с близостью производственного участка. Там

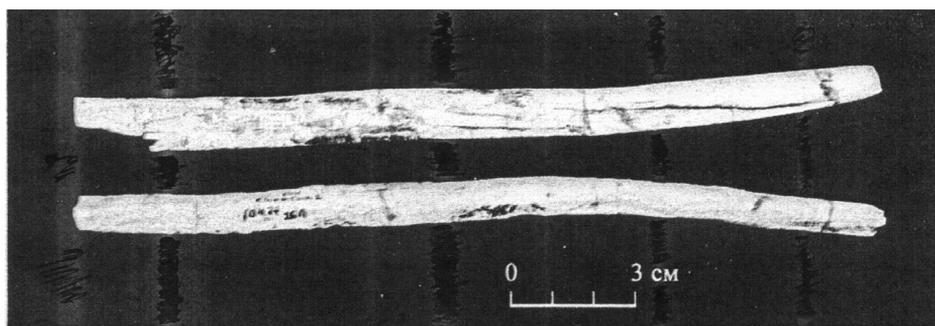
могло находиться до 50–60 изделий, включая несколько орудий. В наших раскопках на поверхности возле жилища и ям учтены 177 изделий, включая 7 орудий. Добавив их в общие подсчеты, получим количество изделий, равное 2053 и 255 орудий.

Кроме изделий, найденных в культурном слое и в ямах, 310 изделий, включая 17 орудий, были найдены в насыпи, закрывшей остатки жилища и яму 8. В публикации 1919 г. не учтен также небольшой кремневый материал, полученный при частичной расчистке ямы 5. Поэтому, при малочисленности кремня на открытых участках, собранное в насыпи над раскопом почти полностью могло относиться к предметам с пола жилища. Общее минимальное количество изделий в комплексе составляло, таким образом, около 2363 экз., из них 272 орудия.

Изделия из кости, бивня и рога

Материалом для большинства костяных изделий служили кости животных, наиболее представленных в фаунистических остатках: мамонта, северного оленя, зайца, песка. Полнее использовались кости мамонта, прежде всего ребра и бивни. Бивни вначале раскалывали. Несколько крупных частей расколотых бивней найдены в ямах, а в одном случае (бивень 59) в завале перекрытия жилища. Расколотые бивни представлены крупными частями – до половины длины целого бивня (рис. 88, 2, 4). Имеются несколько стержней, выделанных из бивня при последующей его обработке. Один из них найден в яме 9 (рис. 88, 3). Другой чисто обработанный стержень длиной 19,2 см и диаметром 0,8–1,2 см (рис. 88, 1) сохранился в культурном слое на полу жилища. Сужение одного конца стержня могло быть связано с изготовлением острия (Ахметгалеева и др., 2014, с. 173). В сохранившейся части культурного слоя на кв. Л-26 найден «нож» из отщепы бивня (рис. 89). Внешняя его кромка в средней части была снята и имела выщербинки.

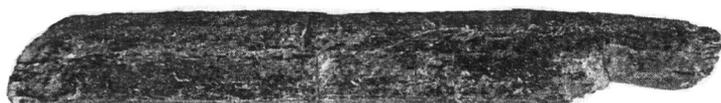
Из двух крупных острий, найденных в комплексе, одно было сделано из расколотого вдоль ребра мамонта и имело дополнительный скол (рис. 90, 1). Длина его около 34 см, рабочий конец на протяжении 4 см заглажен и заполирован. Орудие могло служить кольшком или клином. Оно найдено в жилище на кв. К-24. Его основание находилось под нависавшим южным краем черепа 14, а острый конец направлен к юго-западу. Возможно, орудие было просунуто изнутри жилища под стенку. Второе острие (рис. 90, 2), длиной 18 см, имеет у основания следы пиления и надрезов, по которым была отделена заготовка. На поверхности заметны следы скобления, более интенсивные к заостренному концу.

1

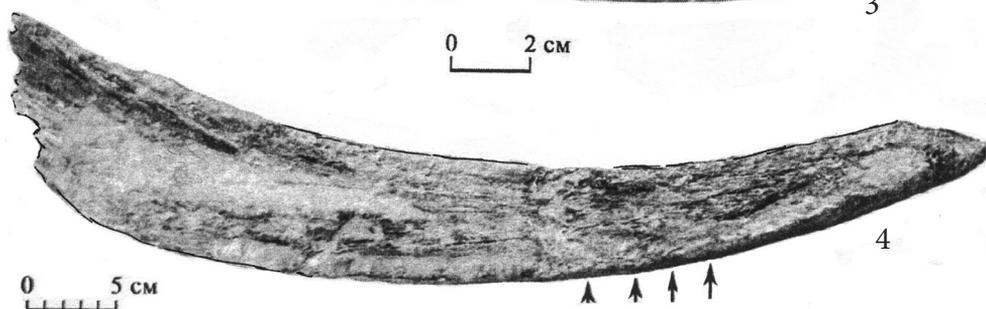
2

1

3

4

Рис. 88. Стержни из бивня мамонта и расколотые бивни
(по: Ахметгалеева и др., 2014)

Кончик округлен, стерт и заполирован. Предполагается использование острия как колышка, возможно, для фиксации растянутых для просушки шкур (Ахметгалеева и др., 1914, с. 190). Это острие также было найдено внутри жилища, на кв. Л-25, в ямке 1. В яме 4 сохранилась целая земле-

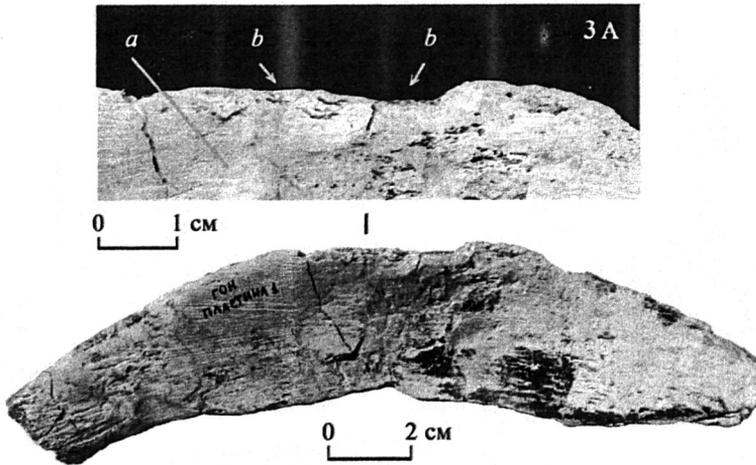

Рис. 89. Изделие из пластины бивня (по: Ахметгалеева и др., 2014)

копалка из ребра мамонта длиной около 48 см. Ее рабочий конец имел овальную форму и характерную затертость (рис. 90, 3; Ахметгалеева и др., 1914, илл. XIII, 1С).

Небольшую группу составили изделия в виде частей ребер мамонта, обрезанных с одного или двух концов. Внутри жилища в ямке 1 найдена дистальная часть ребра мамонта длиной 16,3 см со следами выскабливания и пятнами лоска по обеим сторонам (рис. 91, 3). Концы изделия, вероятно, также использовались в работе, как и у короткого обломка ребра, конец которого был ровно обрезан (рис. 92, 4). В наибольшей степени подвергся обработке фрагмент ребра длиной 11 см, найденный на кв. Н-25 внутри жилища. Как и в других случаях, этот фрагмент был выделен из ребра после прорезания в нем по окружности пазов. Но, в отличие от других подобных фрагментов, его грани с одного конца на протяжении около 6 см были аккуратно заужены и выглажены (рис. 92, 3; Ахметгалеева и др., 2014, илл. XIV, 1).

У другого изделия из ребра длиной более 18 см, найденного в ямке 1 внутри жилища, дистальный конец был обрезан ровно поперек, а на проксимальном выделена головка (рис. 91, 2). По размерам и оформлению головки это изделие имеет близкую аналогию в жилище 1 Межирича (Пидопличко, 1976, рис. 73, 2). Внутри жилища на кв. К-25 имелся фрагмент ребра длиной около 8 см, обрезанный с обоих концов (рис. 92, 1; 93, 3). Поверхность его была выскоблена. На одной стороне в средней части четко выделялись три нарезки и еще три находились ближе к одному из концов. На краях ребра имелись короткие нарезки: семь парных нарезок с одной и четыре с другой стороны. Вдоль конца ребра, обращенного влево (на рис. 93, 3), имелась полоса жирной заполировки шириной около 0,5 см, которая могла возникнуть при разглаживании кожи (Ахметгалеева и др., 1914, с. 162).

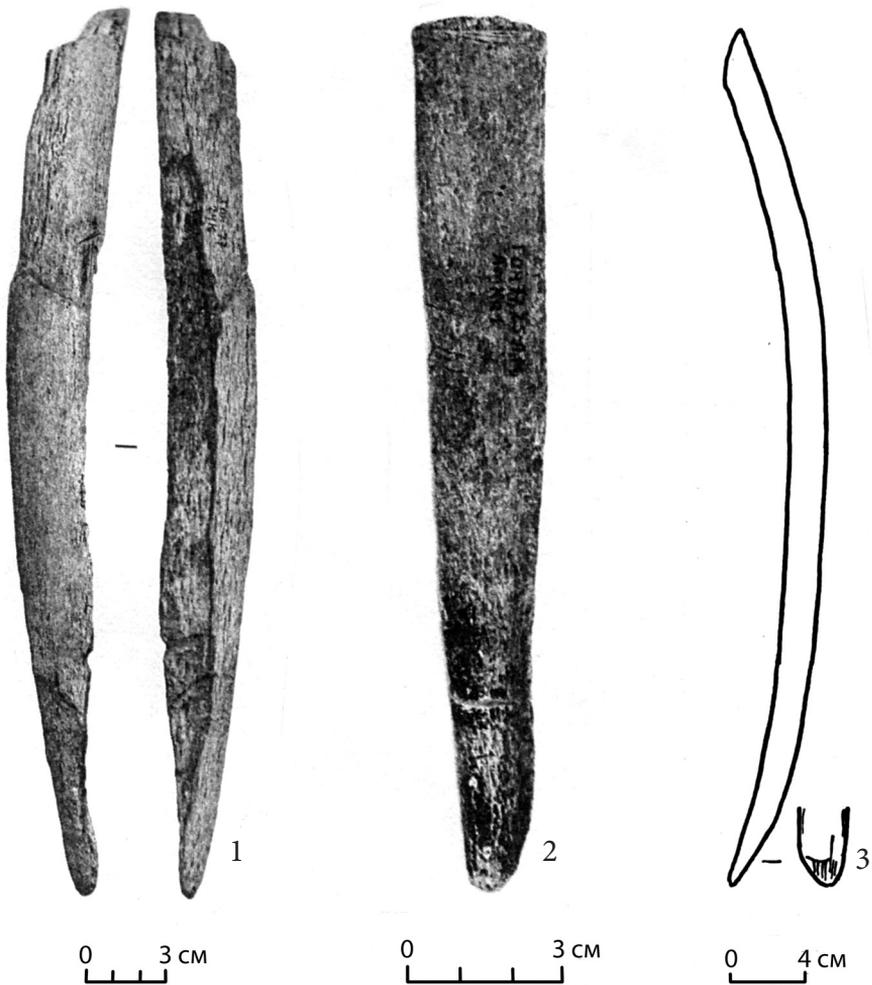

Рис. 90. Изделия из кости. 1, 2- остря, 3- землекопалка (по: Ахметгалеева и др., 2014)

Кроме изображенного на рис. 88, 1 стержня, из бивня мамонта изготовлены два миниатюрных остря. Одно из них, длиной 5,9 см и диаметром до 0,4 см (рис. 93, 1), было найдено в яме 8. Небольшая часть его основания была обломана при расчистке. Использование изделия, видимо, наконечника, длилось недолго и не оставило на нем следов (Ахметгалеева и др., 1914, с. 175, 176). Фрагмент второго остря (рис. 93, 2) найден внутри жилища на кв. М-25 в ямке 4. Длина его – 2,9 см, диаметр – 0,35 см. Концы остря были обломаны. Крупный остроконечный предмет представлен продольным фрагментом диафиза кости конечности мамонта длиной 18,2 см (рис. 91, 1). Конец остря округлен и истерт, вдоль оси

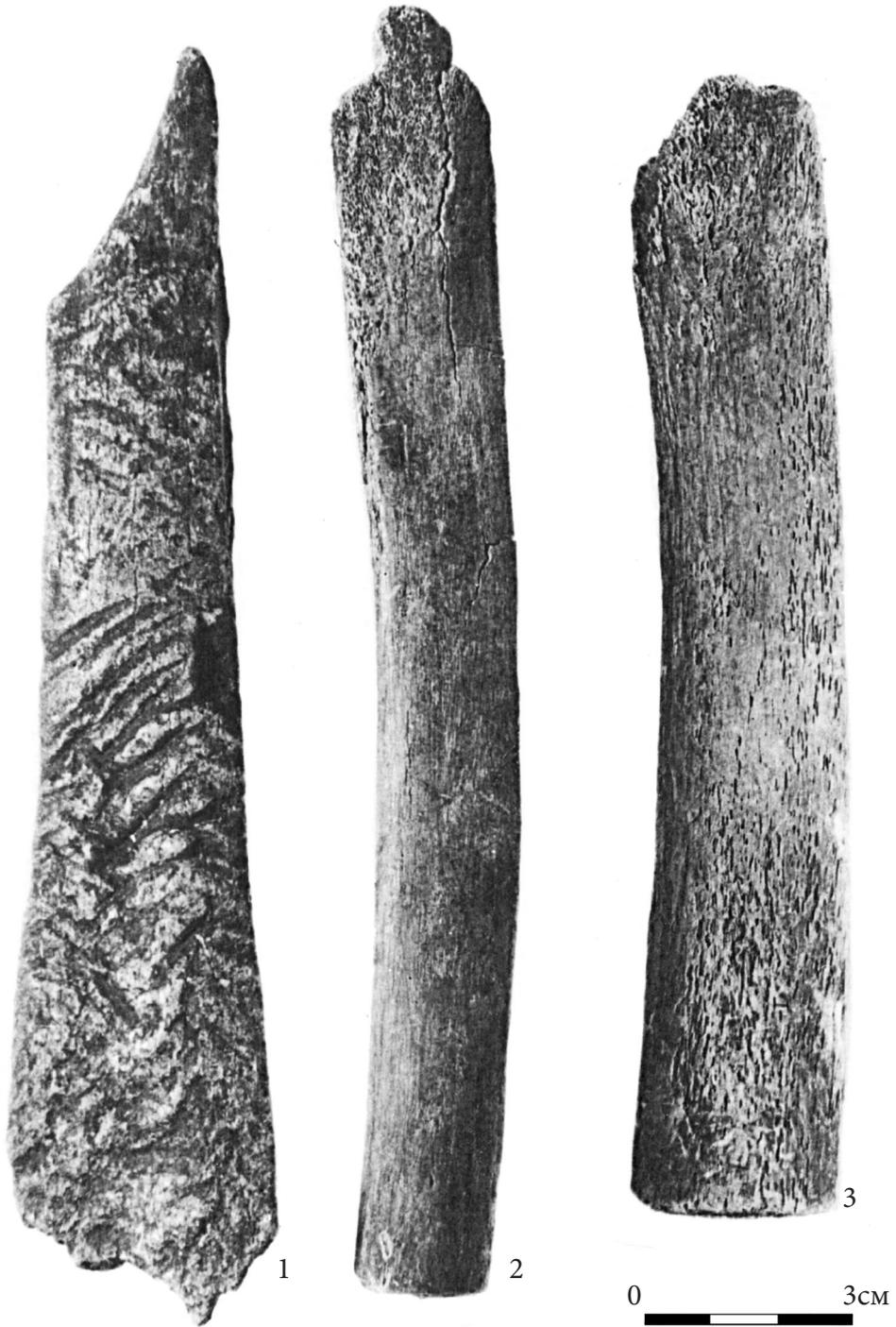

Рис. 91. Изделия из ребер и обломка кости конечности мамонта
(по: Ахметгалеева и др., 2014)

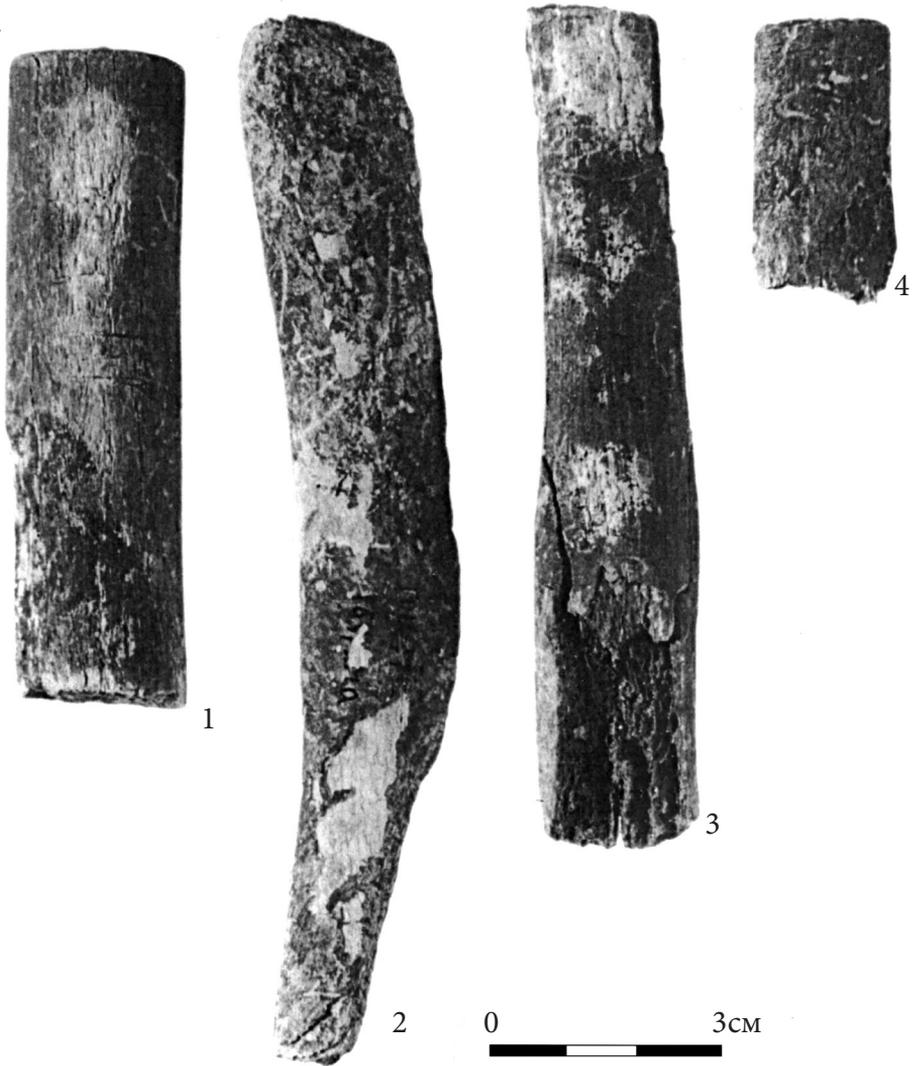

Рис. 92. Изделия из ребер мамонта

изделия заметны линейные следы. Кончик заглажен и несет поперечные микроцарапины. Глубокие косые извилистые борозды на анатомически внешней поверхности кости имеют неясное естественное происхождение.

Для выполнения эпизодически возникавших задач могли использоваться любые подходящие обломки костей. Так, в ямке 1 в полу жилища имелся скол крупного ребра мамонта длиной 6,1 см (рис. 93, 4). Его дугообразная кромка сглажена. Предполагается кратковременное использование предмета в качестве скребка или грабилки (Ахметгалеева и др., 1914, с. 163, 164). Фрагмент неопределенной кости из ямки на кв. Т-19 (рис. 93, 7) мог использоваться в различном назначении.

Его рабочее лезвие шириной до 2,6 см и толщиной менее сантиметра было истерто и заполировано. На обломке заметны и другие следы использования, возникшие, вероятно, до его откалывания (Ахметгалева и др., 2014, с. 173). В верхней части заполнения ямы 9 находился фрагмент проксимального эпифиза правой плечевой кости взрослой особи мамонта (рис. 93, 8), по-видимому, служивший светильником. Губчатая поверхность кости была обожжена. Предмет сходен со светильниками, найденными в Межириче, которые изготавливались там из верхних эпифизов бедренных костей (Пидопличко, 1975, с. 191).

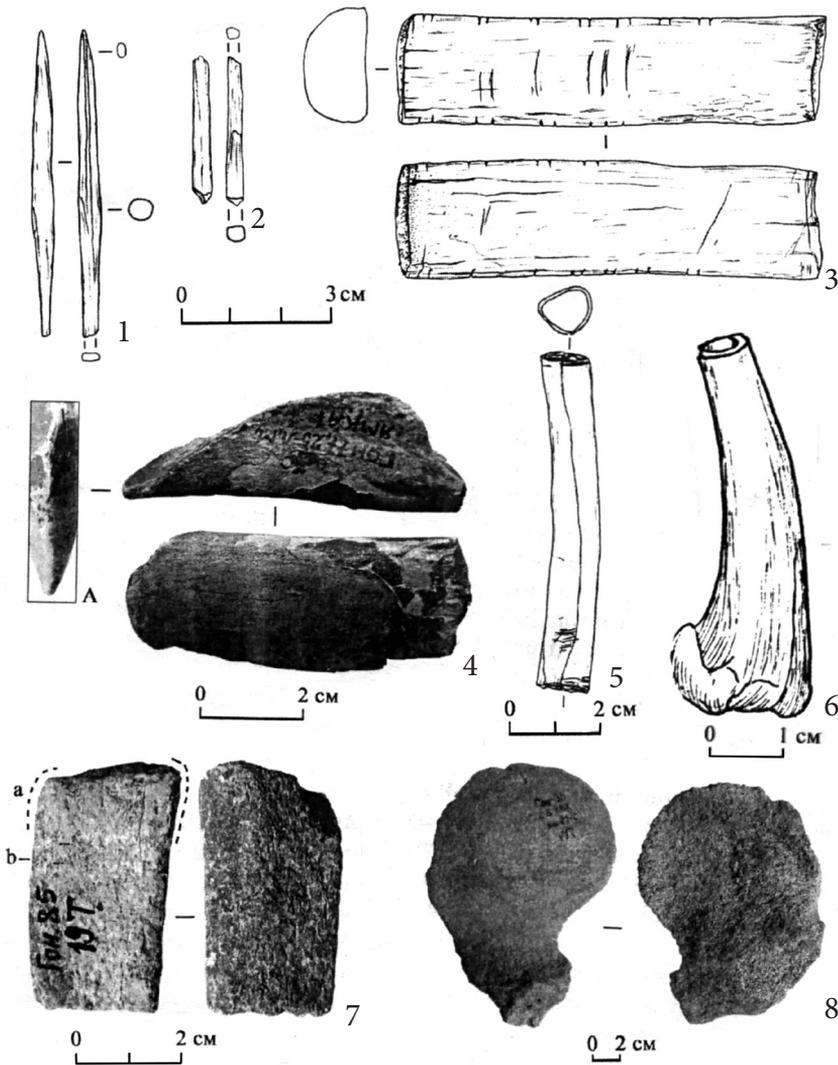

Рис. 93. Изделия из костей животных (1-4, 6-8) и птицы (5)
(по: Ахметгалева и др., 2014)

Многочисленные кости северного оленя в подавляющей части встречены в ямах. Изделий из костей оленя немного. В яме 9 найдена разбитая метаподия. Ее раскололи с целью извлечь мозг, а затем использовали для производства продольных заготовок (Ахметгалеева и др., 2014, илл. XIX, 3). Найдены две рукоятки из рога оленя. Одна происходила из сборов 1915 г. в жилище, другая из – ямы 8, раскопанной в 1977 г. (рис. 94). У последней ствол рога на половину диаметра сбит, благодаря чему образовалась плоская поверхность, удобная для крепления вкладыша (Ахметгалеева и др., 2014, с. 172, илл. XVIII, 1А). Штанга рога с фрагментом черепа и надглазничным отростком из ямы 10 (рис. 95, 1) являлась неиспользованным материалом для рукоятки. Предположительно из рога изготовлено миниатюрное острие (рис. 96, 1). Бизонам принадлежали резцы, превращенные в подвески (рис. 95, 2-4).

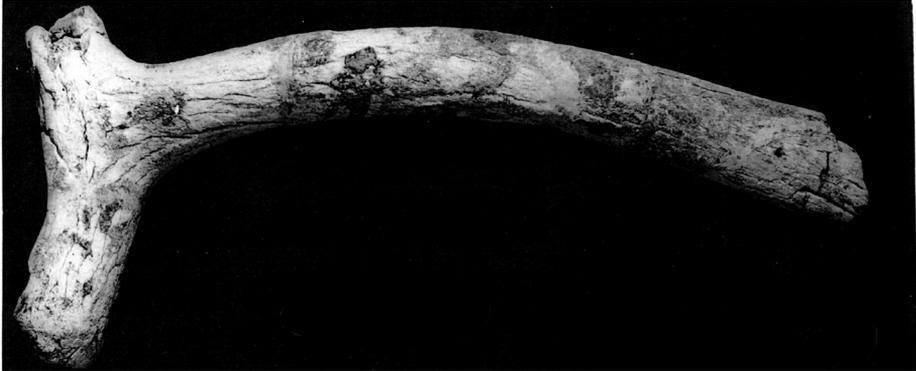

Рис. 94. Рукоятка из рога оленя

Изделие из кости мелкого животного могло быть обломком или заготовкой острия (рис. 96, 2). Целыми и в обломках собраны шилья из костей зайца и песца (рис. 96, 3-10). Восемь шильев найдены в жилище, еще несколько в ямах. В 1915 г. в жилище были собраны 3 целых и 18 обломанных шильев из костей мелких животных и одно из бивня (Щербаківський, 1919, с. 70). В иллюстрации отобранных находок 1914–1916 гг. (рис. 97) шило под номером 8 и стерженек из бивня под номером 3 происходили из ямы 5. Изделия под номерами 1, 2, 4, 7, 9–11, 14, 15 и зубы волка под номерами 15 и 16 были найдены в жилище. Углубленные бороздки, изображенные на заостренном стерженьке из бивня, отмеченном номером 2, в действительности представляли собой линии, процарапанные отдельными штрихами (Щербаківський, 1919, рис. 6).

В яме 5 В. М. Щербаковским был найден обломок бивня с нарезками в виде разметки на школьной линейке (рис. 98). В верхнем ярусе

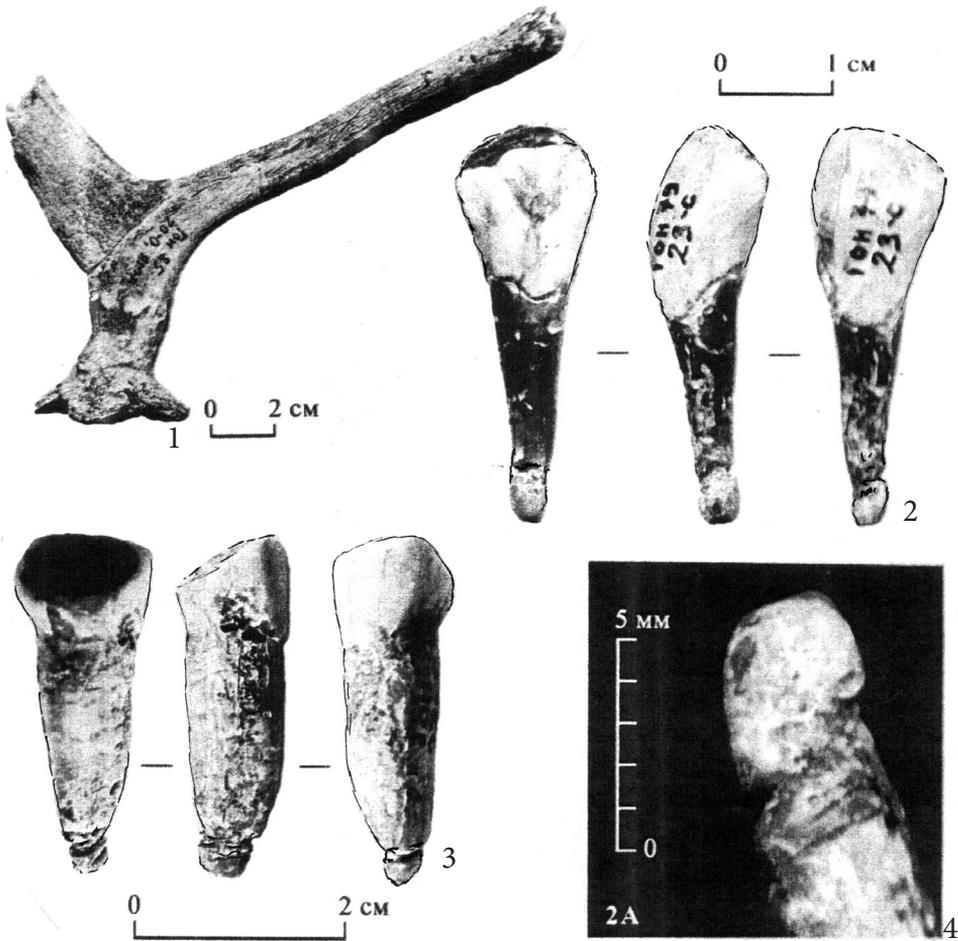

Рис. 95. Рог оленя с частью черепа, имеющий следы обработки, и зубы бизонов с круговой канавкой на корне для подвешивания (по: Ахметгалеева и др., 2014)

костей ямы 10 встречена бедренная кость мамонта с глухим отверстием в проксимальном конце, по-видимому, деталь очажного сооружения (рис. 99). Вероятно, не случайно возле ямы 10 лежала упомянутая выше бедренная кость с забитой в ее полость лучевой костью. Такие кости являлись сопряженными деталями конструкции очажного сооружения, в более полном виде наблюдавшиеся И. Г. Пидопличко в Межириче (Пидопличко, 1976, с. 120–129). Эти кости могли попасть на свое место и в одно, и в разное время. Но бедренная кость с отверстием определенно попала в яму в период продолжавшейся жизни людей на поселении. Видимо, по какой-то причине она стала ненужной. Точно такая же бедренная кость с боковым глухим отверстием была найдена и в яме 4.

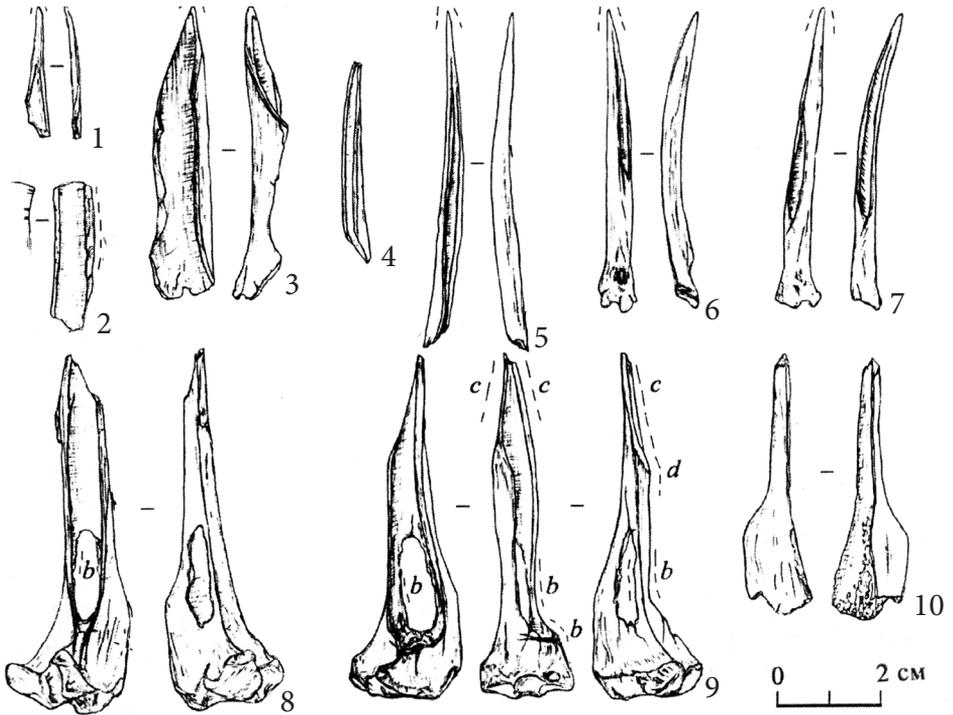

Рис. 96. Шилья и другие орудия из костей мелких животных (по: Ахметгалеева и др., 2014)

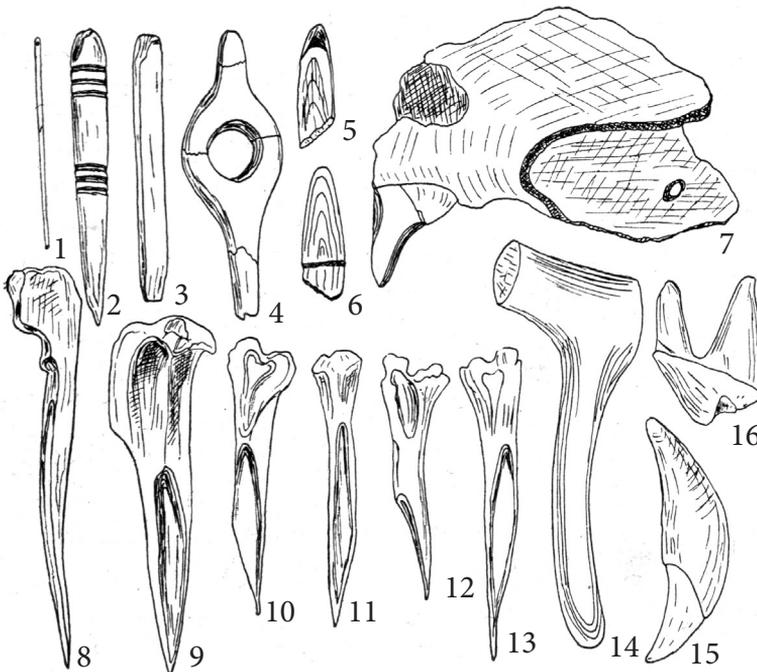

Рис. 97.
Находки 1914–1915 гг.
1 – игла,
2–6 – изделия из бивня,
7 – обломок верхней челюсти медведя,
8–13 – шилья из костей мелких животных,
14 – рукоять из рога северного оленя, 15 и 16 – коренной зуб и клык волка (по: Scherbakovski, 1926. Abb. V)

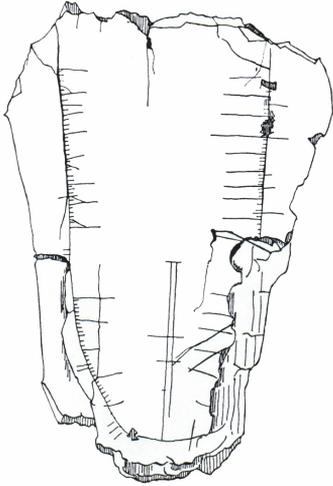

Рис. 98.
Фрагмент
бивня с
разметкой
в виде
линейки

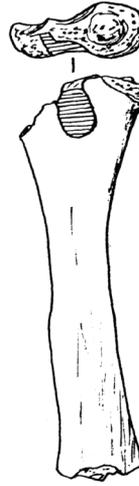

Рис. 99.
Бедренная
кость мамонта
7 из верхнего
яруса костей
ямы 7

Фаунистические остатки

Костные материалы из раскопок регулярно отбирались группой Н. Л. Корниец для изучения в Институте зоологии НАН Украины. Н. Г. Белан были обработаны и опубликованы материалы по северному оленю и ею же, совместно с Н. Г. Корниец, опубликован список видов, установленных в раскопках до 1979 г. (Белан, Корниец, 1983). Небольшая коллекция костей, в основном связанная с изделиями, обработана Е. Н. Мащенко.

В районе поселения глубокая и широкая долина реки сочеталась с равнинным водораздельным пространством. Массовое присутствие костей мамонта в остатках поселения свидетельствовало о значительном распространении в окружающем районе открытых ландшафтов. Вместе с тем пыльцевые спектры из ямы 7 указывают на присутствие древесной растительности, включая широколиственные породы. Часть ее могла быть связана с надпоймой, а другие, как ель и дуб, со склонами и участками водораздела. Это позволяло обитать в районе поселения экологически разным животным, среди которых подавляющая часть костных остатков принадлежала мамонту.

Из 32 черепов мамонта, найденных в жилищно-хозяйственном комплексе, 28 входили в конструкцию жилища и внутренние бытовые приспособления, 3 найдены в яме 4 и 1 – в яме 5. Большое количество крупных обломков черепов в яме 5 могло быть связано с наличием еще одного-двух черепов. Нижних челюстей мамонта имелось девять. Все они, кроме одной, найденной в яме 8, входили в конструкцию ограждения жилища. В более значительном количестве встречены лопатки и

бивни. Кроме костей взрослых мамонтов в пределах комплекса имелись отдельные кости детенышей от менее одного месяца до молодого возраста. Очевидно, поселение находилось в пределах мест, оптимальных для обитания этих животных.

Бизон (бизон/зубр) определен Е. Н. Мащенко по зубам – двум нижним резцам молодой и старой особей, использованным для изготовления подвесок. Имелись также несколько небольших обломков костей, которые могли принадлежать и бизону, и мамонту. Бизон, возможно, не часто заходил в окрестности поселения или охота на него была связана со значительной опасностью. Крупные травоядные были представлены также широкопалой лошадью (Белан, Корниец, 1993, с. 74).

В отличие от бизона и лошади, северный олень был широко представлен в жилищно-хозяйственном комплексе разными частями скелета. До получения черепов гонцовских северных оленей из раскопок 1977 и 1979 годов считалось, что олени пребывали в Поднепровье в осенне-зимний период. Изучение десяти черепов показало, что восемь из них принадлежали самкам от четырех лет и старше, один – молодой самке и один – самцу трех лет. Все черепа оказались с роговыми пеньками, образующимися на месте отпавших рогов. Такое совпадение могло происходить в весенне-летнее время, ближе к стыку сезонов. В Гонцах же и на некоторых других поселениях обнаружены рога оленей-самцов, сброшенные или с частями черепа, что свидетельствовало о пребывании оленей возле поселений в осенне-зимний период. В результате было установлено, что в конце верхнего палеолита северные олени обитали на территории Украины в течение всего года (Белан, 1983).

Крупные хищники определены по единичным костям. Верхний правый МЗ с обломанными корнями, принадлежавший старому медведю, был найден на южном краю комплекса в культурных остатках, среди которых могли находиться и вещи из раскопа Р. И. Гельвига. Сравнение его с зубами современного *Ursus arctos* показало, что животное, которому принадлежал зуб, было немного крупнее самых крупных представителей вида с Камчатки. Считая возможной корреляцию размера зуба с величиной тела и весом, длина тела медведя определена равной не менее 2,5 м, а вес – более 500 кг (Мащенко, 2013, с. 13). Вероятно, в раскопе В.М. Щербаковского той же особи принадлежала передняя часть нижней челюсти с обломанным клыком и отверстием, сделанным для подвешивания (рис. 97, 7).

В. М. Щербаковский упомянул и об отдельных зубах пещерного медведя, которые, как и фрагмент челюсти, были найдены в жилище (Щербаковский, 1919, с. 70). Медведь был установлен и по каким-то костям из раскопок 1977–1979 гг., взятым в Институт зоологии АН УССР

(Белан, Корниец, 1983). То же касается волка. Одна из костей волка – большая берцовая, найдена в яме 10. В киевской коллекции определены также кости росомахи.

Мелкие животные представлены костями песца, донского зайца и сурка. Трудно судить о количественном соотношении этих животных в добыче. Их разделявали и в жилище, и на производственном участке, а возможно и на более отдаленных местах склона. Большинство костей мелких животных сохраняла анатомическую связь частей скелета: позвоночника, грудной клетки, конечностей. И. Г. Пидопличко на основании всех коллекционных сборов с Гонцовского поселения, включая раскопки И. Ф. Левицкого, кроме животных, упомянутых выше, отметил рысь (Пидопличко, 1969, с. 51). Наличие рыси указывало на существование в окрестностях поселения участков леса (Пидопличко, 1969, с. 52). Это подтвердили пыльцевые определения по материалам ямы 10.

ДРУГИЕ ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ОКРЕСТНОСТЯХ ПОСЕЛЕНИЯ

Жилищно-хозяйственный комплекс 2

При вскрытии И. Ф. Левицким края раскопок Р. И. Гельвига обнаружались две хозяйственные ямы. Стало очевидным, что яма, обозначенная В. М. Щербаковским номером IV, не связана с открытым им жилищем. Она находилась вне окружности, описываемой остальными ямами. Но, как оказалось, эта яма вместе с ямами в краевой части раскопа Р. И. Гельвига образует отрезок дуги другой окружности. Края новой дуги были обращены в сторону, противоположную жилищу 1 – к югу. Эти данные и обнаружение Р. И. Гельвигом до 40 черепов и множества других костей мамонта (Щербаковський, 1919, с. 62) позволили И. Ф. Левицкому считать, что к югу от жилищно-хозяйственного комплекса 1 существовал подобный же комплекс (Левицкий, 1949, с. 228). Ориентировочная кривизна дуги из трех ям и размеры раскопа Р. И. Гельвига свидетельствуют о том, что размеры центральной части комплекса 2, состоявшей из жилища и окружавших его ям, могли быть почти тождественны ядру комплекса 1 (рис. 100).

Размеры ямы 1 (ямы IV, по В. М. Щербаковскому), были определены В. М. Щербаковским в 7 кв. м (Щербаковський, 1919, с. 72), а в рукописном отчете – 4–5 кв. м (Раскопки... Л. 5, 6). В яме отмечены 3 крупных части черепов, 2 зуба, 5 крупных бивней, лопатка, 4 больших берцовых кости, эпифиз бедра. С костями найдены кремневый нуклеус, 7 скребков, 6 резцов, неопределенное орудие, некоторое число отщепов и обломанная пластина из бивня (Щербаковський, 1919, с. 72, 73). При исследовании, проведенном И. Ф. Левицким, установлено, что овальная в плане яма по длинной оси ССЗ-ЮЮВ имела 1,7 м, а глубина ее равнялась 0,67 м. И. Ф. Левицкий отметил в яме кости мамонта: 3 бивня и обломки бивней, 8 частей разбитых черепов, обломки зубов, 3 целых и 2 обломка лопаток, локтевую, бедренную, большую берцовую, плечевую кости, обломки тазовых костей и ребер. Имелись также разрозненные кости байбака. Были собраны 15 кремневых отщепов, двойной резец, скребок, кусочек красной краски. Попадались костные угли.

Эта яма была сходна с ямой 10 комплекса 1. Обе они содержали относительно мало костей, так что группы костей и одиночные кости «зависали» в суглинистом заполнении. Кроме того, яма 1 комплекса 2 также

содержала большие по площади песчаные прослойки. Но они имели в ней не блюдцеобразную, а коническую форму. Пять конических прослоек толщиной 0,5–4 см были как бы вложены друг в друга. Верхняя прослойка слегка западала под выше лежавшие бивни, покрывая площадь около 2 кв. м и, выходя с юга из ямы, спускалась по склону. Три следующие прослойки были разделены интервалом 15–18 см. Сходившая на конус пятая прослойка заканчивалась в 3–4 см от бивня, лежавшего на дне ямы.

И. Ф. Левицкий считал, что яма имела не только хозяйственное назначение. Вначале она служила также своего рода убежищем, в конструкцию которого входила часть костей. Но еще раньше в ней захоронили и заложили костями череп мамонта. На рисунках отражено в профиле и плане положение только некоторых костей (Левицкий, 1949, рис. 12). На фотографиях показано заполнение ямы в том виде, как оно было обкопано в 1915 г. (Левицкий 1949, табл. IV, 3; V, 16).

Лучше сохранился контур крутой восточной стенки. На дне ямы лежал бивень, конец которого выходил на поверхность. Рядом с ним в середине ямы лежали обломки разбитого черепа мамонта с хорошо сохранившейся передней частью с бивневыми альвеолами. У северной и западной стенок находились большая берцовая и бедренная кости. Возле бедра к стенке ямы прилегала лопатка, поверх нее горизонтально лежала вторая, обращенная анатомически внешней поверхностью вверх. В таком же положении находилась третья лопатка, встреченная с юго-запада от второй. Над юго-западным краем ямы были плотно приложены друг к другу целый и отломанный бивни животных разного возраста. На верх заполнения ямы были положены два больших бивня, которым, по впечатлению И. Ф. Левицкого, как будто бы придали позицию, занимавшуюся ими при жизни животного. Концы бивней широко расходились к западу от центральной части ямы (Левицкий, 1949, с. 225–227, рис. 12; табл. IV, 3; V, 16).

Яма 2 была обнаружена на кв. XXI в северо-западном углу раскопа Р. И. Гельвига. Возле нее имелась камышовая наброска, которой помощники Р. И. Гельвига прикрыли участок культурного слоя с остатками кострища, обломками костей и кремневыми отщепами. Юго-западный край ямы сохранился полностью, остальная часть до середины. До глубины 60–65 см стенки ямы были вертикальными. Ее первоначальные размеры: глубина -1 м, диаметр по верху и по середине -1,4 м, в нижней части -0,95 м. Дно имело подквадратную форму. На стенках ямы, по словам И. Ф. Левицкого, прослеживались следы землекопного орудия в виде углублений неправильной конической формы (Левицкий, 1949, с. 227–228). Яма 3, находившаяся в северо-восточном углу раскопа

Р. И. Гельвига, была выявлена в разрезе стенки раскопа 1935 г. на участках XXI и XXII. Сообщается только, что ее размеры были сходным с ямами 1 и 2 (Левицкий, 1949, с. 228).

Вероятность наличия в пределах раскопа Р. И. Гельвига остатков жилища подтверждается выявлением дуги из ям, аналогичных ямам комплекса 1, а также соотношением числа черепов мамонта в ямах и конструкции жилища 1. В 6 ямах комплекса 1 имелось 5 черепов, в ограждении – 27. При сходных соотношениях 40 черепов, числящихся в жилищно-хозяйственном комплексе 2 (Щербаковський, 1919, с. 62), могли составить комплект, подобный установленному в комплексе 1. Величина и очертания места земляных работ Р. И. Гельвига соответствуют площади, на которой могло поместиться ядро комплекса 1: жилище с окружающими его ямами (рис. 100).

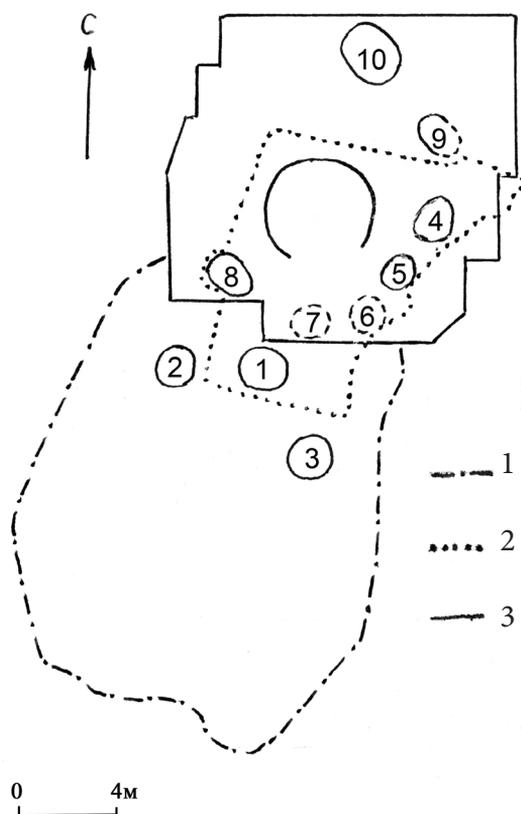

Рис. 100. Положение объектов комплексов 1 и 2

1 – граница раскопа Р. И. Гельвига; 2 – раскоп В. М. Щербаковского;
3 – раскопки 1977–1985 гг.

Раскопки Р. И. Гельвига, направленные главным образом на сбор костей мамонта, могли привести к полному разрушению ограждения жилища. После того, как раскопщики наткнулись на него в одном месте, им оставалось только последовательно разбирать его по всей окружности. Р. И. Гельвиг мог не только снять основную часть крупных костей на месте жилища, но и вынуть многие кости из ям. В большей степени его, видимо, интересовали черепа и некоторые другие сохранившие прочность крупные кости. Но часть костей ограждения жилища и значительные участки культурного слоя на полу должны были сохраниться. По всей вероятности, остались неразобранными нижние половины ям, как показали остатки ямы 2. Не исключена и полная сохранность 1–3 ям у западного края раскопа Р. И. Гельвига. Это возможно в том случае, если этот край совпадал с обозначением его на плане, составленном В. М. Щербакским (рис. 101). Положение края могла определять прямая тропа, которая использовалась в период наших работ, если она существовала в начале XX века.

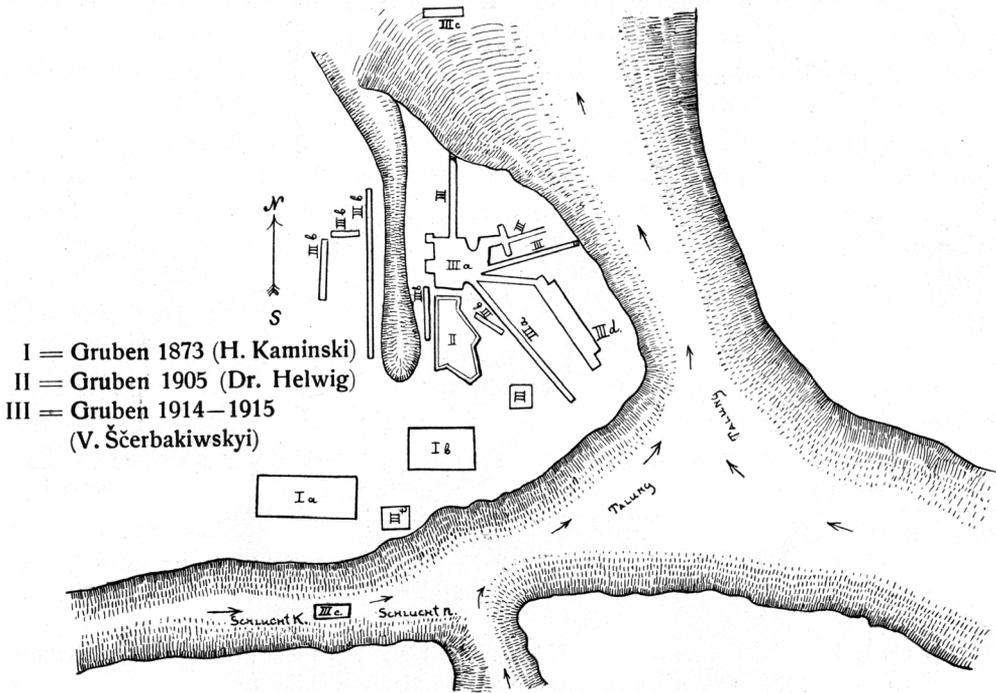

Рис. 101. План земляных работ в Гонцах в последней трети XIX – начале XX вв. (по: Scherbakivski, 1926. Abb. 1V)

Культурные остатки в хозяйственных ямах 1871 и 1873 гг.

К югу от раскопа Р. И. Гельвига в конце 20 в. были хорошо видны следы нескольких ям, выкопанных в последней трети XIX в. В начале исследований Л. А. Яковлевой и Ф. Джинджана вместе с ямами от предшествовавших раскопок они были сравнены с поверхностью. Это вынуждалось появлением в те годы массы бытового мусора, от которого невозможно было оградить любые углубления на месте поселения. Но и раньше наличие следов ям не позволяло уверенно определить, кем и когда они были выкопаны. Это отметил еще И. Ф. Левицкий (Левицкий, 1949, с. 197).

По свидетельству В. М. Щербаковского, яма, обследованная Ф. И. Каминским, отстояла на несколько метров от раскопок Р. И. Гельвига. (Раскопки..., Л. 1). Эта яма показана и на плане в его публикации (Щербаковский, 1919, рис. 3). Все ямы изображены на том же плане с пометкой «К» как выкопанные Кирьяковыми. Не обозначена яма 1871 г., часть костей из которой была перевезена в Лубенский музей и послужила поводом к приезду Ф. И. Каминского в Гонцы в 1873 г. К этому времени она была засыпана. На архивных планах В. М. Щербаковского (НА ІА НАНУ, ф. 10, № 61) ближайшей к раскопу 1904–1906 гг. изображена яма 4х3 м с пометкой «К». На плане поселения, составленном И. Ф. Левицким, эта яма отстоит на 6,5 м от отвалов раскопа 1904–1906 гг., но отмечена как вырытая В. М. Щербаковским (рис. 6). К юго-западу от нее находилась большая яма, имевшая на плане В. М. Щербаковского форму прямоугольника, а на плане И. Ф. Левицкого – квадрата. И. Ф. Левицкий изобразил и ориентировал ямы точнее.

План, приведенный В. А. Городцовым, схематичнее (Городцов, 1926, рис. 2). Крупные ямы ориентированы на нем с еще большим отклонением к востоку, непосредственно к линии запад-восток. На нем не показана малая яма возле раскопа Р. И. Гельвига. Но между этим раскопом и двумя крупными ямами изображены три ямы, отсутствующие на планах В. М. Щербаковского и И. Ф. Левицкого. Принадлежность ям не обозначена. Они могли быть вырыты и случайными копателями.

С именем Ф. И. Каминского, как отмечено, были связаны две ямы. Первая была выкопана Г. С. Кирьяковым в 1871 г., как и все остальные ямы собственников земли, в хозяйственных целях. Встреченные в ней кости мамонта и других животных послужили поводом приезда Ф. И. Каминского в Гонцы. Яма, из которой происходили кости, в 1873 г. засыпали. Но тогда же вблизи нее выкопали другую, в которой также встретилось много костей. Это дало возможность Ф. И. Каминскому не

только осмотреть сохранившиеся у Кирьяковых вещи из старой ямы, но и проследить залегание культурных остатков.

Ход работы Ф. И. Каминского подтверждает, что обследованная им яма действительно была небольшой. Он обкопал ее по периметру до уровня культурного слоя и на образовавшейся таким образом ступеньке общей площадью около 1 кв. сажени расчистил культурные остатки и провел наблюдения (Каминский, 1878, с. 147, 148). На это был потрачен день. Периметр стен ямы, ближайшей к раскопу Р. И. Гельвига, составляет 12–14 м. Ширина ступеньки вдоль стен, подготовленной для осмотра культурных остатков, едва ли превышала 30 см. Длина стен квадратной ямы равнялась около 30 м. Выполнить в ней поставленную задачу за один день было бы невозможно.

До поездки в Гонцы Ф. И. Каминский, заинтересовавшись археологией, в течение нескольких лет приобрел опыт полевых работ (Супруненко, 2000, с. 52, 53). Это заметно и по его стремлению к детальным наблюдениям. Он писал: «Чтобы сколько-нибудь уяснить их (культурных остатков – В. С.) положение я начал обкапывать стены ямы кругом одновременно, насколько возможно не извлекая костей из почвы, сначала лопатой, потом ножом, так как оказалось, что между костями есть очень тонкие, разрушающиеся при сколько-нибудь неловком прикосновении. Когда таким образом кругом обнажилось достаточное количество костей на пространстве около квадратной сажени, то можно было уже заметить, что они лежат пластом – одна на другой и не составляют целых скелетов, а набросаны в беспорядке и принадлежат различным частям различных животных: рядом с опрокинутой нижней челюстью мамонта лежит часть рога оленя, ребра различных животных, зубы и т.п.; большие трубчатые кости все расколоты или разбиты, верхние челюсти мамонта без бивней и без черепных чашек, преобладает часть верхней челюсти, в которой были бивни. Между костями часто попадаются кремни, от которых отбиты несомненно рукою человека осколки в разных направлениях. Некоторые из этих кремней были в верхнем слое костей, другие в среднем, большая же часть в нижнем.

Одна сторона ямы, западная, особенно привлекла мое внимание: по ней проходит едва заметный слой, незначительно выше уровня костей, в $\frac{1}{2}$ аршина толщиной, не резко обозначающийся, но отличающийся грязноватостью, несколько напоминающий своим видом почву сорной кучи. Я очень осторожно начал его раскапывать и тщательно просматривать каждую щепотку. Оказалось, что он состоит из множества кусочков, начиная от самых мельчайших: обугленных костей, мелких обломков бивней, зубной эмали, осколков кремней, костей мелких животных и т.п. В этом слое, рассмотренном мною в объеме не больше

кубического аршина, найдены, между прочим, кроме слишком мелких, следующие по-видимому неудавшиеся или испорченные каменные орудия и осколки числом 47, также костяное шило и костяное острие» (Каминский, 1878, с. 147, 148).

К. М. Феофилакт в своем сообщении на том же третьем археологическом съезде дополнил наблюдения Ф. И. Каминского, отметив, что в яме с участка не более четырех кв. саж., судя по числу зубов и челюстей, были собраны кости по крайней мере шести мамонтов (Феофилакт, 1878, с. 157). В яме, выкопанной в 1871 г. Г.С. Кирьяковым в хозяйственных целях, также встретилось много крупных костей мамонта, часть которых, переданная в Лубенскую гимназию, где работал Ф. И. Каминский, как раз и послужила поводом для его поездки в Гонцы в 1873 г. Но к этому времени яму засыпали, и на поверхности лежали лишь мелкие обломки костей (Каминский, 1878, с. 147).

В фонде Лубенского музея Е. Н. Скаржинской в Полтавском государственном областном архиве имеется перечеркнутый лист – часть описи (ДАПО, ф. 222, оп. 1, № 3). Она начинается с пункта 204. До пункта 210 перечислены бедренная, большая и малая берцовая кости (принадлежность их не указана, но они, по всей вероятности, относились к мамонту), два позвонка и эпифиз какого-то молодого животного, а также и часть рога северного оленя. Далее подытожено: «29 костей от 5 взрослых мамонтов, 1 м. детенышу, 1 сев. оленю и 1 неопр. жив.». Затем написано, что, кроме этих костей, в Гонцах выкопаны: 1) обломок бивня до 3 аршин длины; 2) до 10 раздаренных костей; 3) кости мелких животных, частью обугленных, и до 50 орудий «из того же мамонтова костяка».

Первая часть отрывка описи с итоговыми подсчетами соответствует определению числа особей мамонта, данному К. М. Феофилактовым по их остаткам в яме 1873 г. Своего рода опознавательной меткой этого года может служить указанный Ф. И. Каминским обломок рога оленя. Вторая часть отрывка, как кажется, в основном относится к яме 1871 г., кости из которой были раздарены. Однако пункт 3 с указанием на орудия, скорее всего, также связан с обследованной ямой, где согласно публикации, собраны 47 каменных изделий, тогда как многочисленные кремни из ямы 1871 г. не собирались и были утеряны (Каминский, 1878, с. 149).

В расчистке по периметру ямы 1873 г. кости «...лежат пластом – одна на другой и не составляют целых скелетов, а набросаны в беспорядке и принадлежат различным частям различных животных: рядом с опрокинутой челюстью мамонта лежит часть рога оленя, ребра различных животных, зубы и т.п.; большие трубчатые кости все расколоты или разбиты, верхние челюсти мамонта без бивней и без черепных чашек,

преобладает часть верхней челюсти, в которой были бивни. Между костями часто попадаются кремни... некоторые из этих кремней были в верхнем слое костей, другие в среднем, большая же часть в нижнем» (Каминский, 1878, с. 147, 148).

Наблюдения Ф. И. Каминского в расчистке по периметру ямы дают отрывочные сведения о неопределенных структурах. Все же, исходя из общей ситуации, можно приблизиться к пониманию того, какой фрагмент поселения они отражают. Яма находится в повышенной части мысовидного участка террасы. Раскопки И. Ф. Левицкого показали, что на покатых склонах террасы в виде неплотных концентраций и в разбросанном виде залегало большое количество костей животных, главным образом мамонта. Но среди них не было черепов и как правило отсутствовали бивни, нижние челюсти, лопатки, тазовые кости, относительно редкими были крупные кости конечностей (Левицкий, 1949, с. 217–222). Это подтверждают и современные исследования (Iakovleva et al., 2012, p. 90).

Повышенный участок террасы на значительном исследованном участке был плотно занят жилыми и хозяйственными объектами. Крупные кости мамонта концентрировались на нем в связи с их устройством и функционированием. Пять черепов взрослых мамонтов, найденных в небольшой яме, обследованной Ф. И. Каминским – деталь, определенно не встречавшаяся вне связи с центральной частью жилищно-хозяйственных комплексов. Мощность культурного слоя и его разнообразный состав также свидетельствуют о разрушении в яме нескольких разнородных объектов жилищно-хозяйственного комплекса. С определенностью соотнести наблюдения с какими-либо объектами имеющиеся сведения не позволяют.

Череп мамонта могли относиться и к ограждению жилища, и к заполнению хозяйственных ям. Отмеченные особенности их сохранности соответствуют наблюдаемым у черепов ограждения. Но их положение относительно других культурных остатков слишком неясно. Если отнести все черепа к заполнению хозяйственных ям, то, судя по пропорции ям комплексов 1 и 2, содержащих черепа и без них, внутри ямы 1873 г. не хватило бы места для древних ям, которые в целом содержали бы 5 черепов. Поэтому черепа могли относиться и к ямам, и к ограждению жилища, и к каким-либо иным сооружениям. Состав мелких культурных остатков характерен для отложений на полу жилища, но в большей мере – для выбросов мусора в хозяйственные ямы. Для ям характерно также положение пластом целых и обломанных костей разных животных. Наличие нескольких древних хозяйственных ям на месте работ Ф. И. Каминского вполне возможно. Если они имелись, в 1873 г. расчищался, должно быть, только их верх.

В наиболее повышенной юго-западной части поселения находятся самые крупные ямы, вырытые в XIX в.,— квадратная и прямоугольная. Как отмечено в подписи к плану раскопок В. М. Щербаковского они, наряду с ямой 1873 г., обозначены как ямы Кирьяковых (Щербаковский, 1919, рис. 3). И. Ф. Левицкий пометил эти ямы как раскопы Ф. И. Каминского (Левицкий, 1949, рис. 1) или ямы 1873 г. (НА ІА НАНУ, ф. 12, рулон).

После 1873 г. археологические раскопки в Гонцах могли быть проведены в 1879 г. Хотя прямых указаний на это нет, обращает на себя внимание подзаголовок в описи гонцовских находок 1870–1880 гг.: «Каменные орудия и другие предметы, найденные вместе с костями мамонта в с. Гонцах Лубенского уезда в 1879 году Г. С. Кирьяковым» (Каталог..., № 2–3). Под 1879 годом числятся 82 кремневые изделия, находившиеся между мамонтовыми костями, два предмета из гранита и бурый железняк-краситель.

Открытие, сделанное на его усадьбе и с его невольным участием, несомненно, произвело на Г. С. Кирьякова большое впечатление. Но Ф. И. Каминский только мелькнул в Гонцах, взяв с него обещание сохранять древнюю стоянку (Каминский, 1878, с. 150). На долгие годы он втянулся в музейную работу и исследование других памятников. Сам же Г. С. Кирьяков к концу 1870 гг. расширил свои научные представления и приобрел некоторый опыт археологических работ. Он уже не допустил бы такую оплошность, как разрешение детям собирать кремль из ямы, выкопанной им в 1871 г., для своих игр. У него вполне могло возникнуть желание получить материалы из собственных раскопок. К тому же предметы из ям 1871 и 1873 гг. разошлись по коллекциям, и как коллекционер Г. С. Кирьянов должен был ощущать некоторый вакуум.

В описи 1870–1880 гг. числятся кости мамонта: 3 или 4 верхние челюсти с зубами и без них; целая и две крупные части нижних челюстей; 5 крупных костей конечностей; верхняя часть локтевой кости с углублением в головке; 3 лопатки; 8 тазовых костей и ребро. Отмечены также две части ребер, два позвонка и часть рога северного оленя (Каталог..., № 2–3). Несмотря на то, что опись должна была включать все учтенные кости за десятилетие, черепов мамонта в ней указано почти вдвое меньше, чем только в яме 1873 г. Представляется, что основу описи составляли кости из раскопа 1879 г., к которым были присоединены отдельные, не переданные в коллекции и вновь разысканные предметы из ям 1871, 1873 гг. и других сборов.

Наиболее вероятным местом раскопок могла быть квадратная яма (рис. 6). Она располагалась непосредственно возле ям 1871 и 1873 гг., где проведение раскопок было перспективным. На планах имеется еще

одна большая яма, но она определенно связана с другими раскопками. Ввиду пространственной близости квадратной ямы и более ранних ям, найденное в них значительное количество костей мамонта и других остатков могло относиться к еще одному, третьему жилищно-хозяйственному комплексу.

Раскопки Е. Н. Скаржинской

В 1883 г. место с остатками палеолитического поселения перешло в собственность К. М. Скаржинской, родственницы Г. С. Кирьякова. В ее общие планы входили и раскопки памятника. Руководить ими мог Ф. И. Каминский, работавший в ее частном музее – основе будущего Лубенского краеведческого музея. Представляет чрезвычайный интерес, как они могли быть проведены. Но работы откладывались из-за болезни и занятости Ф. И. Каминского делами по музею Е. Н. Скаржинской. В марте 1891 г. он умер, а в мае при выкапывании ямы для погреба встретился мощный культурный слой (Супруненко, 2000, с. 105). Местом работ могла быть, по-видимому, лишь большая удлиненная яма в юго-западном конце площадки поселения (рис. 3). Возможно, не случайно она вырыта на отдалении от других ям. В этом как-бы усматривается расчет не нанести ущерб остаткам древнего поселения, которые могли не ограничиваться пределами выкопанных ранее ям.

Как бы то ни было, собственные интересы Е. Н. Скаржинской и работа в контакте с Ф. И. Каминским сказались и в характере сделанных наблюдений, и в их документации. Расчистка культурных остатков отмечена в аккуратно составленной описи, содержащей отдельные важные моменты в состоянии и положении предметов. «На глубине 3,8 аршин в траншее был найден круглый, до 2-х саженей, совершенно правильно сложенный и сохранившийся кухонный очаг, с золой, углем, цельными бивнями и отчасти обугленными, разбитыми и расколотыми костями мамонта и других животных и массой кремневых орудий и осколков».

«Кости мамонта:

Верхние челюсти – 1 кусок с зубом, совершенно пережженный и 8 головных черепных кусков, заполненных лессом.

Нижние челюсти – 3 куса с зубами, пережженные, 3 куса без зубов.

Бивни – 18 целых, все не удалось вынуть и сохранить. Вошли в коллекцию; 1 кусок длиной более 1 м, толщиной около 18 см, 4 куса по 18–36 см длины.

Зубы – 3 больших (один пережженный), 3 малых, 2 сильно пережженных куска.

Плечевые кости – 1.

Локтевые кости – 1 кусок (мамонт?).

Тазовые кости – 1.

Позвонки – 3, пережженные, 1 совершенно пережженный, 1 хвостовой позвонок, отчасти обугленный, со следами надрубков.

Кости других животных:

Медведь – три зуба.

Волк – три зуба.

Собака – кости...

Лошадь – бедренная кость.

Грызун – кости грызуна.

Птица – кости...» (Кости мамонта..., л. 5, 6).

И. Г. Пидопличко, обработавший все фаунистические сборы по Гонцовскому поселению до 1935 г., не упоминал о собаке, отметил только кости волка (Пидопличко, 1969, с. 51). В сборах не оказалось и костей лошади, но они водились в то время в Поднепровье. Несколько костей двух лошадей числятся в фаунистических сборах Межирича (Пидопличко, 1976, табл. 1). В то время эти животные, видимо, были редкими в Среднем Поднепровье.

Среди каменных изделий числятся 3 топора из мелкозернистых пород и 3 из кремня, 8 нуклеусов, 53 скребка, 6 наконечников стрел, 6 буравчиков, 80 ножевидных пластинок и 407 осколков и острий (Каменные и кремневые орудия., л. 7). Эти сведения, несмотря на архаическое определение изделий, дают некоторое суммарное представление о коллекции. Относительно целые нуклеусы, скорее всего, действительно были малочисленны, правильно могла быть выделена основная часть скребков и ножевидные пластины. Процент орудий, из которых резцы затерялись среди «буравчиков», пластин и других категорий, мог быть довольно высок.

Согласно приведенным данным, пятно культурных остатков правильной округлой формы диаметром около 4 м содержало большое количество золы, угля, кремневых изделий и отходов производства. В этом скоплении находились большая группа целых, не затронутых огнем бивней, нижние челюсти и части черепов мамонта. В культурном слое собрано значительное количество кремневых изделий. При современной изученности поселений, культурно близких Гонцовскому, эти детали определенно свидетельствуют о вскрытии в раскопках Е. Н. Скаржинской остатков жилища. Слова в описи о том, что «кухонный очаг» был совершенно правильно сложен, подчеркивают четкость формы концен-

трации и, возможно, регулярность в расположении бивней. В стенках раскопа могла сохраниться часть конструкций ограждения жилища, а в полу – ямки, если они имелись.

В концентрации встретились кости мамонта с пробоинами. Поскольку производители работ связывали пробоины с извлечением мозга, имелись в виду крупные трубчатые кости со вскрытым на конце диафизом. Одна из таких костей, врытая внутри гонцовского жилища возле черепов 74 и 75, описана выше. Подобные кости, наряду с плоскими костями с отверстиями, могли выполнять различную роль в конструкции жилищ и в приспособлениях. Отслужившие по назначению кости с отверстиями встречаются в ямах. Крупные кости конечностей с отверстием, в большинстве глухим, широко использовались как отдельные элементы обустройства жилищ на Межиричском поселении (Пидопличко, 1976, с. 116–129).

В гонцовском объекте слабо представлены кости ограждающих конструкций. Но небольшое количество костей было использовано и при сооружении жилищ 2 и 3 Добраничевки. В развале жилища 2 в средней части имелось лишь несколько крупных костей, а ограждение составляли 4 или 5 вкопанных черепов, часть позвоночного столба и 2–3 крупных фрагмента костей мамонта. В остатках жилища 3 к внутренней части относились до 20 крупных костей, а к ограждению – 2–3 черепа и до 10 трубчатых и плоских костей. Эти жилища имели округлую форму и диаметр около 4 м (Шовкопляс, 1967; Шовкопляс, 1972, с. 179–182). В гонцовском жилище более значительным комплексом костей была представлена конструкция перекрытия, а в добраничевских жилищах – ограждающие конструкции. При этом ограждение гонцовского жилища нельзя считать полностью раскрытым.

Следы деятельности человека в окрестностях поселения

В глубине оврага к юго-востоку от древнего поселения после войны были обнаружены кости мамонта. В начале 1950-х гг. Лубенский музей произвел там небольшие раскопки. Полевая документация не составлялась, найденные кости были доставлены в музей. Место их находки было указано нам жителем с. Духовое Тереминко. Оно заросло лесом и не видно с Гонцовского поселения. С использованием компаса и измерения в шагах положение пункта было приблизительно определено в 105–108 м к юго-востоку от западного края хорошо заметной второй зачистки И. Ф. Левицкого во втором овраге (рис. 7). От восточного края комплекса 1 пункт находится на расстоянии около 145–150 м в том же направлении.

Небольшие музейные раскопки пересекли оставшуюся после каких-то работ узкую острую гриву между двумя овражками. Нами был срезан откос, сохранившийся вдоль края раскопа и получен разрез по линии северо-восток – юго-запад:

1. Дерн – около 0,1 м.
2. Бурый неслоистый суглинок – 0,3–0,5 м.
3. Тот же слой с включениями подзола, идущими ниже.
4. Пласт, состоящий из прослоек бурого суглинка и светло-серого песчанистого суглинка толщиной по 1–3 см. Прослойки западают к юго-западу. Мощность пласта до 2,5 м.
5. Переслаивание бурого и голубовато-серого тяжелого суглинка. Падение их менее крутое. В двух местах хорошо выражена просадка грунта, в ослабленном виде заметная и выше по разрезу. Мощность вскрытой части пласта 0,6 м.

Культурные остатки залежали в слое 5 и были расчищены на площади около 4 кв. м. Встречены кости мамонта и несколько костей мелкого животного или мамонтенка (рис. 102). Кости залежали в одном горизонте, хотя уровни некоторых соседних костей заметно различались. Встречены несколько крупных частей ребер, обломок лопатки, куски трубчатых костей, анатомическая группа из локтевой и лучевой костей. Наиболее многочисленными были кости стоп мамонта. Угля, золы, следов краски не найдено. Отсутствие анатомического порядка в размещении костей, ясные следы сколов, наблюдавшиеся на многих из них и наличие отщепы, по случайности не зафиксированного на плане, свидетельствуют о связи местонахождения с деятельностью человека.

В окрестностях древнего поселения вероятно наличие и других пунктов, сохранивших следы пребывания человека. И. Ф. Каминский писал: «Сообщил мне также Кирьяков, что в сажнях во ста от ямы (имеется в виду яма 1873 г., обследование которой привело к открытию древнего поселения), когда строили ледник на месте старого погребя, тоже находили кости мамонта; на старом кирпичном заводе, по тому же склону, тоже часто попадались кости, словом, где ни копали в его усадьбе землю до значительной глубины, везде наталкивались на кости вымерших животных» (Каминский, 1878, с. 149). Места, о которых шла речь, находились на каких-то других участках террасы, не относящихся к изучаемому памятнику.

По свидетельству местных жителей, кости мамонта встречались и ближе к месту раскопок поселения. В частности, указывали на двор первой от раскопа усадьбы с. Духовое, находящейся слева от дороги, ведущей мимо древнего поселения в село. Возможности провести там шурфовку у нас не было.

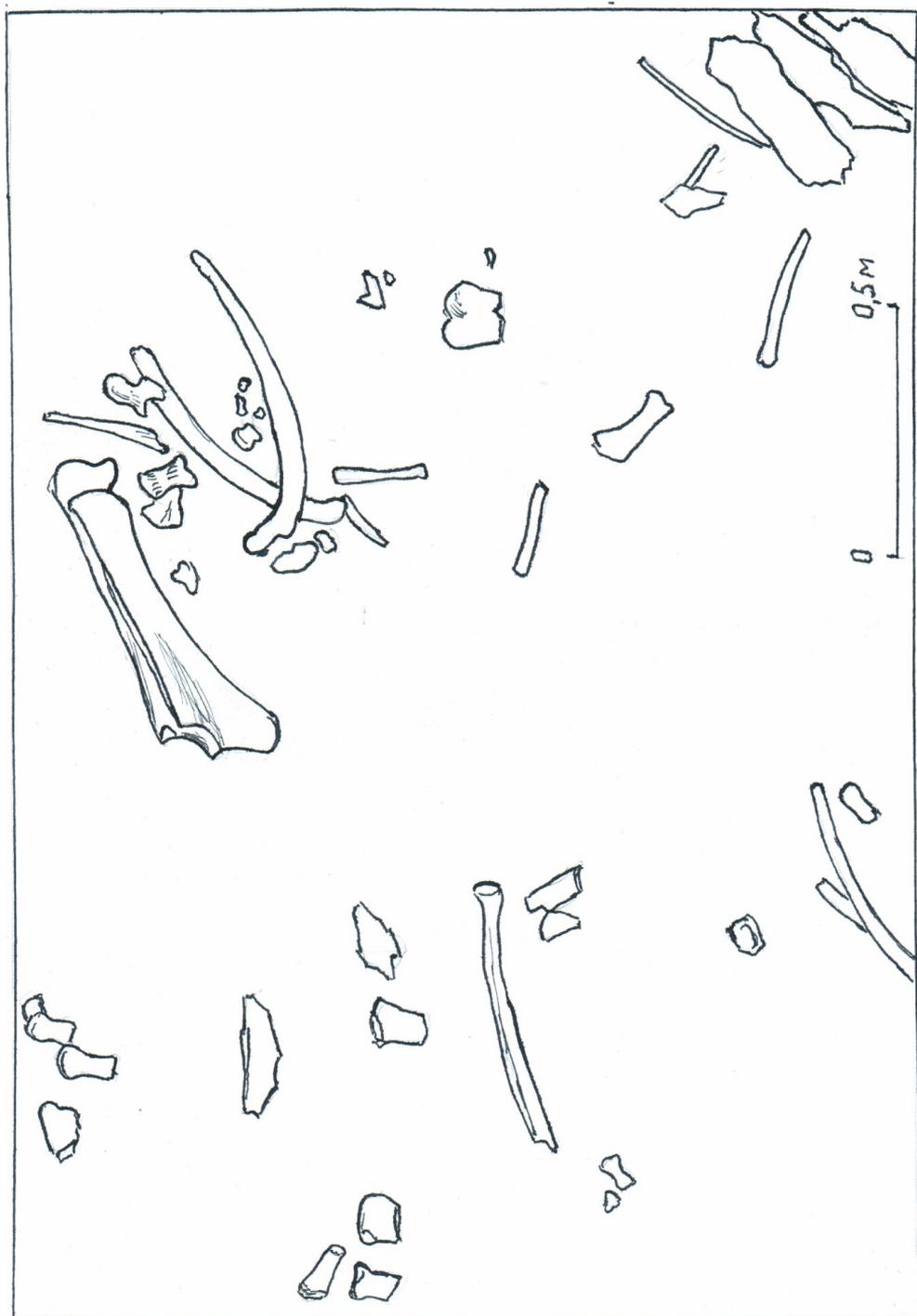

Рис. 102. Местонахождение костей мамонта к югу от поселения за оврагом 2

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1977–1985 гг. на Гонцовском поселении исследовался жилищно-хозяйственный комплекс 1. Основу работ составило повторное вскрытие объектов, законсервированных в 1915, 1916 гг. Были выявлены и в разной степени изучены еще несколько объектов и участков культурного слоя. Полученные материалы, дополненные сведениями, сообщенными В. М. Щербаковским и В. А. Городцовым, позволяют сравнительно полно и точно осветить основные особенности комплекса.

Комплекс находился на повышенном участке второй надпойменной террасы р. Удай, протянувшемся к северу. Он состоял из жилища, окруженного семью хозяйственными ямами. Промежуток между жилищем и ямами образовывал подобие двора с малочисленными мелкими культурными остатками и без следов разведения огня. Огонь использовался за ямами, где имелся производственный участок для выполнения разнообразной работы. В этом отношении производственный участок мог в значительной степени заменять жилище в теплое время года.

Ограждающие жилище конструкции состояли из вкопанных или уложенных черепов мамонта. С западной и северной сторон, обращенных в открытую долину, черепа были обложены лопатками и некоторыми другими костями. Для фиксации покрытия жилища кроме бивней использовались лопатки и некоторые другие кости мамонта с пробитыми отверстиями. Длина ограждения равнялась немного более 5 м, ширина – около 5,5 м, а размеры пола, соответственно, около 3,3 и 4 м. Из 28 черепов, найденных в развале жилища, четыре не относились к его конструкции. Два черепа были связаны с оборудованием очага, а остальные могли использоваться в бытовых целях. Наземный очаг был срыт в 1914 г., но положение очажной массы со слов В. М. Щербаковского нанес на план В. А. Городцов. Оно согласуется с размещением приочажных конструкций.

Входной проем жилища, шириной до 2,5 м, был обращен к югу, создавал удобства в теплый период. Способ его сокращения в остальное время не оставил каких-либо следов. Пол жилища для придания ему горизонтального положения был углублен на 0,2–0,4 м у восточной стены и на 0,2–0,25 м на небольшом участке к западу от входа.

На полу, под завалом неразобранной в 1915 г. части костей со стены жилища, сохранился небольшой участок культурного слоя. Он представлял собой плотное скопление мелких обломков костей, золы, костного угля, кремневых и костяных изделий, изредка – комочков охры, янтаря и др. Мощность его составляла до 10 см. В жилище найдены 118 кремневых орудий, а в целом количество кремневых изделий могло быть око-

ло 1015 единиц. Общее расчетное минимальное количество кремневых изделий в комплексе равнялось 2363 экз., из них – 272 орудия. Внутри жилища найдено большинство изделий из кости, имевшихся в комплексе. Обнаруженные в полу пять ямок имели различное заполнение, в двух случаях – многослойное.

Из ям, окружавших жилище, по количеству изделий из кремня, а отчасти и кости, выделялись ямы 4 и 5. Это было связано с тем, что они примыкали к производственному участку, центральная часть которого с двумя углубленными очагами была раскопана И. Ф. Левицким в 1935 г. Все ямы, кроме ям 10 и 8, были плотно заполнены костями животных, золой костным углем и другими остатками. В яме 10 относительно малочисленные культурные остатки находились в четком стратифицированном положении, благодаря чему с помощью пылецевого анализа было установлено заполнение ямы в течение четырех лет. Фаунистические остатки из жилища и ям, кроме мамонта и северного оленя фиксируют наличие бизона или зубра, широкопалой лошади, бурого медведя, волка, россомахи, песца, донского зайца, сурка.

Кроме комплекса 1 к югу от него могли последовательно располагаться еще три подобных же комплекса. Один из них – на месте раскопок Р. И. Гельвига, второй – на участке насыщенного культурного слоя, исследованного Ф. И. Каминским, и третий – на месте остатков жилища, раскопанного Е. Н. Скаржинской

В раскопках Л. А. Яковлевой и Ф. Джинджана изучены шесть жилищ, находившихся к северо-западу и северу от комплекса 1. Они имели разные размеры и форму в плане. Пять жилищ располагались скученной группой, а одно, наименьшее, было помещено в промежутке между хозяйственными ямами комплекса 1. Разнообразие формы построек объясняется более свободным подходом обитателей к устройству поселения, не скованным определенным «стандартом», проявляющимся в комплексах синхронных поселений Среднего Днепра – Десны (Iakovleva, Djindjian, 2005, p. 203–204). Возле всей группы жилищ имелись несколько хозяйственных ям, очагов и других мелких объектов. На основе проведенных работ и предшествующих раскопок Гонцовское поселение представлено как памятник, состоявший из семи жилищ: жилища комплекса 1 и шести вновь обнаруженных жилищ (Iakovleva, Djindjian, 2021, p. 7–8).

Нельзя при этом не заметить, насколько четко спланированный обширный комплекс 1 контрастирует на предлагаемом плане поселения комплекс 1 тому единству, которое по разнообразию форм, размеров, взаиморасположению и малочисленности вспомогательных объектов составляет новая группа жилищ. В отличие от них, в комплексе 1 действительно выдерживается определенный стандарт построения жили-

ща, состава и планировки объектов, характерный для Добраничевки, Межирича и некоторых других поселений. По всей вероятности, комплекс 1 не имел отношения к жилищам, раскопанным позднее. На террасе в тесном соседстве обнаружены остатки двух разных поселений.

Одно поселение появилось раньше и, как Добраничевка и Межирич, состояло, должно быть, из четырех комплексов, подобных комплексу 1. Оно занимало наиболее удобную среднюю полосу повышенной части террасы. После ухода людей, когда развалины жилищ и ямы, вероятно, еще четко выделялись на поверхности, появилась другая группа людей той же культуры, но усвоившая иные традиции строительства, размещения жилищ и хозяйственного обустройства поселения. Кучное положение жилищ и малочисленность вспомогательных хозяйственных объектов на новом поселении могло быть отчасти связано с недостатком места, удобного для их размещения. Но это не устраняет глубоких различий с комплексом 1 и, должно быть, с другими еще не изученными комплексами.

Относя жилище комплекса 1 вместе с вновь открытыми жилищами к новому поселению, Л. А. Яковлева и Ф. Джинджан отметили, что при его исследовании была упущена возможность определить, не использовалось ли оно повторно (Iakovleva, Djindjian, 2005, p. 201). В связи с этим нужно отметить, что небольшой участок хорошо сохранившегося культурного слоя на полу центральной части жилища был вполне однородным, не расслоенным.

Кроме изучаемого памятника, в районе сел Гонцы и Духовое вероятно обнаружение также и других близких по времени мест обитания или какой-либо деятельности людей. Они могут быть связаны, в частности, с пунктами нахождения четвертичной фауны, наличие которых отмечено еще Ф. И. Каминским.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметгалеева Н. Б., Сергин В. Я., Машенко Е. Н. Обработанная кость из раскопок 1970–1980-х гг. поселения Гонцы (Украина, Полтавская область) // КСИА. Вып. 235. 2014. С. 152–187.
- Белан Н. Г. Позднеплейстоценовый северный олень Поднепровья // Вестник зоологии. № 5. К., 1983. С. 20–26.
- Белан Н. Г., Корниец Н. Л. Итоги предварительного изучения стоянки Гонцы по материалам раскопок 1977–1979 гг. // Вестник зоологии. № 5. К., 1983. С. 74.
- Борисковский П. И. Палеолит Украины. М.; Л., 1953 (МИА. № 40).
- Гавриленко І. М. Вадим Щербаківський та дослідження Гінцівської пізньопалеолітичної стоянки // Кам'яна доба України. Вип. 4. Київ-Полтава, 2003. С. 53–81.
- Городцов В. А. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // Тр. Отд. археологии РАНИОН. Т. 1. М., 1926. С. 5–35.
- Ефименко П. П. Дородовое общество. М.;Л.: Соцэкгиз, 1934.
- Ефименко П. П. Первобытное общество Л.: Соцэкгиз, 1938.
- Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев: АН УССР, 1953.
- Каминский И. Ф. Следы древнейшей эпохи каменного века на р. Суле и ее притоках // Тр. III АС. К., 1878. Т. 1. С. 147–152.
- Левицький І. Ф. Гонцівська палеолітична стоянка // Палеоліт і неоліт України. – К.: Вид-во АН УРСР, 1949. Т. 1. С. 197–147.
- Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: Наукова думка, 1976.
- Сергин В. Я. Раскопки жилища на Гонцовском палеолитическом поселении // КСИА. Вып. 165. 1981. С. 43–50.
- Сергин В. Я. Назначение больших ям на палеолитических поселениях // КСИА. Вып. 173. 1983. С. 23–31.
- Сергин В. Я. Новые данные о жилищно-хозяйственном комплексе 3 Межиричского поселения верхнего палеолита // Российская археология. 2013. № 2. С. 5–17.
- Спиридонова Е. А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене / Е. А. Спиридонова; Отв. ред. Н. О. Бадер; АН СССР, ИА. Москва: Наука, 1991.
- Супруненко О. Б. Ф. І. Камінський – дослідник пам'яток археології Полтавщини // Археологія. 1991. № 3. С. 69–75.
- Супруненко О. Б. Археологія в діяльності першого приватного музею України. Лубенський музей К. М. Скаржинської. Київ-Полтава: Археологія, 2000.
- Феофилактов К. М. О местонахождении кремневых орудий человека вместе с костями мамонта в с. Гонцах на реке Удае, Лубенского уезда Полтавской губернии // Тр. III АС. Т. 1. К., 1878. С. 153–159.
- Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев: Наукова думка, 1965.
- Шовкопляс И. Г. Добраничевская стоянка на Киевщине // Палеолит и неолит СССР. Т. VII. Посвящается 60-летию П.И. Борисковского / Отв. ред.: З.А. Абрамова, Н.Д. Праслов. Л., 1972 (МИА. № 185).

- Щербаківський В. Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914 і 1915 р. // ЗУНТ. Вип. 1. Полтава, 1919. С. 61–78.
- Яковлева Л. А., Джинджан Ф. Новые археологические исследования на позднелитической стоянке Гонцы // ПАЗ. Ч. 3. Полтава, 1995. С. 21–25.
- Iakovleva L., Djindjian F. New data of mammoth bone settlements of Eastern Europe in the light of the new excavations of the Gontsy site (Ukraine) // *Quaternary International* 2005. № 126–128. Pp. 195–207.
- Iakovleva L., Djindjian F., Maschenko E. N., Konik S., Moigne A. M. The late Upper Palaeolithic site of Gontsy (Ukraine): A reference for the reconstruction of the hunter-gatherer system based on a mammoth economy // *Quaternary International* 2012. № 255. Pp. 86–93.
- Iakovleva L., Djindjian F., Moigne A. M. La cabane no 5 du site paleolithique de Gontsy (Ukraine) // *L'Anthropologie* 2021. Vol. 125. Issue 4. Pp. 1–30.
- Scherbakivski V. M., Eine paläolithische Station in Honci. Die Eiszeit, 1926. В. III, Н. II. Leipzig. S. 106–116.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Каталог Собрания археологических и исторических древностей Екатерины Николаевны Скаржинской // Сост. А. П. Зосимович // ДАПО. Ф. 222. Стр. 1. № 2–3.
- Кости мамонта и других животных, вынутых в кострище, открытом Е. Н. Скаржинской, в имении Гонцах, Лубенского у. в мае 1891 г. (Каталог собрания..., л. 5, 6).
- Каменные и кремневые орудия, найденные вместе с костями в кострище в 1891 г. в с. Гонцах, Луб. у. Е. Н. Скаржинской (Каталог собрания..., л. 6, 7).
- Лубенский музей Е. Н. Скаржинской // ДАПО. Ф. 222. Стр. 1.
- Раскопки в с. Гонцах в 1914–1915 гг., произведенные В. М. Щербаковским // НА ІА НАНУ. Ф. 12.
- Шовкопляс І. Г. Отчет о работе Палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР в 1967 году // НА ІА НАНУ. Ф. эксп. № 4867. Л. 5–19.

СОКРАЩЕНИЯ

- АС – Археологический съезд
- ДАПО – Державний архів Полтавської області. Полтава
- ЗУНТ – Записки Українського наукового Товариства дослідження й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині. Полтава
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НА ІА НАНУ – Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України
- ПАЗ – Полтавський археологічний збірник. Полтава
- РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е. А. Спиридонова

Результаты палинологических исследований по палеолитическому поселению Гонцы в Полтавской области

Палеолитическое поселение Гонцы, расположенное в Полтавской обл., изучалось В. Я. Сергиным. Образцы на палинологический анализ отбирались в 1985 г. из отложений ямы 10, преимущественно пробы брались между песчаными прослойками. Со дна ямы был отобран образец 11. Все последующие образцы были отобраны примерно с равными промежутками, что хорошо видно на чертеже ямы. Насыщенность образцов пылью и спорами оказалась очень разной, и, по существу, наиболее полную информацию удалось получить только из проб 11, 8, 3 и 1. Образцы 12, 5, 10 содержали единичные формы пыли и спор. Даже при единичном нахождении в образцах спор и пыли их состав близок более насыщенным пробам. Помимо спор и пыли в пробах постоянно присутствуют единичные угольки, единично встречены спиккулы губок, иногда встречаются даже отдельные кусочки пыльников. По результатам анализа насыщенных пылью и спорами образцов удалось построить палинологическую диаграмму, выделить три различных по составу палинологических комплекса, проследить последовательность их изменения, а также определить прерывистость напластования отложений в яме и определить в разрезе различные этапы межстадиальных ритмов валдайского оледенения.

На основании изменения состава палинологических спектров в изученной толще отложений изучены следующие спорово-пыльцевые комплексы:

I спорово-пыльцевой комплекс

Выделен по образцу 11. В образце встречаются в большом количестве мелкие угольки, спиккулы губок, а также кусочки костей и зола. Сохранность пыли и спор очень различна. Среди древесных пород преобладает пыльца сосны (*Pinus*) 93%. Из других пород в небольшом количестве присутствует пыльца березы (*Betula*) (4,5%) и ольхи (*Alnus*) (около 2%). В группе травянистых растений преобладает пыльца полы-

ней (*Artemisia*) (38%), которая иногда образует небольшие скопления. Чаще это может свидетельствовать на близкое к яме произрастание этих растений. В значительно меньшем количестве встречена пыльца злаков (*Poaceae*) и разнотравья. Споровые растения представлены преимущественно зелеными мхами (*Bryales*) и очень редко – сфагновыми мхами (*Sphagnum*) и папоротниками сем. *Polypodiaceae*.

Судя по данным палинологического анализа, этот нижний горизонт образовался в период времени, когда в районе исследования существовали полуоткрытые ландшафты с широко распространенными растительными сообществами с преобладанием полыней и постоянным участием злаков и разнотравья. На участках с более благоприятными условиями широкое развитие получили только сосновые леса.

II спорово-пыльцевой комплекс

Выделен по образцу 8. В образце присутствуют зола, угольки, единичные спиккулы губок, отмечен пыльник злаков.

В общем составе, по сравнению с предыдущим комплексом, уменьшается роль травянистых растений и увеличивается значение древесных пород. Систематический состав растительности становится богаче.

Среди древесных пород по-прежнему преобладает пыльца сосны (*Pinus*) (74%). В спектре появляется пыльца ели (*Piceae*) в количестве 24%. В небольших количествах отмечена пыльца березы (*Betula*) и единично – дуба (*Quercus*).

В группе травянистых растений при общем сокращении их количества на первое место выходит пыльца маревых (*Chenopodiaceae*) (48%), тогда как содержание пыльцы полыней (*Artemisia*) сокращается до 16%. Также присутствует пыльца злаков (*Poaceae*) и разнотравья. В составе разнотравья много пыльцы сложноцветных (*Compositae*) (13%), среди которых много сорных видов. По-видимому, к сорнякам надо отнести и род *Polygonum* (горец) (5%).

Характер споровых почти не меняется по сравнению с предыдущим комплексом.

Принимая во внимание весь состав палинологического спектра образца 8, можно сказать, что формирование данного комплекса происходило после интервала во времени, что фиксируется в изменении соотношения основных компонентов спектров, появлении пыльцы ели в значимых количествах, а также в присутствии, хоть и единично, пыльцы дуба. Кроме того, в составе трав резко увеличилась роль перигляциального элемента флоры, в данном случае представителей семейства маревых (*Chenopodiaceae*). Подобные изменения в растительном покрове

скорее всего связаны с большей влажностью климата, который, по-видимому, существовал в отсутствующем в разрезе интервале, на что указывает высокая роль ели в составе растительных группировок леса. Вместе с тем доминирование маревых среди травянистых растений связано с возрастанием сухости климата уже в период образования отложений, вмещающих образец 8. Следовательно, состав древесных пород отчасти характеризует реликтовость лесной флоры, отражая условия оптимума межстадиала. Таким образом, формирование отложений, содержащих обр. 8, происходило в наиболее оптимальных условиях, близких к оптимуму межстадиала.

III спорово-пыльцевой комплекс

Выделяется по образцам 1 и 3 из суглинка между прослойками песка в интервале 1,2–1,4 м.

Здесь сохранность спор и пыльцы хорошая. В пробах встречены угольки и органические остатки в немного больших количествах, чем в других образцах. Пыльца маревых и полыней иногда встречается в скоплениях.

В общем составе только в верхнем образце 1 увеличивается роль травянистых растений (до 58%). Общее соотношение всех компонентов спектра остается прежним, как и в предыдущих комплексах.

В группе древесных пород господствует пыльца сосны (*Pinus*) (53–67%), на долю ели (*Picea*) приходится 10–15%. Важно отметить, что только на этом этапе появляется пыльца березы (*Betula*) в количестве 21–22%. Пыльца широколиственных пород отсутствует и только в обр. 3 обнаружено три пыльцевых зерна лещины (*Corylus*).

Среди травянистых растений много маревых, полыней и злаков. Больше всего разнотравья определено в спектре обр. 3, где помимо лугового разнотравья: (зонтичных *Ariaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), яснотковых (*Lamiaceae*) и сложноцветных (*Compositae*) присутствует сорная растительность (*Fagopyrum*, *Polygonum*).

Споровые растения по-прежнему представлены в основном зелеными мхами (*Bryales*), в небольшом количестве встречены папоротники сем. *Polypodiaceae*. Этот комплекс фиксирует заключительный этап представленного в разрезе межстадиального ритма. Полученные материалы в значительной степени отражают большую часть ритма, характеризуя переход к оптимуму межстадиала (СПК1), завершающий отрезок оптимума (СПК2) и переход к более холодным этапам конца межстадиала.

По своим особенностям, при сопоставлении с имеющимися материалами (Спиридонова, 1991), изучаемый материал может быть сопоставлен с материалами позднего Валдая. Наиболее вероятно, что данные материалы лучше всего сопоставимы с межстадиалом, близким к 14–15 тыс. лет назад.

По Среднему Дону этот отрезок времени представлен в разрезе Гаврило 11, где имеется несколько дат по радиоуглероду. В последнее время эти отложения стали известны также на памятнике Дивногорье 1, который изучается командой исследователей под руководством А. Н. Бесуднова.

Научное издание

Сергин Виктор Яковлевич

ГОНЦОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Редактор: К. Н. Гаврилов
Дизайн и верстка: Д. И. Чечушкова

Подписано в печать 25.09.2024. Формат 70 x 100 1/16
Уч.-изд.л.10,3. Тираж 300 экз. Зак. №

Институт археологии РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ...

ISBN 978-5-94375-441-8

9 785943 754418